

В номере:

Наши достижения

Евгения Кравченкова..... 3

Проза

Владимир Уланов. **Княжеский крест**..... 5

Борис Пахомов. **БСГ**..... 34

Сергей Скорый. **Я – рядовой в жэдэ-войсках...** 43

Сергей Евин. **Мёртвая почта** 57

Надежда Савчук. **ТэТэ**..... 68

Очерк

Виктор Корнован. **Человек своего времени** 74

Поэзия

Евгения Мильченко 89

Андрей Ростовцев..... 90

Виктория Пилецкая 92

Ия Кива 94

Дебют

Николай Шаповал 96

Ксения Словиняну 97

Соотечественники

Пресс-центр ФМС РФ в РМ..... 98

Дневник путешественника

Ирина Коротченкова. **Прогулки по Шанхаю** 101

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Ольга Бедная, Анна Кашина,
Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Маргарита Сосницкая,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Иван Дуб,
Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

**Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская,
Александр Зингалюк**

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Евгения КРАВЧЕНКОВА

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
ФГБОУ ВПО «Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина»

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА имени А.С.ПУШКИНА

117485, Москва, ул. Академика Волгина, дом 6, тел. 335-08-00, 330-88-01, факс: 330-85-65, e-mail: inbox@pushkin.edu.ru

17.10.2013 № 8/н

ОТЗЫВ

о хрестоматии «Наше поколение»

по современной русской литературе для филологических факультетов и
лицеев под общей редакцией Г. А. Каюрова
(Кишинев: "Cuşnir & Co" S.R.L., 2012)

Современное развитие общества требует преобразования системы образования, применения новых педагогических технологий, обеспечивающих профессиональное становление будущих специалистов, оптимизацию учебного процесса.

Осознание современных требований, предъявляемых педагогу школ, лицеев и вузов, с филологическим профилем, понимание значения преподавателя не только как специалиста, передающего школьникам и студентам фундаментальные знания и профессиональные умения, но и как представителя русской культуры, приобщающего как русских, так и иностранных учащихся к восприятию специфики современного русского литературного процесса, помогли авторам хрестоматии «Наше поколение» разработать педагогическую концепцию, отличающуюся оригинальностью, а также подобрать разнообразный иллюстративный материал.

Хрестоматия «Наше поколение», опубликованная в Молдове ценителями и знатоками региональной молдавской литературы, свидетельствует об общекультурной и филологической эрудиции авторов пособия, их желании поделиться интересным творческим опытом в изучении русской литературы XX-XXI вв., о чём говорят произведения Владимира Гусева, Владимира Крупина, рассказ о трагической судьбе современных поэтов Бориса Рыжего, Александра Роскова, включённые в корпус текстов книги.

Концепция хрестоматии, отбор произведений помогают не только раскрыть характерные особенности современного литературного процесса, но и выявить имена, которые определили его лицо, сформировали направления, создали собственный стиль. Разделы «Повести и рассказы», «Очерки», «Фэнтези» и «Поэзия» призваны наиболее полно представить картину современной словесности, однако дополнительная глава «Драматургия» обогатила бы представления школьников и студентов об актуальном театре.

Составители книги представили на суд учащегося произведения остросовременные и злободневные, которые способны вызвать неподдельный интерес у молодого читателя. Повествование о личных переживаниях перемежается с сатирическими зарисовками общественной жизни, трепетность души одной лирической героини соседствует с кричащей гламурностью другой. Отметим, кстати, глубоко личностную подборку стихотворений, представленную в хрестоматии Дмитрием Нечаенко, и предложим обратиться к книге Агеносова В.В., Анкудинова К.Н. «Современные русские поэты» Антология» (М.: Вербум-М, 2006) в целях расширения представления молдавских школьников и студентов о российской поэзии.

Профессионально выверенной и качественно разработанной представляется методическая поддержка художественных произведений. Текст предваряется краткой, но исчерпывающей заметкой об авторе. Послетекстовый учебный раздел состоит из «Вопросов и заданий» и краткого словаря устаревших, редко используемых и диалектных слов, в понимании которых могут возникнуть трудности у молодого поколения. Вопросы позволяют комплексно проанализировать произведения, так как логично и последовательно раскрывают символику заглавия, систему образов, сюжетно-композиционные особенности, жанровое своеобразие и историко-литературный контекст. Любопытны задания на стр. 185 и 201, в которых ролевая игра позволяет задействовать воображение, интеллект, творческие способности учащегося в работе над произведением.

Хрестоматия «Наше поколение» помогает выбрать ориентиры в бурном современном информационном потоке, где на необозримом книжном поле посеяно и цветёт много сорняков, а также преодолеть ядовитые соблазны «чтива» и губительные тупики «маскультуры».

Художественные тексты, представленные в хрестоматии, формируют культуру чтения, что является одной из сторон важнейшей социальной проблемы, от решения которой зависит гуманистическая самореализация молодого поколения, полнота его компетентности, перспективы его участия в жизни общества и мира.

Исходя из вышеизложенного, хрестоматия «Наше поколение» вполне может содействовать возникновению и укреплению интереса молодых к региональной и российской словесности и литературе на русском языке в целом, а добротная методическая поддержка поможет глубже осмыслить прочитанное. Книгу можно рекомендовать к использованию в учебном процессе.

Владимир УЛАНОВ

*Продолжение. Начало в №10.***Княжеский крест***Исторический роман*

8

В татарском городе Ярослав Всеволодович в юрты селиться не стал, а попросил у Бату-хана, чтобы отвели ему место для расположения шатров. Татары его просьбу выполнили. И уже через некоторое время русские установили около десятка шатров. В центре стоял большой красивый шатер великого князя, а по кругу расположились дружинники и слуги.

Время шло, а хан Батый не спешил встречаться с князем Ярославом. Татарские воины постоянно находились около шатрового городка и неусыпно следили за прибывшими русскими.

Здесь Ярослав узнает, что в Орду прибыл и черниговский князь Михаил Ярославич, чтобы получить ярлык на княжение в черниговских землях. У него было большое желание встретиться с Михаилом. Но татары никого в его городок не впускали и не выпускали. Пока посольство князя Ярослава жило особняком. Он узнал, что Михаил Ярославич не захотел подчиниться обычаям татар и проходить между огней, заявив, что он их обычай не понимает и не хочет выполнять. Тогда хан Бату сильно разгневался и не принял его, а отправил назад, так и не встретившись. Князь уже несколько месяцев жил в Орде, но Бату-хан его так и не принимал.

Терпение Ярослава Всеволодовича кончалось, и он вызвал к себе своего переводчика Борислава и священнослужителя Азария. Ему было необходимо с кем-то посоветоваться и обсудить сложившуюся обстановку.

Приглашенные тут же явились. Князь усадил их за стол, сел рядом и, глядя на прекрасно знающего татарский язык Борислава, который с его сыном Константином провел у татар почти два года, спросил:

– Как ты думаешь, Борислав, что задумали татары, почему Бату нас не принимает?

– Не волнуйся, Ярослав Всеволодович, это у них в порядке вещей. Некоторые князья живут по несколько месяцев, и если его человек не очень интересует, то он долго будет ждать, а потом неожиданно пригласит. Поэтому к встрече надо быть всегда готовым, а уж если позовут, надо отдать уважение их обычаям, слушать внимательно хана, он пустой болтовни не любит, а в конце одарить подарками. Бывает, расположение хана зависит от числа подарков и их ценности.

– За подарками дело не станет, – усмехнувшись, ответил князь, – лишь бы он нам ярлык распорядился выдать.

– Это кому как, некоторым приходится еще дальше продолжить путь – в Каракорум. Я тут с некоторыми знатными татарами разговаривал, так они мне рассказали новости. Говорят, великий хан Угедей скончался и кааном назначен малолетний сын Гуюк, и теперь правит всем Каракорумским царством его мать Туракина-хатун. Очень своенравная и капризная женщина. С Бату-ханом у них не очень-то хорошие отношения, поэтому Бату никого и не принимает, даже, говорят, с расстройства заболел.

– Ты бы узнал, Борислав, у татар, когда же хан нас примет.

– Сегодня же и узнаю. К нам назначен ученый писарь Алан, он нас будет везде сопровождать. Скоро он к тебе явится. Если вы с ним поладите, он во многом сможет помочь. К тому, что он будет говорить и советовать, надо прислушиваться. И не забывать дарить ему подарки, татары это любят.

Азарий перекрестился, молвив полушепотом:

– Господи! Господи! Дай удачи Ярославу Всеволодовичу! Укроти гордыню и гнев татарского супостата Бату-хана.

В шатер вошел слуга Ефим и, поклонившись в пояс, произнес:

– Светлый князь, явился ученый писарь Алан, желает с тобой поговорить.

– Пусть заходит. Принеси нам, Ефим, сладкого вина со сладостями.

Слуга, откинув полу шатра, позвал гостя:

– Алан, великий князь ждет тебя, заходи.

Вошел небольшого роста человек, с чалмой на голове, черной с проседью бородкой и, приложив руку к сердцу, поклонившись в пояс, сказал:

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Мир вашему дому!

– Проходи, Алан. Присаживайся на лавку. Расскажешь нам последние новости двора хана Бату.

Ученый писарь, не отрывая руку от сердца, кланялся всем со словами:

– Мир вашему дому! – затем смиренно присел на лавку, куда указал Ярослав.

Ефим на большом золотом блюде внес сладости, кувшин из венецианского стекла и серебряные кубки, отделанные золотом.

У Алана при виде золоченой дорогой посуды загорелись глаза, что не ускользнуло от наблюдательного князя. Он про себя отметил: «Жаден татарин, это уже хорошо, можно будет всё, что нужно, узнавать у него. Но что-то он не похож на татарина, наверно, восточный человек, из какого-нибудь Багдада, их тут много». И тут же спросил, обращаясь к гостю:

– Что-то ты на татарина не похож.

Алан улыбнулся, ответил:

– Это ты, великий князь, верно подметил. Я действительно не татарин, а восточный человек из Багдада, но в Орде живу давно, с тех пор как попал к ним в плен. Способность к разным языкам дала возможность мне стать ученым писарем при дворе Бату.

– А у нас что будешь делать, вернее, зачем ханы приставили тебя к нам? – напрямую спросил Ярослав.

Сарацин, нисколько не смутившись, ответил:

– Буду вам помогать и направлять вас, чтобы ненаделали непоправимых ошибок. Здесь многие посланцы, не зная обычаев татар или не уважая их, заплатились жизнью. Скажу вам по секрету, что Бату-хан очень заинтересован в вашем посольстве и желает в ближайшее время с вами встретиться. Он уважает таких, как ты и твой сын Искандер, как отважных и мужественных нукеров.

Ярослав Всеволодович, внимательно слушая собеседника, разлил терпкое вино по кубкам и предложил:

– Давайте выпьем за великого Бату, да продлит господь ему счастливые годы жизни!

Ученый писарь, масляно улыбаясь, добавил:

– И за великого князя Ярослава Всеволодовича и непобедимого полководца, его сына князя Искандера.

После нескольких кубков вина лицо Алана разрумянилось, он расплылся в улыбке, довольный, что русские его с почетом принимают.

Ученый писарь наклонился к уху князя и зашептал:

– Я знаю тайну, которая вас очень заинтересует.

– Это ж какую такую тайну? – заинтересовавшись, спросил Ярослав.

– Если вы будете ее знать, то избавитесь от многих бед, – ответил гость и примолк. Князь с недоумением глядел на собеседника, ожидая сообщения. Но тот молчал, продолжая улыбаться, поглаживая свою бородку.

Борислав пододвинулся к Ярославу и тихо сказал:

– Он ждет подарка. Дай ему что-нибудь, и непременно из золота.

Князь, недолго думая, отстегнул от пояса нож из булатной стали с искусно отделанной слоновой костью и золотом ручкой. Он протянул писарю дорогое оружие со словами:

– Дарю, Алан, тебе этот кинжал, которому нет цены. Пусть он будет тебе помощником в добрых делах, для того чтобы порезать хлеб или кусочки мяса.

Ученый писарь расплылся в благодарной улыбке. Приложив руку к сердцу, стал кланяться со словами:

– Получить от русского нукера это бесценное оружие – для меня большая честь!

Он в обе руки принял клинок, поцеловал его, сказав:

– Клянусь Аллахом, что этот нож никогда не будет использован против человека, кроме своей защиты! – и пристегнул кинжал к поясу.

После этого собеседники опрокинули еще по два кубка вина, и уже тогда Алан сообщил:

– Раньше вас в Орду прибыли посланцы из Рима от Иннокентия четвертого папы римского. Хан Батый их принял и остался очень доволен их дарами и предложением жить в мире и дружбе. За это хан одарил их кардинала женой из собственного гарема, – гость опять расплылся в улыбке и даже захихикал.

Ярослав с удивлением спросил:

– А что кардинал, остался недоволен?

– Может, он и доволен, только по их вере они не должны иметь женщин.

– Ну и что он теперь с ней делает? – рассмеявшись, спросил князь.

– Я уж не знаю, великий князь, что он с ней делает, но знаю одно, что от подарков хана никто не

имеет права отказываться. Когда он дарит подарки, это большая милость. Отказавшийся объявляется врагом, и его, соответственно, убивают.

– Да! – произнес князь, не зная, что ему делать – удивляться или принять для сведения обычаи татар.

– Вот поэтому я вас заранее предупреждаю: что бы ни дарил Бату-хан, нравится вам подарок или нет, делайте хотя бы вид, что вы очень довольны. А он любит дарить своих женщин, это для него ничего не стоит.

– Так и меня, выходит, он может одарить женщиной! – с возмущением произнес князь.

– Вполне возможно, а что ты так, князь, испугался, ты же ведь не монах?

– Так-то оно так, но вот в моей голове не укладывается всё это.

– Ничего, князь, привыкнешь, если хан пошлет тебя в Каракорум, то всего насмотришься.

– Неужели пошлет? – с раздражением спросил Ярослав.

– Скорее всего пошлет. А почему? Я тебе всё сейчас расскажу. Слушай внимательно и не перебивай. Католики-иезуиты уже встретились не только с Бату-ханом, но с его старшим братом Орду и провели переговоры. О чем шла речь? Я тебе, великий князь, сейчас все доподлинно сообщу. Речь шла о том, что якобы русские князья объединяются, чтобы дать Орде отпор, и будто поведут их против татар ты и твой сын Искандер.

От удивления у Ярослава даже отвисла челюсть, но он, совладав с собой, воскликнул:

– Ну и подлецы католики! Вот гады, что удумали! Решили поссорить нас с татарами, чтобы меж нами война шла! А сами натравят немцев и шведов, чтобы наши земли захватить под шумок. Нет, не бывать этому, сделаю всё, что могу, но с татарами договорюсь.

– Это правильно ты рассуждаешь, великий князь, – заметил Алан и посоветовал: – Надо добиваться встречи с ханом Бату один на один или в его узком кругу. Я постараюсь это устроить. Только сам подумай, о чем ты будешь говорить с великим ханом. Надо, самое главное, заинтересовать его.

– Так чем же я его могу заинтересовать? – озадаченно произнес князь. – Разве что подарками. Так ему этих подарков столько дарят, что мои покажутся ничтожными.

– Не скажи, великий князь. Давая подарки, говори хану, что ты этим ему будешь платить дань. Ты, князь, учти, что у Бату-хана огромная армия, и ее надо кормить. В отличие от немцев и шведов, которые претендуют на ваши земли, татарам от вас нужна дань. За это вы будете в чести у Бату-хана.

– Где ж мне столько дани собрать, чтобы кормить оголтелую армию татар? – с раздражением произнес Ярослав.

– Тебе и собирать не надо. У тебя всё это есть в твоих богатых княжествах. Это мед, пшеница, скот, шкуры зверей. Вот это нехитрое богатство очень нужно Бату-хану.

– И правда, князь мой светлый, правильно он говорит. Все эти богатства у нас есть, и мы сможем давать дань хану, – поддержал писаря священнослужитель Азарий.

– Ох, не так просто это будет делать, – в сомнении покачал головой Ярослав Всеволодович и решительно добавил: – Видимо, придется постараться, чтобы спасти Русь от грабежей и разорения.

В шатер вошел слуга Ефим и сказал:

– Прискакал посланник и сообщил, что хан Батый ждет тебя, великий князь, в шатре и просит немедленно явиться.

От такого сообщения князь даже растерялся, затем махнул рукой и произнес, обращаясь к своему слуге:

– Сообщи всем, пусть собираются. Готовят подарки. Пойдем на встречу к Бату-хану.

– Я пойду с вами на прием и помогу вам во всем, покажу и расскажу, где что делать, что говорить, чтобы по незнанию не нарушить обычаи татар.

Князь удалился во вторую половину шатра, чтобы привести себя в соответствующий порядок и выглядеть как настоящий витязь. И действительно, через некоторое время князь вышел к людям и стал распоряжаться по подготовке к приему хана. Он прекрасно понимал, от первого знакомства многое зависит, и самое главное, как на него взглянет хан и произведет ли на него впечатление.

Вскоре Ярослав в окружении своих воинов подошел к большой юрте Бату-хана. Князь выглядел великолепно, как настоящий русский богатырь. Он был широк в плечах, на которые была наброшена красная накидка, шитая золотом. На груди сверкали пластинчатые доспехи. На голове – отделанный золотом и серебром шлем. Князь хоть и был уже в возрасте, но выглядел стройным, крепко сложенным. Из-под шлема виднелись темно-русые с проседью волосы. Борода и усы коротко подстрижены. Лицо было мужественное, решительное, глаза светились отвагой. Ученый писарь Алан и переводчик Борислав находились рядом.

Алан, наклонившись к уху Ярослава, зашептал:

– Сейчас нукер-сотник даст нам знак идти в юрту хана. Мы войдем втроем. Остальные твои воины с подарками пусть ждут здесь, когда надо, я их приглашу. Нужно будет пройти меж огней, иди смело, ничего не бойся, ничего не говори и не трогай.

– Зачем идти-то меж огней? – с удивлением спросил князь.

– Таков их обычай. Называется освобождение от злых духов, болезней и всякой скверны. И еще при входе в юрту нукеры снимут с тебя меч. Не вздумай сопротивляться. С оружием в юрту хана никто не должен входить.

– Хотя и не нравится мне всё это, но придется подчиниться, – согласился великий князь.

– Ну, князь, пошли, – сказал писарь и подтолкнул Ярослава под локоть.

Первым пошел великий князь, за ним, ступая след в след, Алан и Борислав. Они благополучно прошли меж огней и, отдав оружие татарским воинам, вошли в ханскую юрту. Она была ярко освещена толстыми разноцветными сальными свечами. Пахло чем-то кислым и в то же время приятными благовониями.

Бату-хан восседал на золотом троне, с интересом через узкие щелки глаз разглядывая русское посольство. Его взгляд скользнул по сопровождающим Ярослава и остановился на ладной фигуре великого князя. На лице у хана промелькнуло что-то вроде доброжелательной улыбки, но он тут же сделал лицо суровым и непроницаемым.

Когда приглашенные подошли к трону, Алан прошептал князю:

– Ради Всевышнего Аллаха! Преклони хотя бы колено перед ханом, иначе всё испортишь! От тебя не убудет, ты только этим выиграешь и спасешь свои княжества от разорения!

Услышав, что ему нужно преклонить колени перед этим плюгавеньким узкоглазым татаринком, князь побавровел, его руки сжались в кулаки. Но усилием воли он взял себя в руки, чей-то голос, наверно свыше, прозвучал в его ушах:

– Сделай это, князь, ради земли русской! Ради всех русских людей спаси их от разорения!

Ярослав Всеволодович, как деревянный, поклонился в пояс и, преклонив одно колено перед ханом, произнес:

– Великий хан, наше посольство прибыло по твоему приглашению, с миром, дружбой между русскими и татарами.

Бату-хан, с интересом наблюдавший за князем, чуть заметно улыбнулся и кивнул головой, давая знак Ярославу говорить дальше.

– Наше посольство готово обсудить с тобой, великий хан, условия получения из твоих рук ярлыка на княжение в Руси. А также разреши нам одарить тебя, твоих жен и приближенных подарками, чем богата русская земля.

Бату-хан, выслушав русского князя, ответил:

– О ярлыке на княжение мы сегодня с тобой поговорим вечером за пиалой кумыса. А подарки можно и сейчас подарить.

По знаку князя стали вносить в юрту сундуки с подарками. Князь сам открывал их, показывая богатства. Здесь были серебряная и золотая посуда, дорогие украшения, меха, отделанное золотой и серебряной насечкой булатное оружие. Из одного из сундуков Ярослав сам лично достал соболиную шубу. Поднялся на помост к хану и набросил на плечи. Черно-бурый мех заискрился серебряными искорками, красиво переливаясь на свету и легкими волнами пробега от прикосновения. Шуба была легкая как пушинка, ласкала и согревала хана. Он заулыбался, нежно погладил упругий и теплый ворс, зацокал языком.

Все находящиеся в юрте тоже заулыбались и, как дети, радуясь, захлопали в ладоши.

Бату-хан обратился к князю:

– За такой подарок, князь, проси у меня, что хочешь.

– Большая просьба у меня к тебе, великий хан!

– Говори, – отрывисто произнес Бату.

– Давно у тебя томится черниговский князь Михаил Ярославич. Отпусти его с миром домой.

Лицо татарского хана стало суровым и непроницаемым. Он жестко ответил:

– Этот князь не уважил наши обычаи и обычаи предков, тем самым растоптал наше уважение к нему и заслужил смертельное наказание.

– Я очень прошу тебя, великий хан, отпусти Михаила Ярославича.

Бату-хан на какое-то время задумался, затем произнес:

– Хорошо. Но сперва я отвечу на твои подарки своим подарком, – и дал знак слугам, хитро улыбаясь.

Нукеры завели закутанную с ног до головы в дорогие ткани женщину. Были видны только ее голубые глаза, полные слез.

– Это моя лучшая наложница, почти жена. Я дарю ее тебе в жены, – с усмешкой на губах сказал хан, пристально наблюдая за Ярославом, как тот поведет себя в такой ситуации.

От такого подарка князь не мог произнести ни слова. Но Алан зашептал ему:

– Благодарю хана. Кланяйся ему ради Аллаха.

Ярослав, собрав все свои душевные силы, поклонился в пояс и с трудом произнес:

– Благодарю тебя за подарок, великий хан!

Тот милостиво улыбнулся, сделал знак слугам, и те пригласили в юрту черниговского князя.

Михаил Ярославович с суровым лицом подошел в сопровождении татарских воинов к трону хана. Он не поклонился, не преклонил колено перед татарским ханом. На лице его была непреклонная решительность. Черниговский князь молчал, ожидая, что скажет хан Бату. В юрте наступила полная тишина. Все напряженно ждали, что же произойдет. После длительной паузы гнев хана стал нарастать, лицо его побелело, затем покрылось красными пятнами. Он тихо заговорил. В полной тишине его слова были жесткими, как удары кнута, обрекая непокорного князя на мучительную смерть:

– Ты нарушил обычаи моих предков! Ты проявил неуважение ко мне, великому и непобедимому хану, дошедшему до последнего моря! Я повелеваю отдать тебя на съедение собакам!

После этих слов нукеры подскочили к князю Михаилу. Один из них ловко повалил его спиной на свое колено и резко переломил позвоночник. Князь от боли взревел. Затем закричал:

– Придет время, поганый хан, Русь воспрянет и погонит вас назад, откуда вы пришли! А тебя, поганый, привяжут меж двумя березами и порвут напополам! – Михаил пытался еще что-то кричать, но нукеры умело пятками стали бить его по лицу и туловищу. Михаил Ярославич замолчал. Предсмертные судороги прошли по всему его телу. Он заскреб руками пол, напрягся и затих.

В юрте наступила жуткая тишина.

Ярослав Всеволодович с большим трудом сдерживал себя, еще мгновение – и он, не помня себя, бросился бы на хана. Алан и Борислав прижались вплотную к князю, переводчик сжал руку великому князю, шепча:

– Успокойся, князь! Ему ты уже ничем не можешь помочь, а все дело наше испортишь! Они так же, как его, растопчут тебя на радость нашим врагам! Терпи, Ярослав Всеволодович, нам еще много придется терпеть! Хан тебя жалует, поэтому успокойся.

От напряжения и сознания, что ничего нельзя сделать, князя трясло мелкой дрожью.

Хан Батый, тоже не ожидавший такого поворота событий, встал и дал знак всем удалиться.

* * *

В обед другого дня кардиналы Вильгельм де Рубрук, Иоанн де Поликарпо, монах-иезуит переводчик Гавино были приглашены к хану Орду, старшему брату Бату, который в ярлыках и указах как старший брат ставил свое имя впереди имени Бату-хана. Хотя фактически главой ханства был хан Батый.

Католикам все-таки удалось убедить хана Орду, что русские враждебно настроены против татар, что ярлык им нужен лишь для того, чтобы Ярослав объединил все княжества против татар. Осторожный Орду поверил в это и стал помогать католикам в заговоре против русского посольства.

Хозяин и его приближенные вместе с католиками восседали на подушках, пили первую круговую пиалу за дружбу и любовь. Кумыс был резкий и кислый, имел привкус от бурдюка, от которого кардиналов тошнило. Вильгельм, глотнув из общей пиалы, закрыл рот, пытаясь удержать в себе противный кумыс, еще мгновение – и его бы вырвало, но он с трудом удержал в себе непривычный кислый напиток.

Субудай, который был тоже приглашен ханом, заметив состояние кардинала, ехидно улыбнулся и произнес:

– Ох и хорош кумыс! Давно уж такого не пивал!

– Да уж, багатур, кумыс просто несравненный! – ответил Рубрук, вытирая шелковым платочком выступившие слезы.

– Вчера мой брат великий хан Бату и князь Ярослав вечером за пиалой кумыса обсуждали мирный договор между Ордой и Русью. Даже меня, старшего брата, не соизволили пригласить, – с обидой сказал хан Орду и продолжил: – Даже я и то не знаю, о чем там шла речь, но мне все-таки удалось кое-что узнать.

– Да и узнавать ничего не надо, с русскими и так всё ясно. Для них сейчас самое главное – перетя-

нуть Бату-хана на свою сторону, воспользоваться затишьем, собрать и объединить силы русских князей, чтобы выступить против вас же, – вкрадчиво проговорил кардинал Иоанн.

Орду и Субудай переглянулись. Хан заерзал на подушках, затем произнес:

– Надо сделать так, чтобы князь Ярослав не получил ярлыка на княжение в русских землях. Скоро за ярлыком мы его отправим в Каракорум, путь туда длинный, всё может произойти, – с чуть заметной улыбкой произнес хан, обращаясь к католикам.

– Мы уже думаем над этим, великий хан Орду, и всё сделаем, чтобы Ярослав не получил ярлыка на правление княжествами.

9

В 1245 году литовские князья, объединившись, вторглись на юго-западе Руси в новгородские земли. Долго откладывал этот поход великий князь Миндовг. Не хотелось ему опять ссориться с русскими князьями из-за прихоти недалёковидных князей, которые рвались пограбить города и селения на Руси. Дошло до того, что даже не только его враги Даумантас, Теренета, Вашалгас, но и его родственники, племянники Тутвилас, Гедивидас и дядя Викинтас стали в лицо ему говорить, что он трус и боится напасть на Русь. Они его страстно убеждали, что сейчас самое время сделать набег на русские княжества, так как великий князь Ярослав находится у татар, а его сын Александр сидит в Новгороде. Пока Александр Невский придет на подмогу, их уже не будет, они скроются в лесах. Кроме того, у всех было обоюдное желание пополнить свою казну, захватить пленных для продажи и пополнения работниками своих хозяйств.

Литовские дружины беспрепятственно двигались к городам Беженску и Торжкам, потому как некому было дать отпор, и путь их был свободен. Не ожидавшие нападения русские города и селения почти не оказывали сопротивления. Всё это вскружило литовским князьям головы. Хотя великий князь Миндовг разрешил своему воинству дойти только до Смоленска, а затем возвращаться назад, но они нарушили обещание и двинулись вначале к Беженску. К городу подошли неожиданно к середине дня. Не теряя времени, князь Тутвилас, который взял командование над дружинами, распорядился сразу же идти на приступ городка.

Город в это время жил своей спокойной, размеренной жизнью: работали мастера, купцы торговали в лавках, работные люди занимались своим делом. Никто не подозревал, что над городом нависла беда, что очень скоро мирная жизнь прекратится и польется русская кровушка, что множество женщин и девушек будут изнасилованы и взяты в плен, а мужчины, не готовые к бою, не смогут защитить свой город. В этот день даже городские ворота были открыты, так как работные люди возили в город дрова и сено для лошадей. Никто не ожидал нападения.

Литовские воины свирепого вида, одетые в шкуры, на лошадях неожиданно появились у центральных ворот. Стражники, охранявшие ворота, уже поздно заметили врагов. Они попытались оказать сопротивление и закрыть дубовые ворота. Но вражеские воины тут же смяли их и подняли на копья. В город хлынула лавина литовских воинов. Они растекались по всему городу, не щадя никого, кто пытался оказать им хоть какое-то сопротивление.

В этот день в сопровождении дружинников великого князя Ярослава Михаил рано утром прибыл в город Беженск. Ворота города были закрыты, но как только Михаил, показывая грамоту, крикнул стражникам, что он от великого князя с грамотой к его сыну Александру Невскому, его тотчас же впустили и повели к городскому старшине.

Городской старшина средних лет, широкоплечий, крепко сложенный, одетый в доспехи, опоясанный широким ремнем с железными бляшками, с пристегнутым на боку мечом, уже хлопотал на подворье, снаряжая куда-то небольшой отряд верховых дружинников.

Завидев гостей, старшина широко улыбнулся, обнажая ряд белых крепких зубов, подал руку Михаилу, сказал:

– Говорят, вы от самого Ярослава Всеволодовича, из поганой Орды, с грамотой.

Михаил, пожав сильную руку старшины, сказал:

– Зовут меня Михаилом Романовичем, и послан я с грамотой к Александру Невскому.

– А меня называй Никитой Дмитриевичем, я здесь в городе старшина. Вижу, вы устали с дороги и вам не до разговоров.

Никита, посмотрев вокруг, крикнул:

– Василь, подойди сюда!

Подошел молодой дружинник и спросил:

– Что кличешь-то, Никита Дмитриевич?

Указав на прибывших, старшина попросил:

– Ты вот что, Василь, отведи гонцов в гридницу, пусть они немного отдохнут.

Провожатый не спеша повел путников. Вскоре они пришли в просторное помещение с широкими лавками, застланными волчьими шкурами. И сообщил:

– Выбирайте любую лавку и отдыхайте. Когда выпитесь, приходите на подворье старшины.

Михаил и его спутники, не раздеваясь, легли на лавки и заснули крепким сном. Снилось Михаилу его жена Анастасия. Одета она была в легкий голубой сарафан, с венком ромашек на голове. Стоят они среди большого поля с цветущими ромашками и голубыми васильками. Михаил наклонился к лицу жены и стал ее нежно целовать.

Женщина улыбалась светлой улыбкой, обнажая белые, словно жемчужные, зубы. Им в это время было хорошо и радостно. Анастасия, оглянувшись, сказала: «А вон наши детки бегут». Михаил тоже оглянулся и увидел, что к ним бегут трое детей, веселых, радостных, и кричат:

– Мама! Мама!

Михаил с удивлением посмотрел на свою жену и сказал:

– Откуда ж эти дети? У нас же не было детей!

– Они у нас будут, – ответила с улыбкой Анастасия.

Вдруг всё кругом потемнело, и на горизонте огромного поля показались черные всадники. Они быстро приближались. Михаил стал различать их свирепые лица. Вот-вот, они уже достигнут детей и подымут их на длинные копы.

Дети кричали:

– Мама! Мамочка, спаси нас!

Михаил выхватил меч и преградил дорогу всадникам. Стал наносить удары. Первый воин рухнул с коня прямо ему под ноги. Второй воин стал отчаянно сопротивляться, нанося сильные удары по щиту, который едва успевал подставлять Михаил. А черный воин всё бил и бил по щиту, что-то кричал на непонятном языке. Михаил собрал все свои силы и бросился на врага, но тут же проснулся, открыл глаза, рядом стоял один из его спутников Алексей.

– Ну наконец-то! – воскликнул Алексей. – Ох и спать ты здоров!

– Что случилось-то, зачем будил? – недовольно спросил Михаил.

– Слышишь, какой шум в городе и крики? Что-то неладное там творится, – ответил дружинник.

Михаил прислушался. И действительно, слышались крики, лязг оружия, ржание лошадей. Он вскочил на ноги, надел кольчугу, пристегнул длинный меч и кривой кинжал к поясу. Спутники последовали его примеру. Все поняли, в город пришел враг.

Михаил и дружинники вышли на улицу и были поражены происходящим. Кругом сновали свирепого вида воины в шкурах. Они врывались в дома, тащили и складывали в кучу одежду, посуду. Вязали по рукам и ногам мужчин и женщин. Кто оказывал сопротивление, убивали.

– Так это ж литовцы! – воскликнул один из дружинников. – Вот сволочи, опять набег на наши земли совершили! Почувствовали, что великого князя нет! Вот и поперли!

Тут они увидели, как несколько литовских воинов схватили юную девушку. Сорвали с нее платье, бросили ее на сено. Не обращая ни на кого внимания, двое сели ей на руки, а еще двое широко раздвинули девушке ноги. Другой же воин, видимо, старший среди них, навалился сверху на жертву. Девушка кричала, плевала в лицо насильнику, но тот, охваченный страстью, только рычал, схватив за белую грудь непокорную пленницу.

Михаил и его спутники ринулись на помощь девушке. Одним ударом меча был уничтожен насильник, опрокинувшись навзничь, он хватал ртом воздух, в предсмертных судорогах истекая кровью. Та же участь постигла и его соплеменников, они легли рядом, лишённые жизни от смертоносных ударов булатных мечей. Девушка с перепугу завизжала, забилась в истерике.

Дружинники подняли ее, стали успокаивать:

– Что ты кричишь как резаная. Мы свои, русские. Успокойся и следуй за нами, если хочешь жить.

Девушка примолкла, поняв, что это не литовцы, молча последовала за своими спасителями.

На улицах происходили ожесточенные схватки с врагом. Одни литовские воины вытаскивали из домов вещи и всякое барахло, хватали пленников, связывая веревками, другие, завидев красивых молодых женщин, тут же их насиловали.

Гонцы, а вместе с ними и девушка, стали пробиваться на подворье к старшине, надеясь, что там

они смогут в рядах городских дружинников дать достойный отпор непрошеным гостям. Но когда они пробились к подворью старшины, то увидели, что там идет ожесточенная схватка с врагами. Никита Дмитриевич и десяток оставшихся в живых дружинников бились с литовцами. Старшина был ранен, из-под кольчуги стекала кровь. Не обращая внимания на раны, он мощными ударами меча разил врагов. Дружинники, сраженные стрелами или короткими копьями, один за другим падали, защищая свой город. Кольцо врагов вокруг старшины и его воинов сжималось, и казалось, вот-вот близок конец сопротивления последних защитников. Умирая, никто из них не просил пощады, они дрались до последнего вздоха, защищая свою землю, свой дом, жен и матерей.

Видя, что вокруг старшины и его воинов находилась небольшая часть врагов, так как остальные в основном были заняты грабежом, Михаил крикнул своим спутникам:

– Вперед, ребята! Давайте подмогнем Никите и его дружинникам! – и первым ринулся на литовцев. Те, не ожидая нападения сзади, растерялись. Воспользовавшись замешательством врага, они быстро разметали нападающих. Даже спасенная от насильников девушка, подняв с земли копье, с криком вонзила его в тело одного из литовских воинов.

Михаил, поддерживая старшину, истекающего от ран кровью, отбиваясь от нападающих, крикнул оставшимся в живых дружинникам:

– Ребята, будем отходить на подворье!

Воины, оцетинившись копьями, закрываясь щитами от стрел, отступили в подворье старшины.

Михаил опять распорядился, обращаясь к ратникам:

– Закрывайте ворота! Здесь мы сможем какое-то время отсидеться и привести себя в порядок.

Михаил осторожно завел Никиту Дмитриевича в конюшню, положил на копну сена и обратился к девушке:

– Как хоть зовут-то тебя, красавица?

– Арина, – ответила девушка. – Говори, что делать-то надо?

– Перевязать Никиту надо, чтобы не истек кровью, а я пойду посмотрю, сколько в конюшне лошадей. Если что, прорываться на лошадях будем. Может, и спасемся.

Михаил прошел в стойло лошадей. Там было около десятка добрых коней, которые, мирно похрустывая, жевали сено. Он вышел из конюшни, позвал к себе двух дружинников и попросил:

– Вот что, ребята, как можно скорее седлайте коней. Как только будет всё готово, сообщайте. Прорываться будем. А я пока пойду подмогну остальным держать оборону ворот, чтобы литовцы не прорвались.

У ворот шла ожесточенная схватка. Враги упорно лезли на ворота и плотный забор с заостренными кольями. Русские воины длинными копьями пронзали врагов, а меткие стрелы разили литовцев, которые падали по ту и другую сторону ворот. Дружинники были в более выгодном положении, чем непрошеные гости, но напор их нарастал, и необходимо было что-то предпринимать. Неожиданно для защитников нападающие прекратили штурмовать подворье. По всей вероятности, они к чему-то готовились.

Михаил, не теряя ни минуты, велел вывести оседланных лошадей и всем усесться в седла. К этому времени старшина после перевязки ран уже мог сидеть на коне. Наконец все было готово. Михаил коротко объяснил свой нехитрый план: «Открываем ворота и мчимся во весь опор к городским воротам, до которых от подворья рукой подать, а там скрываемся в лесу».

И вот дружинники, сбросив толстую дубовую закладку, резко отворили ворота. Всадники, не теряя времени, помчались из города.

Литовцы же, утомленные штурмом подворья, решив, что защитники никуда не денутся и они еще успеют взять подворье, решили передохнуть перед решительным штурмом. Некоторые из них присели на землю, а иные даже насыщались пищей, которую взяли в ограбленных домах горожан.

Неожиданное появление всадников повергло их в растерянность. И пока они собирались что-то предпринять, русские воины уже мчались к лесу. А там искать и догонять было бесполезно. Один из литовцев, видимо, старший, в досаде плюнул на землю, стал ругать своих воинов за нерешительность.

Всадники еще долго мчались по лесной дороге, чтобы уйти от возможной погони. Но литовским воинам было не до погони, так как они, отягощенные большой добычей и пленными, и не помышляли преследовать какую-то горстку дружинников.

Когда наконец всадники остановились, чтобы дать передохнуть уставшим лошадям, уже вечерело. Нужно было где-то искать место для ночлега и отдыха. Один из дружинников подошел к Михаилу и сообщил:

– Ночью, наверно, сильно похолодает, и начинается дождь. Оставаться в лесу нежелательно и опас-

но, надо собрать последние силы и добраться до деревеньки.

– А далеко ли та деревенька? – обрадованно спросил Михаил.

– Да не так далеко, к наступлению темноты будем там. Лишь бы литовцы до нас там не побывали, а то все, поди, подожгли.

– Будем надеяться на лучшее. Давай подымай всех – и в путь.

Холод уже начинал пробирать людей, многие из них были одеты кое-как, многие ранены. С большим трудом люди двинулись по извилистой дороге к деревне.

Уже было темно, когда отряд подошел к поселению. Увидев дома со слабыми огоньками горящих лучин в окнах, затянутых бычьими пузырями, все обрадовались, оживились, зная, что их здесь ждут тепло и, хоть и скудная, крестьянская пища.

– Слава Богу! – воскликнул Никита Дмитриевич. – Хоть здесь нас Господь не оставил! Видно, литовцы это место обошли стороной.

– А что им тут делать? В этом месте им пожить нечем, разве что хлеба с мякиной да пленных взять.

10

Московский князь Ярослав Владимирович, узнав, что литовцы направляются к городам Беженску и Торжкам, не стал ждать, когда беда придет в его дом, а спешно снарядил свою дружину и ополчение. Не теряя времени, двинулся навстречу врагу. Как ни спешил князь, чтобы помочь Беженску, но не успел. Еще подходя к городу, люди в его войске увидели столбы дыма от пожарищ, которые устроили непрошеные гости.

Когда князь и его дружина вошли в город, им представилась страшная картина разорения. Оставшиеся в живых, которые сумели спрятаться от литовцев, тушили пожарища, стараясь не дать огню распространиться по всему городу. Благо, не было ветра.

Ярослав Владимирович решил в городе не задерживаться, а немедленно преследовать врага. По его приказу к нему привели человека, который согласился короткими путями догнать вражеские отряды.

Когда к князю привели старика, Ярослав внимательно посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

– Вижу по твоему одеянию, ты, старец, собрался не только нам путь указать, но и биться с врагом.

– Рука моя еще крепка, и я сумею отомстить за свою дочь и сына, угнанных в плен, а может, даже удастся освободить их.

– Как зовут тебя, богатырь?

– Никитой Святославичем кличут.

– Ну что ж, Никита Святославич, веди нас ближними путями к нашим обидчикам и разорителям земли русской. – Затем поинтересовался: – Откуда ж ты знаешь, каким путем их преследовать?

– Я, князь Ярослав Владимирович, тайком проследил, за ними шел по следам до тех пор, пока они не стали лагерем. В городе они, видно, побоялись оставаться, зная, что могут быть отмщены. Поэтому-то устроились на берегу реки. Я ваше войско быстро выведу куда надо.

– Хорошо, Никита, веди.

Вскоре дружинники и ополченцы двинулись за проводником.

Князь и Никита ехали рядом, каждый думая о своем. Ярослав Владимирович часто с нетерпением спрашивал:

– Скоро ли, Никита, прибудем на место?

– Скоро, – отвечал спокойно Никита и добавлял: – Не беспокойся, князь, как только подойдем куда надо, я сразу же сообщу.

Уже почти стемнело, когда все увидели деревеньку. Кое-где в окнах покосившихся, черных от времени домов горели лучины.

Проводник перекрестился, сказав:

– Слава Богу, деревенька цела! Видно, не дошли сюда проклятые литовцы, хоть и стоят они своим лагерем совсем недалеко.

Войдя в деревню, дружинники князя и его ополчение, утомленные длительным переходом, стали устраиваться на ночлег. Ратники располагались, кто где может. Самые удачливые ночевали в избах, в банях, а кто не успел, устроились в палатках прямо на улице, у костров или зарывшись в сено в коровниках.

Утро выдалось хмурое. Через некоторое время стал моросить дождь, все небо заволгло тучами, предвещая ненастную погоду.

Утомленные походом воины стали просыпаться, готовить на костре горячую пищу.

Князь Ярослав с трудом встал, его мучила головная боль, и жгло в горле и груди. Он быстро оделся в теплую одежду, а затем снарядился в доспехи, пристегнул к широкому поясу меч и обратился к своему слуге:

– Илья, раздобудь молока, вскипяти его, положи туда меда с маслом и принеси мне. А то я где-то простыл, нужно поправить здоровье.

Через некоторое время вернулся Илья. Князь нахмурил брови, увидев, что Илья не исполнил его указание.

Слуга, перехватив сердитый взгляд Ярослава, торопливо сообщил:

– Я вот что, мой господин, хочу тебе сообщить. Пришли к нам в деревню дружинники, вырвавшиеся из Беженска.

– Кто же их привел?

– Привел их Михаил Романович, посланник Ярослава Всеволодовича, да городской старшина Никита Дмитриевич. Только он тяжело ранен.

Князь встал, накинул шубу на плечи и вышел во двор. Там он увидел вновь прибывший отряд воинов. Их было немного, но они держались уверенно, в их лицах светилась решительность отомстить непрощеным врагам.

К Ярославу Владимировичу сразу же подошел Михаил. Он поклонился в пояс князю и сказал:

– Князь ты наш светлый Ярослав Владимирович! Вот то, что осталось от защитников города, но мы готовы продолжать биться, чтобы прогнать литовцев с русской земли и отбить наших пленных.

Ярослав, выслушав Михаила, спросил:

– А где же мой старшина Никита Дмитриевич? Жив ли он?

– Жив он, жив, только нужно куда-то его положить, промыть и перевязать раны.

Князь подошел к лежащему на телеге старшине, стал его внимательно рассматривать. Никита лежал на спине. Лицо его было бледно, веки дрожали. Он с трудом открыл глаза, взгляделся в нагнувшегося над ним князя и, узнав его, виновато улыбнулся и тут же застонал от боли.

Ярослав поискал глазами слугу, а увидев его, распорядился:

– Я слышал от местных людей, что в деревне есть бабка, которая лечит травами и заговорами. Несите его к ней. Пусть промоет и заговорит ему раны.

Дружинники тут же подхватили Никиту на руки и понесли к старухе.

Ярослав Владимирович, обратившись к Михаилу, сказал:

– Пойдем ко мне и поговорим обо всем. Надо решить, как нам быть дальше.

Они вошли в прокопченную избенку. Князь пригласил гостя за стол.

– Садись, Михаил Романович, поешь, а то, наверно, голодный.

– Да не откажусь от вашего угощения, давно уж как следует не ел. То в дальней дороге был, то вот сразу же в граде Беженске в битву попал.

На столе дымилось зажаренное мясо, лежал пышный каравай хлеба и стоял кувшин с вином.

Князь немного подождал, когда его гость утолит голод, затем спросил:

– Скажи, добрый молодец, откуда ты путь держишь и куда?

Михаил, пригубив вина, стал рассказывать:

– Я был взят в плен татарами во время взятия ими Киева. Так как был ранен, находился в беспомощности, то не смог достойно отдать свою жизнь за поруганную и потоптанную татарами Русь. В плену я находился долго, узнал там почем лихое. Но сбежать никак не мог. Непростое это дело – убежать с Орды, так как кругом степь. Либо поймут татарские разъезды, либо волки сожрут, или умрешь голодной смертью. А я отчаялся бежать зимой, да хорошо, что в пути наткнулся на стан великого князя Ярослава Всеволодовича. Иначе не сидеть бы мне с вами рядом. С собой он меня взять не мог, но послал с грамотой к Александру Ярославичу, а сам двинулся к хану Бату.

– Мне бы не хотелось тебя отсылать далее. Мне сейчас хорошие воины ой как нужны! Да и сам князь Александр сообщил, что спешит со своей дружиной нам на помощь. Так что скоро встретитесь.

– Конечно, князь, я у вас останусь и помогу чем могу.

– Сколько у вас воинов? – спросил Ярослав.

– Около трех десятков наберется, но все испытанные в бою.

– Тогда сейчас же выступаем бить литовцев.

– Надобно бы послать вперед дружинников. Пусть посмотрят, что предпринимают литовцы, а там и

будем уже с ними вступать в бой.

– А что смотреть-то? Мне местный охотник и проводник сказал, что литовцы расположились на отдых и к бою не готовы. Вот мы их и захватим врасплох.

– А все-таки, Ярослав Владимирович, может, нам послать людей?

– Не будем терять время понапрасну, сейчас же выступаем.

* * *

Литовские отряды расположились на берегу реки. Воины после набегов на русские города и поселения отдыхали. Истово делили добычу, спорили, иногда даже кое-где возникали потасовки. Пленных же они разделили между собой, и после этого каждый из них должен был кормить и охранять их сам. Поэтому плененные мужчины и женщины были связаны, страдали от жары и голода.

Викинтас, Тутвилас и Гедевидас и еще несколько князей сидели в шатре, обсуждая, что же им делать дальше.

– Необходимо послать небольшие отряды в разные стороны. Пусть осмотрят местность. Поглядят, нет ли где поблизости русских воинов или княжеских дружин. А то попадем в окружение и не сможем отбиться, – предложил осторожный Тутвилас.

– А ведь он прав, надо бы кругом выставить отряды, чтобы русские нас врасплох не захватили. Я уверен, наши враги уже собирают или уж собрали воинов, чтобы догнать нас и вернуть пленных и нашу добычу, – поддержал князь Викинтас.

– Давайте сделаем так. Ты, Викинтас, и ты, Гедевидас, возьмите воинов и небольшими отрядами осторожно разведайте кругом, да так, чтобы вас никто не заметил. И если узнаете, что русские что-то готовят против нас, немедленно сообщайте, – распорядился Тутвилас.

– Я небольшой отряд своих воинов еще с утра послал на разведку. Только вот что-то долго не возвращаются. Не попали ли они случайно в полон к русским? – обеспокоенно сказал князь Гедевидас.

В это время в шатер почти вбежал литовский воин.

– Что случилось, Гентарас? Где вы так долго были? Я уж думал, что русские вас в плен взяли. Не знал, что и подумать. Хотели уже за вами и людей послать несколько отрядов. Хорошо, что вы объявились. Садись и рассказывай, что вы узнали, – стал расспрашивать своего воина Гедевидас.

Разведчик устало опустился на лавку, снял шлем, освобождая копну грязных спутанных рыжих волос, которые в беспорядке торчали во все стороны, вытер рукавом пот с лица, медленно заговорил:

– Жители Торжка со своим князем Ярославом уже направились к нам, и ведет их местный житель. Он знает, где мы расположились. Дружина у князя небольшая, но много всякого люда к нему присоединилось и идут к нам, чтобы дать нам бой.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Гедевидас.

– Мы взяли в плен русского воина, и он нам под пытками все рассказал.

– А где тот воин? Я бы хотел еще с ним поговорить.

– Мы ему сразу же голову отрезали и закидали хвоей, чтобы русские его не нашли.

Тутвилас достал кусок пергамента коричневого цвета, велел разведчику принести из остывшего костра уголь. Когда уголь был доставлен, он расстелил пергамент на дощатом столе. Очертил реку, на берегу кружочками показал свой лагерь и дорогу, ведущую к реке. Затем спросил у разведчика:

– Где сейчас русская дружина? И есть ли еще дороги, которые ведут к реке?

Разведчик осторожно взял в руки уголек и стрелкой показал, где идет дружина князя Ярослава.

– Сколько у нас есть времени, чтобы достойно встретить наших врагов?

– Идут они медленно, наверно, боятся попасть в засаду. Поэтому где-то через четыре часа они выйдут к реке, – ответил, немного задумавшись, Гентарас.

– То, что русские знают, где мы расположились, это очень хорошо, это только нам на руку, – задумчиво проговорил Тутвилас.

– Как это понимать? Хорошо, что русские знают, где мы находимся? – с изумлением спросил Гентарас и добавил: – Мы наоборот делали все возможное, чтобы князь Ярослав не напал на наш след.

Князь Тутвилас взял уголек, вновь наклонился над пергаментом и стал что-то чертить.

Все внимательно следили за движением его руки. Наконец князь оторвался от своей работы и вымолвил, обращаясь к присутствующим:

– А теперь посмотрите. Я думаю так встретить наших врагов. Место своего расположения мы не будем менять. Но оставим здесь отряд воинов для видимости. Остальные же князья со своими дружинами будут

тихо сидеть в засаде. Небольшой отряд наших воинов встретит русского князя на подступах к нашему лагерю. И как только завяжется битва, они начнут отступать. Русские же ринутся их преследовать. И когда они выйдут к берегу реки, вот тогда наши засадные отряды вступят в бой с князем Ярославом, с его воинами. Русские будут зажаты со всех сторон. Впереди река, а кругом наши воины. Вот тут-то мы их и разобьем.

– Мудро придумано! – с восхищением воскликнул Гедевидас.

– Нас ждет удача и в этой битве. Вернемся мы домой богатыми и с пленными, которых можно продать или заставить работать с утра до вечера на себя, и с отнятыми у русских съестными запасами и барахлом. Я всегда говорил, что ты, Тутвилас, умный и хороший воин! – с одобрением сказал Викинтас.

– Ну ты размышлял, – насмешливо сказал Тутвилас и вставил: – Надо еще победить противника, а излишняя самоуверенность вредит в серьезном деле. Давайте поспешим, князя, к своим отрядам и будем готовиться к битве.

11

Ярослав Всеволодович проснулся рано. Он долго лежал с открытыми глазами, перебирая в уме все, что произошло с ним с тех пор, как он поехал на поклон к татарским ханам. Все оказалось очень непросто. Кроме русских князей, к татарам в милость пробивались правители многих народов и княжеств и государств, которые месяцами, а некоторые даже годами жили при татарских ханах, добиваясь их расположения. Ему еще повезло, что хан Батый принял его сразу, и они провели переговоры, поклялись в вечной дружбе друг с другом. Но сам Бату-хан не мог дать ярлык князю, так как ханша ханум Туракина потребовала от него, чтобы за этим он направлял всех к ней. И он вынужден это делать, чтобы не попасть к ней в немилость. Из всех разговоров с ханом князь понял, что хан Бату не намерен идти войной на Русь и занимать княжества. Единственное, что он хотел, чтобы русские князья в срок собирали дань и отправляли в Орду. Ему нужно было кормить огромную армию, чтобы держать в повиновении народы на большой территории своей Орды. Но в то же время недвусмысленно намекнул, что за непокорность он пошлет свою армию, тогда Русь будет проучена огнем и мечом.

Отправляя князя в далекое путешествие, Бату его предупредил: «Когда будешь в Каракоруме, будь внимателен и осторожен», – а в чем быть осторожным, так и не сказал.

Более двух месяцев длилось его путешествие в столицу татар. Труден был путь через леса, горы, пустыни и бесконечную степь. А сейчас более трех недель он живет в Каракоруме, а ханша Туракина так его и не приняла. Что замышляет капризная женщина? Что там у нее в татарской головешке? Одному Богу известно.

Великий князь медленно встал, немного посидел в своей постели, затем накинул на себя легкую соболиную шубу. Мягкий мех грел и ласкал своей нежной теплотой. Ярослав потихоньку прошел к выходу из шатра, чтобы не разбудить слугу и подаренную ханом жену Анастасию, которая оказалась на редкость красивой и доброй женщиной. К ней он относился как к сестре, за что она ему отвечала своей заботой. Ярослав частенько исподволь поглядывал на Анастасию, и ему в ней нравилось все, но приблизиться к ней как к женщине он стеснялся, не мог преодолеть барьер своей неуверенности, задавая себе один и тот же вопрос: А ответит ли она ему тем же?

Он не хотел, чтобы женщина была взята им силой, а скорее, безысходностью. Зная, сколько она пережила унижения и страдания в татарском плену, боялся ее обидеть. Как князь ни старался тихо выйти из шатра, но слуга Ефим все-таки услышал его шаги и приподнял голову. Ярослав махнул ему рукой, чтобы тот не беспокоился, и вышел из шатра.

Рассвет только чуть-чуть забрезжил на востоке. Кругом, насколько хватало глаз, стояли круглые юрты, различные по величине и высоте, а некоторые находились на колесах. Кое-где в верхние отверстия юрт тянулся дым. В воздухе пахло гарью. Это татары топили свои очаги кизьяками, – соломой, смешанной с пометом животных, – разрезанными на прямоугольные кирпичики и хорошо просушенными на солнце. Рассвет наступал быстро. На востоке небо становилось все светлее и светлее. И вот началась заря. Вначале горизонт стал легко золотиться, постепенно охватывая все больше и больше неба на востоке. Затем в золотистый цвет стали добавляться розовые оттенки, постепенно усиливаясь. И вот уже ярко-оранжевое зарево охватило полнеба. Подул легкий ветерок, принося из степи незнакомые запахи. Солнце начало медленно всходить из-за горизонта. Оранжевый свет стал светлеть, и когда на землю полились яркие лучи светила, все вокруг заиграло золотистым цветом, который пробежал по круглым юртам и полился на бескрайнюю степь.

Начинался новый день. Послышался рев скота. Пастухи выгоняли на пастбища верблюдов, лошадей, овец. Мужчины и женщины спешили подоить кобылиц и коров. Проскакал куда-то татарский отряд, сверкая на солнце своим оружием и доспехами.

Оживала жизнь в столице огромной империи. В этот момент Ярославу особенно остро захотелось на Родину, увидеть родных ему людей. Услышать до боли милое и желанное щебетание птиц, полюбоваться раскидистой березкой. Лечь в траву и вдыхать запах полевых цветов, взять в руки простенький цветок ромашки, понюхать его терпкий запах. Но до этого было еще далеко. Он понимал, что только к зиме сможет вернуться в свое княжество. Ярослав прошептал:

– Если Бог даст, и капризная ханша Туракина соизволит принять меня.

И самое обидное было, что он никак не мог повлиять на события, которые происходили при дворе ханши. Даже Алан, ученый писарь, которого с ним отправил в Каракорум Батый, и тот, побывав при дворе, печально качал головой, отвечая на вопросы князя:

– Я уже всех важных ханов обошел. Никто не может повлиять на эту женщину. Пока она не желает встречаться с тобой. Велено тебе сообщить, светлый князь, ждать. Зато католиков она приняла сразу же и почти каждый день встречается с ними и подолгу беседует. О чем говорят, никто не знает. Все у них держится в тайне.

– Во имя Аллаха! Да сохрани нас Всевышний!

И, покачивая головой, задумчиво говорил:

– Ох, неспроста все это! Что-то задумала коварная женщина!

Великий князь долго задумчиво смотрел на восток, откуда возшло солнце, подумал про себя: «Эх, оказаться бы сейчас на своем подворье, да собрать бы свою дружину и разгуляться в ближайшие леса на охоту. А затем, добыв вдоволь дичи, устроить пир на берегу реки».

Он любил эти летние вечера, когда в котлах варилась уха из свежей рыбы, а на вертелах жарилась дичь. Ему нравилось прилечь на охапку свежего сена и глядеть на реку, наблюдать, как уходит заря, играя последними отблесками солнца на ровной глади воды. В то же время краем уха слышать, как его дружинники, ожидая ужина, рассказывают друг другу различные байки и сказания. А потом, когда пища уже сготовлена, дружинники стелили прямо на землю скатерти, раскладывали жареную дичь по блюдам, разливали в деревянные чашки и ендовы уху и меды, открывали бочонок хорошего вина. И начинался пир, с доброй дружеской беседой. Все знали, что великий князь не любит буянов и драчунов, и вели себя прилично, а провинившийся будет жестоко наказан и изгнан из дружины.

Оторвавшись от приятных мыслей, вполголоса проговорил:

– Многое я бы сейчас отдал, чтобы хоть на некоторое время вернуть все это!

Последнее время его мучило плохое предчувствие, приходили мрачные мысли. И чем дольше его посольство не принимала ханша, тем больше он нервничал и подчас даже не находил себе места.

Ярослав прошелся около своего шатра, остановился. В это время ему ничего не хотелось делать. Все надоело, и было отвратительно видеть эти узкоглазые татарские лица и пить их кислый кумыс, который он и на дух не мог переносить, от которого его тошнило. Но ему приходилось, хоть и давясь, его пить, уважая их обычаи. И все это ради Руси, ее будущего он должен был терпеть. Он хотел быть великим князем. Но, по всей видимости, ханше этого не хотелось, и она что-то замышляла. Хотя с Батыем они крепко уговорились помогать друг другу. Но так как хана Гаяка не стало, то на получение ярлыков русским князьям по требованию ханши необходимо было ехать в Каракорум. А Батый пока не мог противиться ее желанию, боясь разлада с ханшей. Тем более она его и так не очень-то жаловала. Батый сам переживал большие сложности в связи с вступлением ханши Туракины на престол обширной империи. Но Ярослав решил для себя идти до конца: или он получит ярлык на правление русскими княжествами и останется великим князем, или сгинет в этих бескрайних равнинах.

Откинувшись на шатра, к Ярославу вышла даренная князю ханом Батыем Анастасия. Она оказалась русской и на редкость красивой и нужной для князя: и лекарем, и служанкой. Она хорошо знала травы и заговоры и умела лечить болезни. Великий князь вначале был очень недоволен, что хан навязал ему женщину. Но когда присмотрелся к ней, стал мысленно благодарить хана Бату за то, что он сделал ему такой подарок. Эта женщина его просто притягивала к себе. Ему всегда хотелось быть с ней рядом. Но он никак не мог перейти грань от простых отношений служанки к более близким. Хотя он очень этого желал. Ясный взгляд ее голубых проникновенных глаз сводил его с ума. В походе Анастасия для него стала незаменимым советчиком и лекарем. Она лечила его от простуды и от болей в спине. Добрая женщина помогала не только князю, но и всем, кто к ней обращался. Вот и сейчас она подошла к князю, улыбнулась

и, ласково поглядев на Ярослава, сказала:

– Светлый князь Ярослав Всеволодович, что-то ты сегодня рано поднялся. Все заботы тебя одолевают? А отвар трав забыл принять. И спину тебе не лечила. Пойдем, великий князь, в шатер, там у меня все готово, чтобы поправить твоё здоровье.

Князь посмотрел в лицо Анастасии, в её лучистые необыкновенные глаза, и на душе у него отлегло. Суровое его лицо посветлело. Он заулыбался и покорно пошел за своей целительницей.

Женщина заставила князя раздеться до пояса, уложила его на шубу лицом вниз и стала легкими движениями разминать спину, смазывая какой-то душистой маслянистой смесью. С каждым разом движения её рук становились все энергичней и даже вызывали легкие болевые ощущения. Спина у Ярослава стала красной, а приятное жжение распространялось по всему телу. От удовольствия он закрыл глаза, наслаждаясь энергичными прикосновениями рук женщины. Лечение заканчивалось, и целительница стала легко поглаживать нежными руками спину князя, затем накрыла его толстым верблюжьим одеялом, прошептала:

– А теперь, светлый князь, немного вздремни, встанешь, как будто ничего у тебя и не болело.

Анастасия наклонилась над Ярославом, желая поправить одеяло. Но неожиданно даже для себя самого князь притянул ее к себе и страстно поцеловал в губы. Анастасия от неожиданности растерялась, но не сопротивлялась. Она просто не знала, как себя вести. А князь обнимал и целовал ее в губы, в щеки, глаза. Потянул Анастасию к себе, снимая с нее одежду. Женщина неожиданно для себя стала отвечать на его ласки и помогать снимать с себя одежду. И вот они уже сплелись в страстных объятиях, шептали друг другу ласковые слова. Ярослав, нежно обнимая женщину, торопливо целовал ее в упругие груди, шею. Он как будто спешил, боясь, что это мгновение его неожиданной любви уйдет. Анастасия же лежала с закрытыми глазами, но ресницы ее подрагивали. Она стонала, всхлипывая, слезы ее катились по щекам.

Наконец князь освободил возлюбленную из своих объятий и надолго замолчал. Анастасия, стыдливо закрывшись одеялом, всхлипывала, смахивая рукой набегавшие слезы.

Ярослав повернулся к женщине, погладил ее по золотистым волосам, прошептал:

– Ты что, милая, слезы-то льешь? Неужто я тебя чем обидел? Или недовольна чем?

Анастасия молчала, продолжая всхлипывать.

Великий князь поцеловал женщину в губы и опять спросил:

– Ну что, милая? В чем беда?

Анастасия счастливо улыбнулась сквозь слезы. Нежно обняла князя руками за шею и, глядя ему прямо в глаза, тихо сказала:

– Это, князюшка, слезы счастья. Я ведь даже в мыслях не могла допустить, что мы станем с тобой так близки. Я ведь думала, что ты меня презираешь за то, что я была в руках татар.

– За что же тебя, любушка, презирать? В чем же ты виновата? Много сейчас наших русских женщин маются в татарском плену. За что же их винить? Мы прежде всего должны сами себя винить за то, что мы, воины, не смогли защитить наших жен, сестер и матерей! За то, что не смогли отстоять Русь! Не смогли усмирить свою гордыню. Не смогли объединиться и стать единой крепкой стеной против нашего врага.

Анастасия, тяжело вздохнув, сказала:

– Правду говоришь, князь ты наш светлый. Будучи в плену, нахлебалась я всего такого, что в страшном сне не приснится. Сколько русских женщин гибнет от голода, непосильного труда и издевательств поганых.

Из-за перегородки шатра послышался голос слуги Ефима:

– Великий князь, только что пришел ученый писарь Алан. Он просит тебя выйти к нему. У него какое-то важное сообщение.

Князь быстро оделся и вышел к писарю. За столом на лавках сидели ученый писарь Алан и переводчик Борислав. Они живо что-то обсуждали. Завидев великого князя, все встали и поклонились в пояс.

Затем Борислав радостно произнес:

– Ханша Туракина через два дня желает тебя видеть в своем большом шатре.

Князь радостно улыбнулся, сказав:

– Наконец-то скоро кончатся наши муки! И скоро мы отправимся в обратный путь. – Затем, взглядев-шись в невеселые лица своих слуг, сказал:

– Что вы такие грустные? Тут радоваться надо! А вы?

Ярослав пригласил своих собеседников присесть и еще раз спросил:

– Что же вас так встревожило?

Алан произнес:

- Дело в том, что ханша тебя, светлый князь, приглашает не на переговоры, а на пир, там всего можно ожидать: и насмешек, и издевательства, и даже хуже...
- Что хуже-то? Договаривай.
- Да всякое бывает, – уклончиво ответил Алан.

12

Еще не занималась заря. Только-только забрезжил рассвет. Еще степь не стряхнула с себя ночную дрему. Еще спали птицы и зверье, а уже отряд нукеров в сотню человек мчался в сторону Каракорума с посланием от хана Батыя к Ярославу со строгим наказом грамоту передать только в руки русского князя.

Быстро мчались татарские нукеры, меняя лошадей, как вихорь неслись по степи. Уже много дней мчался отряд, загоняя лошадей. Лишь на короткий срок останавливались воины, чтобы считанные часы отдохнуть и поесть.

Знал сотник Айкур, что за невыполнение приказа хана его ждет страшная кара, поэтому не жалел ни лошадей, ни людей.

Совсем уже немного – несколько дней пути – оставалось до столицы татарской империи. Люди уже еле держались в седле, лошади всхрапывали от усталости. Совсем уже немного осталось до ямской станции, где их ждали свежие лошади. Но под сотником Айкуром зашаталась лошадь и на всем скаку упала в придорожную пыль. Воин резво вскочил на ноги, благо, падение было удачным и его не придавил упавший конь. Оскалив в злобе зубы, Айкур выдернул из-за пояса секиру и одним махом срубил лошади голову. Ему тут же подвели запасного коня, сотник молча сел в седло, стеганул со всей силы плетью и помчался впереди отряда.

Строгий был приказ Батыя доставить вовремя послание русскому князю, и эти слова постоянно крутились в его голове:

- Если князь Ярослав погибнет от рук врагов моих, тебе, Айкур, не сносить головы!

Короткий ответ был сотника хану:

- Слушаю и повинуюсь!

Железная дисциплина в татарской армии не давала рассуждать, высказывать свое мнение. Нужно было немедленно исполнять.

Молча он взял из рук Батыя грамоту, упал перед ним на колени, поцеловал его сапоги. Бегом побежал к своему отряду, который с нетерпением ждал сотника. И как только он вскочил в седло, отряд галопом помчался в степь, подняв клубы пыли.

Знал сотник, что сейчас решается его судьба, будет он жить или ему сломают хребет багатуры за невыполнение задания самого хана Батыя.

Нукеры вскоре увидели ямскую, где они должны были сменить лошадей. Вихрем влетели всадники к юртам станции. Из одной из них выскочил в полосатом халате татарин. Еще не успел он что-нибудь спросить, как Айкур грозно потребовал:

- Срочно давай свежих лошадей! – и, показав пропускную грамоту от хана Батыя, закричал: – Что стоишь, старый шакал! Быстрее шевелись!
- Вы бы немного отдохнули, пока мы готовим вам лошадей. Испейте свежего кумыса и восстановите свои силы. В путь еще успеете, а до Каракорума уже недалеко осталась. Это последняя станция.

Сотник отправил своих нукеров готовить лошадей, а сам уселся в юрте на ковре, подобрав под себя ноги. От усталости его клонило ко сну. Все тело ныло от бешеной скачки на лошадях.

Айкур взял пиалу в руки, которую ему подала женщина, закутанная, как кукла, в ткани. Сотник стал медленно пить прохладный резкий кумыс. Приятное тепло наполнило его тело, снимая усталость.

Воин задумался, рассуждая про себя:

- Если я не успею вовремя предупредить русского князя, что ему угрожает опасность, что он сейчас находится между жизнью и смертью, что ханша задумала его извести по наущению католиков, если я не успею предупредить Ярослава и не передам ему послание от Бату-хана, то его, как и князя, ждет смерть. Тогда ему лучше не возвращаться в Орду. Жалко, что Батый поздно узнал от хана Орду, что князю угрожает опасность. Хан Батый об этом узнал от Орду, когда они вместе пили вино. Изрядно нагрузившись, старший брат признался Батыю в том, что задумали католики с ханшей Туракиной.

Выпив пиалу с кумысом до конца, сотник вдруг почувствовал слабость во всем теле, глаза закрыла пелена, а потом все потемнело. Айкур повалился на ковер и заснул непробудным сном. В юрту вошли двое монахов, они аккуратно положили Айкура и закрыли ковром. Один из них, усмехнувшись, сказал:

– Вот и успокоился посланник.

Он запустил руку за пазуху к Айкуру, вытащил свиток пергамента, засунул его себе под грубый холщовый плащ. Спросил у своего спутника:

– Как там остальные воины?

– Всем уже поднесли по пиале кумыса, и они тоже отдыхают.

Тут в юрту зашел начальник ямской станции и со страхом заговорил:

– Он же когда проснется, живо мне голову секирой срубят.

– Не срубят, – ответил один из монахов и добавил: – Скажешь, что он сам приказал его и воинов не будить. Он все равно ничего не будет помнить.

– Так это ж посланники хана Батые.

– Ну и что? Здесь его власть кончилась. Над тобой стоит ханша Туракина, и поэтому ничего не бойся, – ответил все тот же монах.

* * *

Князь Ярослав и ученый писарь Алан сидели за столом в шатре, обсуждали события, которые произошли в последнее время. Великий князь был задумчив. На лице его была печать усталости. В последнее время ему плохо спалось. Его терзали какие-то тревожные предчувствия. На душе просто скребли кошки. Он не понимал, почему это происходит с ним. Вся его жизнь, проведенная в битвах и борьбе за сохранение собственной власти на Руси, его закалила. Даже перед самыми жестокими битвами он ничего не боялся, всегда был бодр и решителен. А тут еще эти тревожные сны, которые просто терзали его. Ему почти каждую ночь снилась его покойная жена Феодосия, то она его звала за собой, то предупреждала не ходить в черную бездну, на которую указывала рукой. А сегодня и вовсе приснилась она вместе с сыном Федором. Снилось ему огромное поле, и на нем его любимые ромашки, которые кивали ему белыми головками с желтой серединкой. И по этому полю навстречу ему шла его жена Феодосия с сыном Федором. Они улыбались и протягивали к нему руки для объятия. Он рванулся навстречу жене с криком:

– Жена моя! Сын мой!

Но как он ни старался бежать им навстречу, так и не мог приблизиться к ним.

Жена печально улыбнулась ему и сказала каким-то не своим, а мужским голосом:

– Не торопись, князь. Мы потом придем за тобой. И стала вместе с сыном удаляться. Он упал грудью на землю, подмяв ромашки, и зарыдал, крича:

– Феодосия! Феодосия, не уходи!

Услышав стоны и крики во сне, его разбудила Анастасия, и он какое-то время не мог понять, где он находится.

– Светлый князь, что случилось? Или заболел ты, или сон дурной приснился? – ласково поглаживая его по плечу, спросила женщина.

Князь встал с постели, вытер рукавом вспотевший лоб, сказал:

– Фу, надо же такому присниться!

Но ласковые объятия Анастасии князя всегда успокаивали, и он снова засыпал тревожным сном.

Алан внимательно посмотрел на своего собеседника, затем потряс его за плечо и спросил:

– Да слышишь ли ты меня, светлый князь?

Ярослав, оторвавшись от своих мыслей, виновато улыбнулся, ответил:

– Задумался я о своих делах.

Ученый писарь нахмурился и попросил:

– Слушай внимательно меня, светлый князь. Потому как я тебе буду говорить важное, и ты должен делать так, как я тебе сейчас скажу. Дело в том, что ханша внесла кое-какие изменения в твою встречу с ней. Будешь разговаривать с Туракиной один на один.

– Что же так? То принимать не хотела, а теперь решила со мной лично поговорить? – с удивлением спросил князь.

– Уж этого я, светлый князь, не могу знать, это ее прихоть. Придется тебе объясняться с ней самому, да и по-татарски ты уже неплохо научился говорить. Думаю, вы с ней договоритесь.

– Что же, вообще в юрте никого не будет? – с удивлением спросил князь.

– Не будет никого, – подтвердил писарь и продолжил: – Но самое главное, Ярослав Всеволодович, будь внимателен. И то, что она тебя попросит сделать, выполняй. Иначе накличешь на свою голову беду и на нас тоже. Я чувствую, она тебе приготовила какой-то сюрприз. Еще раз прошу, будь внимателен и

усмири свою гордыню. Когда войдешь в юрту, упади на колени перед ханшей и поцелуй ей полу халата.

От этих слов Ярослав вспыхнул. Лицо его даже стало багровым, и он выпалил:

- А может, ей еще что-нибудь поцеловать?
- А если попросит, будь добр, исполни, – сказав это, писарь заулыбался.

Князь не на шутку вспыхнул и долго не мог успокоиться.

Алан стал ему объяснять:

– Ты, светлый князь, сильно-то всякие мысли не бери в голову. Веди себя степенно и, самое главное, спокойно, и все твои желания, которые ты задумал, исполнятся. И не вздумай перечить ханше или показывать свое недовольство. Улыбайся. Если не хочешь говорить, кивай головой.

* * *

Кардинал Иоанн де Поликарпо и монахи Григорио, Густаво и писарь Азат были в это время приглашены в шатер ханши Туракины, для беседы.

Служители церкви основательно подготовились к встрече с татарской властительницей. Все было продумано до мелочей, что и как будет говорить каждый из них и какие вопросы необходимо обсудить. Но самое основное, нужно было натравить ханшу на русского князя Ярослава.

Католиков к шатру ханши привел Азат из Багдада. Он был еще в Золотой Орде приставлен к католикам, чтобы помогать им во всех делах.

У входа в шатер стояли суровые, как высеченные из камня, крепкого телосложения воины. Их латы и оружие холодным светом сверкали на солнце. Монгольский сотник внимательно осмотрел гостей, забрал оружие и по пути все, что было в их карманах ценного.

Приглашенные медленно вошли в шатер. Там был полумрак. Монахи не могли определить вначале, где же находится ханша, и даже от этого растерялись. Так как не знали, кому кланяться. Но вот прозвучал грубоватый женский голос. Гости все разом повернулись в ту сторону, откуда он раздался. И в полумраке увидели довольно полную женщину в вышитом золотом халате. Она восседала на возвышенности в огромном золотом кресле и приветливо улыбалась.

Католики разом упали на колени перед ханшей, ожидая, что она скажет.

Туракина сделала знак Азату встать и произнесла:

- Усади гостей.

Писарь, обращаясь к приглашенным, попросил:

– Садитесь вон на тот ковер, – и первый пошел на указанное место. Сел, поджав под себя ноги, его примеру последовали другие.

Не успели кардинал и монахи рассестись, как женщины принесли им пиалы с кумысом.

Ханша внимательно разглядывала служителей церкви. На лице ее изобразилось то ли разочарование, то ли презрение, в полумраке было сложно разглядеть. Видимо, произошло это из-за того, что монахи неумело и с трудом подогнули под себя ноги. И по всему было видно, что сидеть в таком положении им очень неловко.

Туракина усмехнулась, глядя, как монахи испытывают муки от непривычного сидения на ковре, затем спросила:

- С чем пожаловали, служители католической церкви?

– Мы пришли выразить тебе, великая Туракина хатун, свою преданность и уважение. Мы хотим мира и дружбы с татарским народом. Мы уважаем ваши обычаи и чтим их. Но хотим тебя предупредить, чтобы ты, великая царица, не верила русским князьям. Они добиваются ярлыка, для того чтобы сплотить свои силы против вас, – ответил кардинал Иоанн.

Сменив суровое лицо на улыбку, а затем, усмехнувшись, повелительница строго молвила:

– Моя империя так велика, что у русских не хватит никаких сил, чтобы воевать против нас. Чтобы воевать с нами, надо быть сумасшедшим или полным дураком.

– Но тем не менее это так. По нашим сведениям, князь Ярослав и его сын Александр собираются воевать с вами.

Правительница империи совсем развеселилась и, захохотав, спросила у кардинала:

– В то, что ты говоришь, что русские хотят с нами воевать, я не верю. Лучше скажи, старый лис, что вы со своей братией задумали?

Этот неожиданный вопрос сразу же сбил с толку служителя церкви. Он даже поначалу растерялся и не знал, что ответить ханше. В голове лихорадочно вертелись всякие мысли, нужно было как можно

убедительнее истолковать свое сообщение. Иоанн все-таки нашелся что ответить:

– Эти сведения верные, и нам их сообщили наши иезуиты, которые тайно живут среди русских.

– Ладно, монах, с русскими я как-нибудь сама разберусь, – и, хитровато улыбнувшись, огорошила католиков: – Знаю, вы хотите отобрать у русских князей часть их земель. Но русский князь Искандер не дал вам этого сделать. И теперь вы хотите, чтобы мы вам помогли. На это я вам вот что отвечу и повелеваю. Русские земли мы вам не отдадим. Если мы будем так разбрасываться завоеванными государствами, то нам дань негде будет собирать, чтобы кормить свою огромную армию. Поэтому сейчас и впредь велю: на русские земли даже не думайте наложить свою лапу, иначе пошлю к вам свои несметные полчища, сами все потеряете. А теперь идите. Подарки я от вас получила. Они мне очень понравились.

Ханша, утомленная беседой, зевнула, махнула рукой, требуя, чтобы гости удалились.

13

Чем ближе русские воины подходили к реке, тем настороженнее вел себя проводник Никита. Наконец он остановил лошадь и обратился к князю:

– Михаил Романович, все-таки нужно бы послать отряд вперед и посмотреть, что там делают литовцы.

Князь усмехнулся и раздраженно ответил:

– Уже узнали посланные мною разведчики и сообщили, что литовские воины даже не подозревают, что мы идем к ним сразиться. В их лагере даже незаметно, чтобы они готовились к бою. Они отдыхают, жгут костры, готовят пищу.

Проводник с сомнением покачал головой, настаивая на своем:

– А все-таки, пресветлый князь, надо бы еще послать отряд, чтобы он кругом лагеря посмотрел, нет ли там засады. Чует мое сердце, Ярослав Владимирович, неладное.

Князь, с нетерпением ожидавший битвы, опять раздраженно ответил:

– Пока мы будем посылать разведчиков, литовцы уже сами прознают, что мы идем с ними биться, и предпримут все, чтобы дать нам достойный отпор. А неожиданное нападение на них у нас сорвется.

Наконец узкая лесная дорога стала шире, и все увидели реку. На берегу реки, на возвышенности, расположился лагерь литовских воинов. Кругом стояла тишина. В лагере врага не было заметно движения и подготовки к встрече русских. Горели костры, видимо, готовилась пища. Пахло жареным мясом. С реки тянул ветерок, и дым костров стелился по земле и шел в сторону княжеской дружины, мешая более обширному обзору стана неприятеля.

Князь, привстав на стременах, дал команду готовности к бою, затем резко выдернул из ножен меч, бросил клич:

– Отмстим за разрушенные и пограбленные наши города и селения! За погибших наших братьев и сестер! За матушку Русь! – И, прищпорив коня, первым помчался на лагерь врагов, увлекая за собой дружинников.

Казалось, сейчас русские воины сметут с лица земли лагерь врагов. Но на подступах к лагерю вдруг из-за кустов вынырнули лучники и пустили град стрел в дружинников. Не ожидая такой встречи, русские ратники, не успев защититься, падали, сраженные стрелами. Но это не остановило дружинников Ярослава. Под стремительным натиском княжеских воинов литовцы стали отступать к реке. Ярослав Владимирович, окрыленный первым успехом, отдал приказ теснить врагов к реке. Казалось, еще немного, и русские опрокинут противника в реку. Но тут неожиданно литовские ратники отступили на фланги, давая свободный проход русским к реке. В это время из засад литовские князья повели своих людей на княжеских дружинников.

Неожиданно для себя русские оказались прижаты к реке и окружены со всех сторон литовцами. Завязалась ожесточенная сеча.

Окруженный со всех сторон врагом, оказавшись в очень сложном положении, Ярослав не пал духом, а в первых рядах сражался плечом к плечу со своими дружинниками.

Михаил, оценив обстановку, пробился к князю и крикнул:

– Надо, князь, прорываться из окружения, иначе они нас тут всех уничтожат!

– Куда пробиваться? Везде враг! – еле расслышал Михаил ответ Ярослава из-за шума битвы. Кругом стоял лязг мечей, крики и стоны людей. Русские сражались как разъяренные львы, но враг был в выгодном положении, и исправить было уже ничего невозможно.

Увидев проводника, сражающегося с двумя литовцами, Михаил поспешил к нему на помощь, ловко сразил пикой сперва одного, потом другого нападающего. С трудом оттащив разъяренного Никиту от

схватки, закричал ему на ухо:

– Никита Святославич, есть ли здесь мелкий брод через реку? Нам нужно пробиваться из окружения, иначе всех нас эти звери перебьют.

Проводник закрутил головой, осматривая местность. Затем, указав пальцем на реку, молвил:

– Вот тут под берегом есть брод, сейчас он совсем обмелел и можно легко перейти реку. Литовцы, наверно, этого не знают.

– Тогда надо немедленно уходить на тот берег, – крикнул Михаил и стал пробиваться к князю Ярославу, окруженному со всех сторон литовскими воинами, отчаянно сопротивляющемуся натиску врагов.

Умелый воин, легко повергая литовских ратников, стал бок о бок с князем, отражая наседавших противников, крикнул:

– Ярослав Владимирович, надо немедленно отходить за реку, иначе нас всех тут погубят.

Князь осмотрелся кругом, затем крикнул дружинника, который сражался невдалеке:

– Алексей, отведи свою сотню к берегу, и приготовьте побольше стрел. Будете прикрывать наш отход.

– Затем, обратившись к другим сотникам, которые находились поблизости, приказал:

– Отходите постепенно к реке и переправляйтесь на тот берег. Где брод, покажет Никита. Передайте мой приказ всем.

Тут же русские воины стали перестраиваться и медленно отходить.

Алексей уже со своими лучниками, став плотной стеной, закрывшись большими щитами, метко разили врага, пропуская через свои ряды княжеских дружинников.

Литовцы, воодушевленные отступлением русских, теснили княжеских воинов к реке. Спасало их, что узкая тропинка к броду проходила между высоким обрывистым берегом и скалой, что защищала отходящих и давала возможность уйти через реку.

Туда, где дружинников привел Никита, для перехода реки действительно было неглубоко. Но брод был узкий, и любой неверный шаг в сторону таил в себе опасность погрузиться с головой в воду. Поэтому по всему пути отступления были воткнуты вехи из копий, по которым ратники ориентировались при переходе реки.

Вскоре почти вся дружина князя перебралась на другой берег. Только остались лучники, и те, закрывшись щитами, тоже отходили на противоположный берег, по пути выдергивая копыя, чтобы литовцы не воспользовались намеченным бродом.

Воины противника, ободренные победой, ринулись за отступающими, думая, что они так же легко перейдут реку. Но сразу же несколько воинов окунулись с головой под воду. Среди рядов врага началась неразбериха. Передние остановились, боясь утонуть, а задние ряды ратников напирали, сталкивая передних в воду. Всадники же на всем скаку влетели в реку. Но лошади с визгом и ржанием, всхрапывая, начинали кружить, ломая ноги об огромные валуны, которые находились на дне.

Литовцы были немало удивлены происходящим, и многих охватил мистический ужас. Так как они были поражены способностью русских ходить по воде. И уже через некоторое время, потеряв множество воинов, которые, попытавшись перейти реку вброд, пали под меткими стрелами лучников, литовцы отступили в свой лагерь.

Княжеская дружина выбиралась на берег и уходила подальше от реки. Проводник Никита повел уставших и мокрых ратников в небольшую деревеньку, которая находилась недалеко. Воины, перейдя реку, вымокли и мерзли от холода. Сразу же по приходу в деревню ратники разожгли костры. Люди стали греться и обсушивать одежду. В крестьянские избы набилось множество народу, всем не хватало места, чтобы отдохнуть и перевязать раны.

Князь приказал воинам, по очереди сменяя друг друга, обогреться в крестьянских избах.

Ярослав Владимирович позвал к себе в избу, которую он занял, своих сотников, Михаила и проводника Никиту. Обращаясь ко всем, пряча глаза, князь признал вслух свое полное поражение:

– Вынужден признать, что из-за моей самоуверенности литовцы разгромили нас в пух и прах. Если бы не наш проводник Никита Святославич, то едва ли кто из нас был бы сейчас жив. Потери наши большие, но, самое главное, мы сохранили дружину.

Не успел князь закончить свою печальную речь, как в избу почти вбежал дружинник Никита и с радостью крикнул:

– Ярослав Владимирович! Подошли новые полки ополченцев из разных городов! А еще они поведали, что к нам на помощь из самого Новгорода спешит Александр Ярославич Невский и будто уже на подходе!

От этого сообщения князь на какое-то время даже опешил. И не мог вымолвить слова. Наконец, со-

бравшись с мыслями и овладев собой, он сказал:

– Я думал, мне одному придется с этой бедой литовской бороться. Я даже не мог предположить, что все так дружно ко мне придут на помощь.

– А литовцы-то, узнав, что к нам пришла помощь, уже покинули свой лагерь и бросились в бега, – радостно сообщил один из дружинников.

– Хотелось бы немедленно догонять врагов и отбить у них наших пленных и то, что эти дикари награбили! – обратился ко всем князь.

Все присутствующие соскочили со своих мест и направились к выходу. Выйдя на улицу, они увидели множество воинов. Это было в основном народное ополчение. Люди, вооруженные копьями, мечами, топорами и даже заостренными кольями, расположились в центре деревушки. Ополченцы все прибывали и прибывали, возглавляемые старшинами или выбранными вожаками.

Князь Ярослав Владимирович, не сходя с крыльца, обращаясь к воинам, крикнул:

– Я рад, братья мои, что вы дружно пришли нам на помощь! Враг у нас один, и если мы не сумеем дать ему достойный отпор, то нас ждет гибель! Они будут постоянно угонять наших людей в полон, жечь и грабить наши города и села! Надо немедленно выступать по пятам врага, отбить пленных и наказать литовцев.

Воодушевленные речью князя воины кричали:

– Мы с тобой, князь! Веди нас на этих проклятых литовцев! Мы им покажем, как грабить наши русские земли!

* * *

Литовские отряды спешили уйти от преследований ополчения русских. Казалось, вся Русская земля восстала против них. Там, где они шли, все деревни и городки пустовали. Им негде было взять пищу и корм для лошадей. В лесных засеках их ждали засады. Все население взялось за оружие, уничтожая непрошенных гостей. Везде их ожидала смерть от острой пики или меткой стрелы.

Враг спасался почти бегством, неотступно преследуемый русским ополчением. Наконец литовские князья, поняв, что убежать от преследователей они не смогут, так как обременены добычей и пленными, решили дать бой под городом Торопцом, а в случае неудачи скрыться за стенами города.

Битва состоялась в середине дня. Литовские отряды выстроились боевым порядком полукольцом с намерением, если будет удача в сражении, охватить русских со всех сторон. Впереди их отрядов находились лучники, защищенные круглыми щитами. Сзади плотной стеной стояли воины, ошетилившиеся копьями, закрывшись большими щитами различной формы. Многие из них были одеты в звериные шкуры, и лишь на некоторых поблескивали кольчуги и шлемы.

День на этот раз выдался на редкость ясный и солнечный. Воины шурились от яркого света. Солнце к полудню повернулось в сторону литовских воинов, ослепляя их своими лучами. В воздухе стояло напряжение. Ратники волновались, переминаясь с ноги на ногу. Они понимали, что, возможно, этот день для них будет последним, и тогда перестанут существовать и это солнце, и эта чужая земля, на которую они пришли грабить и насиловать. Они понимали – час возмездия настал.

На этот раз князь Ярослав Владимирович, прежде чем начать битву, повел себя осторожно и предусмотрительно. Заранее было оговорено обо всех совместных действиях с отрядами ополченцев. Было решено на легкие тележки наложить соломы и скрыть их за рядами ратников, выстроившихся напротив врага, а с флангов поставить конных воинов.

Противники, выстроившись друг против друга, нетерпеливо ждали сигнала, чтобы ринуться в бой. Они напряженно вглядывались друг в друга.

Литовское воинство стояло, ослепленное солнцем, плохо видя, что предпринимают русские.

И вот прозвучал сигнал рога со стороны литовцев, призывая своих ратников в бой. Две противоборствующие силы двинулись друг на друга, чтобы убивать себе подобных. Вначале их шаги были медленны, неуверенны, но, зажигаясь общим настроением битвы, они стремительно ринулись в бой.

Тучи стрел, пущенные из луков, взметнулись в воздух. Со стонами и криками падали убитые и раненые.

В это время ряды русских воинов вдруг расступились и навстречу литовцам покатались тележки с зажженным сеном. Враг, не ожидавший таких действий со стороны противника, опешил и заметался. Среди литовцев началась паника. В это время конные воины во главе с князем Ярославом с флангов устремились на непрошенных гостей.

Литовские отряды стали отходить к городу Торопцу, чтобы укрыться за его стенами. Окружить их и уничтожить противника русские не сумели, вероятно, не хватило умения воспользоваться своими пре-

имуществами. Литовские князья сумели подавить панику в своих рядах и, бросив добычу и пленных, в боевом порядке отошли за стены города. Русские ополченцы обложили город со всех сторон.

14

Перед встречей с ханшей Туракиной князь Ярослав внутренне чувствовал какую-то необъяснимую тревогу. Хотя всё, казалось, складывалось хорошо. Ханша наконец-то согласилась его принять, а там можно и домой возвращаться. Князь уже начинал думать, что все это никогда не кончится, что он тут будет вечным заложником. Но вот и заканчивается его ожидание, а на душе было беспокойно. В голову лезли всякие мысли. Он уже неоднократно прокручивал в голове, как он будет вести себя на приеме с властолюбивой и капризной женщиной.

Кроме того, по рассказам писаря Алана он знал, что от нее можно ожидать всего что угодно. Для себя Ярослав Всеволодович решил, что он умиротит свою гордыню и проявит терпение к ее капризам.

Наконец настал день, когда Алан сказал:

– Великий князь, сегодня после полудня Туракина хочет видеть тебя в своем шатре.

– Ты-то со мной пойдешь? – растерянно спросил князь.

– Ярослав Всеволодович! – многозначительно усмехнулся писарь и добавил: – Такой богатырь как ты, князь, уж с одной-то татаркой справится.

Князь с удивлением посмотрел на своего собеседника и молвил:

– Я думаю, мы будем говорить о получении ярлыка и правлении моими княжествами.

Опять усмехнувшись, Алан бросил:

– Ты, пресветлый князь, собираясь о деле говорить, не забывай и о другом... Может, ханша захочет с тобой полюбезничать, так ты уж не отказывайся, уж развлеки ее... Помни, она хоть и ханша, но все-таки женщина, а ты видный воин.

В это время в шатер вошел татарский сотник и сообщил, что ханша уже ждет русского багатура у себя в шатре одного.

Ярослав растерянно огляделся вокруг, как бы пытаясь найти поддержку среди окружающих.

Алан, улыбнувшись, наставительно заявил:

– Не робей, пресветлый князь. Мы будем ждать тебя с хорошими вестями.

Войдя в шатер Туракины, князь удивился, не увидев ханши. Кругом горели разноцветные свечи, пахло приятными благовониями. На помосте, на красивом красном ковре, стояли приготовленные яства, напитки и вина. Ярослав стоял у входа, озираясь по сторонам, ища глазами хозяйку шатра. Но вот резко отодвинулась штора, и из-за нее вышла Туракина в расшитом золотыми узорами синем парчовом платье. Она грузно уселась на ковер, подогнув под себя ноги, и сделала жест, приглашая к себе князя.

Такое простое обращение немало удивило гостя, но он присел рядом с женщиной, поджав под себя ноги. Уже через несколько минут князь почувствовал, как ему неловко вести беседу в таком положении, но делать было нечего, он всеми силами старался не показать женщине, что ему трудно сидеть в непривычной позе.

Ханша с улыбкой пристально рассматривала своего гостя, но Ярослав не опустил глаза, а спокойно выдержал женский любопытный взгляд.

Хозяйка, показав рукой рядом с собой, молвила:

– Садись поближе, багатур, нам нужно с тобой о многом поговорить.

Князь на четвереньках перебрался поближе к Туракине, чем вызвал смех у повелительницы со словами:

– Надо, князь Ярослав, тебя здесь подержать с годик, чтобы ты научился сидеть по-нашему, – и испытывающе многозначительно поглядела на собеседника.

От таких слов гость даже посерел лицом, чем еще больше развеселил ханшу.

– Ладно, князь, не горюй, скоро поедешь домой, если мы с тобой обо всем договоримся.

– Говори, повелительница, что тебя интересует.

– Прежде чем говорить, надо выпить доброго кумыса, – многозначительно ответила женщина и хлопнула в ладоши. Тут же появилась служанка с подносом, на котором красовалась расписная фарфоровая пиала.

Ханша обеими руками взяла чашу и медленно стала пить. Кумыс побежал по подбородку и полился на платье, расшитое золотом.

Наконец, оторвавшись от напитка, хозяйка передала чашу в руки князю и с улыбкой сказала:

– Пей, князь. Лучшего напитка, чем кумыс, нет на земле! – и рукавом стала вытирать подбородок и платье.

Князь все еще держал в руках пиалу, не зная, что ему делать: пить напиток или отказаться.

– Что же ты не пьешь, багатур, или брезгуешь своей повелительницей?

Ярославу не хотелось пить этот странный напиток. Он чувствовал, как тошнота подступает к горлу.

Туракина пристально наблюдала за гостем, ожидая, что же он предпримет. Между собеседниками нарастало напряжение, еще мгновение – и могло произойти непоправимое.

Наконец Ярослав Всеволодович решился и медленно стал пить.

К его удивлению, напиток оказался резок и приятен на вкус. Допив пиалу, князь поставил ее на ковер и тут же почувствовал, как приятное тепло стало разливаться по всему его телу, ему стало хорошо, и напряжение последних дней как бы полностью снялось. Он ощущал бодрость и необыкновенный прилив сил.

Ханша, наблюдавшая за ним, улыбнулась и произнесла:

– Вот видишь, князь, как хорошо стало, а ты не хотел пить этот прекрасный напиток, – и еще ближе подвинулась к гостю, глядя на него вожделенными глазами.

Князь весь напрягся, а тут еще от ханши напахнуло чем-то кислым и неприятным. И еще больше отвратило от владычицы империи.

Женщина, почувствовав это, не подала виду, но вожделенный ее взгляд вдруг сменился на жесткий и властный. Она спросила:

– Ты, князь, хочешь получить от меня ярлык на владение русскими землями? Ты его, может, получишь, но я еще пока не знаю, давать ли его тебе. Ты ведь стал лучшим другом Батыя. А я его не люблю. Что взамен ты обещал ему за его дружбу и покровительство?

– Платить дань, – коротко ответил великий князь.

– Это хорошо, что вы с ним так договорились. Ну а мне что ты можешь пообещать и дать, кроме тех подарков, которые привез?

Гость немало озадачился, не зная, что и ответить. Над этим он не думал. Немного помолчав, князь спросил:

– А что бы ты хотела, великая повелительница?

– И мне платить дань, да еще больше, чем этому недоумку Бату. Он даже на похороны великого хана Угедея не явился! Придет время, я еще доберусь до него! Видите ли, он там у себя на реке Итиль решил создать свое ханство и мне, великой повелительнице всей империи, не подчиняться!

– Я, конечно, великая повелительница, не против и тебе платить дань, но только где ее взять, коли вся Русь разорена. Вначале ее разорил, пожар города и селения Чингисхан, а потом по нашей матушке Руси прошелся хан Батый. Ведь с тех пор у нас многие селения и города опустели, а такой великий город, как Киев, можно сказать, совсем перестал существовать. С кого же мне дань-то собирать?

Туракина пристально посмотрела на князя, и в ее взгляде Ярослав уловил злые огоньки и непреклонную жесткость.

– А мне какое дело, где ты будешь собирать дань?! Тогда зачем приехал ко мне за ярлыком? Наверно, затем, чтобы управлять своими княжествами? Если не можешь заставить своих подданных работать так, чтобы собрать с них дань, то и ярлык я вручу кому-нибудь другому, кто сможет.

Такой ответ на некоторое время смутил князя, но он ответил ей достойно, как подобает великому князю:

– Конечно, великая владычица империи, вручить ярлык можно кому угодно, но только все это приведет к еще большему разорению наших земель. Начнется еще большая междоусобица. У нас князьями, как и у вас, становятся по наследству. А человек, не относящийся к княжеской власти, будет раздражать всех, и его, так или иначе, уберут от княжеского стола.

Туракина с интересом слушала князя, не перебивая его, что-то обдумывая про себя, а когда князь сделал паузу в своем разговоре, вставила:

– Скорее всего, ты, князь, прав. Власть нельзя давать кому попало, ибо это приведет к плохим последствиям.

После ее слов наступила пауза, каждый из них обдумывал, что он скажет собеседнику.

Наконец хозяйка неожиданно с улыбкой спросила:

– А как ты думаешь, твой сын Искандер сможет управлять всеми княжескими землями? Ведь я много о нем слышала, говорят, он великий багатур, победил шведов и немцев, они до сих пор проливают слезы.

– Конечно, сможет. Он и так управляет самым вольным и богатым Новгородским княжеством. Он умеет защитить его и приумножить богатство всех новгородских земель, – ответил князь.

– Я вижу, у вас славное семейство. И поэтому повелеваю выдать тебе ярлык на владение всеми тво-

ими княжествами и еще велю, чтобы твой сын Искандер явился перед моими очами. Я хочу видеть этого богатура.

Затем Туракина молча встала и ушла в другую половину шатра, оставив Ярослава Всеволодовича в недоумении. Войдя в другую половину шатра, Туракина тут же приказала служанке подать ей ярлык, свернутый в свиток пергамент, обвязанный золотой тесьмой, и сказала:

– Когда я вручу ярлык князю, вынесешь вино в кубках – один серебряный, а другой золотой, для меня. В серебряный положи медленно действующий яд, чтобы князь не сразу умер, а постепенно угас.

Служанка молча поклонилась, взяла кубки, поставила на поднос, всыпала порошок в вино, преданно глядя на свою госпожу.

Туракина пронаблюдала, что сделала рабыня, и еще раз повторила:

– Вино подашь, когда я вручу ярлык князю и хлопну три раза в ладоши.

Ханша вначале направилась к князю, но остановилась и присела на расписной сундук, размышляя: «Правильно ли я делаю? Может, не надо отправлять насмерть великого князя? Но опять же слишком много будет для Руси таких решительных, смелых и сильных князей. Надо хотя бы одного убрать, пока он у меня в руках. Кроме того, они с сыном могут объединиться с ханом Бату против меня, и мое влияние на запад будет ослаблено. И так уже все послы с запада едут сперва на поклон к Бату. Это он пока не хочет со мной ссориться, поэтому шлет ко мне на поклон князей. Как мне доносят верные мне люди, все лучшие подарки и договора с королями достаются прежде всего ему. Если так будет продолжаться, то со мной престанут все считаться, и так уже моя империя стала разваливаться на отдельные орды. А что будет дальше? Надо делать все, чтобы эти ханства постоянно были зависимы от меня. И все-таки, может, я зря убираю русского князя, может, мне он сгодится, и нужно попытаться с ним заключить договор, чтобы он не помогал Бату-хану и доносил мне, что в Золотой Орде творится».

При воспоминании о Золотой Орде ханша даже скривилась и злобно прошептала: «Ишь ты!.. Придумал – Золотая Орда. И действительно Золотая... как доносят мои люди. Несметные богатства везут хану со всего света. А мне что? Нет, надо заставить всех ханов, чтобы все меня боялись! Надо бы их всех собрать к себе на совет, а тут уж и кое-кого можно убрать и посадить на их место своих людей. Правильно говорят мне католики, что надо бояться русских, потому что как только они почувствуют свою силу, то обязательно захотят выйти из-под моей власти. А этого допустить нельзя».

И все-таки надо еще поговорить с князем, может, он мне помощником будет и своей хитрой политикой среди князей не допустит объединения князей с Бату-ханом. А может, она зря так думает? Может, русские даже не помышляют ни о чем, а католики сгущают краски, чтобы извлечь свою выгоду? Надо русские княжества обложить такой данью, чтобы они даже не смогли никогда встать с колен...»

Туракина встала и медленно направилась к своему гостю, задавая себе один и тот же вопрос: «Правильно ли она поступает?»

Князь Ярослав, ожидая ханшу, волновался. Он терялся в догадках, что же она предпримет и вручит ли ему ярлык на правление княжествами.

Женщина медленно вышла из второй половины шатра и направилась к своему гостю. В руках она держала свиток, обвязанный золотой тесьмой. Увидев его, великий князь понял, что сегодня ханша вручит ему так долго ожидаемый ярлык.

Она села рядом с гостем и, улыбаясь, произнесла:

– Вручаю тебе ярлык на правление княжествами и надеюсь, что ты будешь верным моим рабом, – и подала пергамент.

Князь с поклоном обеими руками взял грамоту, с волнением сказал:

– Наши княжества будут верно и преданно служить тебе, наша великая повелительница Туракина-хатун!

Ханша ожидала, что князь упадет перед ней на колени и поцелует край ее платья, как это делали все ее подданные. Но Ярослав Всеволодович этого не сделал, чем нанес повелительнице оскорбление, нарушив обычай.

Женщина скривила губы в злой усмешке, но не подала виду, что оскорбилась, заговорила:

– Даю тебе ярлык, но ты, в свою очередь, пообещай мне, что будешь выполнять только мою волю, будешь мне сообщать, что замышляет против меня хан Батый.

– Я могу тебе обещать, великая повелительница многих земель и государств, свою преданность, но сообщать, что замышляет против тебя хан Батый, не могу, так как откуда мне знать, что он там надумал. Да и гонцов тебе слать не ближний свет, целых два месяца пути.

Этот уклончивый ответ князя подписал ему смертельный приговор, так как она поняла, что князь не будет делать того, чего она хочет. Ханша хлопнула три раза в ладоши, и тут же появилась рабыня с подносом, на котором стояли великолепные кубки искусной работы. Один из них был серебряный, который она тут же подала Ярославу, а другой золотой, который хозяйка взяла сама и жестко произнесла:

– Что ж, князь, ты сам выбрал свой путь. Владей землями и верно служи нашей великой империи! – и выпила вино.

Гостю ничего не оставалось, как последовать ее примеру. Князь сразу же почувствовал какой-то странный привкус от выпитого, но особого внимания на это не обратил, к тому же ханша встала, давая понять, что встреча их закончена.

Ярослав низко поклонился повелительнице, вышел из шатра, радуясь, что все закончилось хорошо, что напрасно он так волновался, что наконец-то он отправится домой, в свои княжества, уже полноправным хозяином.

15

День выдался солнечный, яркий. Небо было удивительно голубое, хрустально-прозрачное. Уже подступала осень. В этот год лето стояло дождливое и холодное. Солнышко не часто радовало русскую землю погожими деньками. В леса уже прокралась позолота, и кое-где рдела багряная листва рябины и кустарников. Птицы с утра собрались в стайки, облепив высокие березы, громко чирикавая, перелетали с дерева на дерево, наверно, готовились к зиме и бурно это обсуждали на своем, птичьим языке.

Русские дружины и ополчение плотным кольцом окружили город Торопец, в котором засели литовцы, и не могли решиться на его штурм.

После поражения князь Ярослав Владимирович боялся наделать ошибок. В голову приходили всякие мысли, как лучше штурмом взять город, но Ярослав не торопился их осуществлять. Он что-то выжидал.

К полудню он собрал всех старшин из ополчения и сотников из дружин. Все расположились на небольшой полянке, кто где мог. Кто сидел на телеге, кто на копне сена, а некоторые присели просто на землю. Князь встал с пенки, на котором он сидел и что-то читал, развернув свиток пергамента. Он встал перед собравшимися и заговорил уверенно и жестко:

– Братия мои! Наконец наступило время отмстить нашим врагам, которые сожгли наши села и города, захватили наших людей в полон!

– Когда мы возьмем город? – выкрикнул кто-то из ополченцев.

– Пора бы наказать этих иродов! – добавил сотник дружины Гаврило.

Князь поднял руку с грамотой, призывая всех к тишине, и сказал:

– Спешить не будем, у нас есть еще время, и, кроме того, к нам на помощь спешит Александр Невский. Это сообщение привез гонец. Он просит дождаться его, пока не брать город. Гонец сообщил, что сегодня он уже будет здесь.

– Коли Александр Ярославич будет с нами, тогда нам никакие литовцы не страшны, – опять крикнул Гаврило.

– Что и говорить, князь Александр знатный полководец, от одного упоминания его имени немцы и шведы пугаются. Знатно он им в свое время почесал бока. Да и до сих пор дает понять, кто хозяин в Новгородском княжестве, если они забывают, – произнес в ответ Ярослав.

– А как мы все-таки этот городок возьмем? Ведь литовцы оказались в мышеловке, и они будут сопротивляться до последнего, – поинтересовался Михаил, посланник Ярослава Всеволодовича.

– Может быть, попробовать их выманить за стены города или закидать смолеными факелами. Городок-то деревянный, живо вспыхнет, – предложил Гаврило.

Все заговорили, иные заспорили, обсуждая предложение сотника дружины.

Князь стоял и молча слушал, пока не вступая в разговоры, но, поняв, что обсуждение о взятии города может продолжаться сколько угодно, заявил:

– Об этом, братия мои, мы можем говорить долго, но самое главное, я вот что вам скажу. Литовцы и так пожгли немало сел и городков, оставили людей без крова. А теперь и мы сами начнем жечь городок? Тогда сколько же людей мы оставим без жилища? Надо взять город так, чтобы он остался цел и люди могли там жить, – озабоченно произнес князь.

– Да... задача!.. – почесывая затылок, вымолвил Михаил и заметил:

– Надо бы, ребята, об этом крепко подумать и не спешить сразу на рожон, не лезть на стены. Враг наш тоже готовится, и пока мы возьмем штурмом город, они погубят немало наших людей.

– Давайте подождем князя Александра. Он уж неоднократно громил литовцев и, наверно, знает, как это лучше сделать, – посоветовал один из старшин.

В это время галопом примчался конный дружинник и, вздыбив коня, крикнул:

– Александр Ярославич пришел нам на помощь! Глядите, вон идет его дружина вместе с новгородским ополчением. – И указал рукой на дорогу.

Все встали со своих мест, повернулись в сторону, откуда должен подойти Невский. И вот из-за холма показались дружина и новгородское ополчение во главе с Александром. Большая часть войска князя была верхом на конях, а лучники и пешие воины ехали в телегах. Оружие и доспехи сверкали на солнце холодным блеском.

Александр направил лошадь к Ярославу Владимировичу, легко соскочил с коня и пошел навстречу князю. Они крепко обнялись и стали обсуждать сложившуюся ситуацию.

– Ума не приложу, как взять городок, чтобы не сжечь его и как можно меньше людей погубить.

Невский позвал посадского Данилу и распорядился:

– Пусть люди отдыхают, готовятся к бою, а там с Божьей помощью и город возьмем.

Данила отправился выполнять распоряжение Александра, и уже вскоре все воины спешили, стали устраиваться на отдых, готовить на кострах пищу.

Князь Александр очень внимательно осмотрел стены города и, покачив головой, многозначительно произнес:

– Да... Ярослав Владимирович, взять такой укрепленный городок будет непросто. Тем более чтобы его не сжечь и как можно меньше наших людей загубить. – Затем, еще взглянув на стены города, вдруг заявил:

– А давай-ка, князь, садись на коня да объедем вокруг города да поглядим, может, что-нибудь и придумаем.

Князья уселись на своих лошадях и легкой рысцой поехали вдоль стен города. Всю дорогу Невский молчал, только очень внимательно рассматривал укрепления города. Ярослав ему не мешал, молча ехал рядом.

Наконец Александр остановил коня, стал разглядывать стену.

Литовцы же внимательно следили за всадниками. Стреляли в них из лука. Но стрелы не долетали до цели.

– Вот и нашел я место, откуда мы будем брать город, – с усмешкой бросил князь.

– А почему ты вдруг решил, что отсюда? Ведь здесь стены нисколько не меньше, чем в других местах, – поинтересовался Ярослав.

– Тут важна не высота стены, а как она укреплена. А укреплена она слабо, сруб только в один ряд. У меня появилась хорошая мысль, как мы здесь возьмем город.

Спутник посмотрел на полководца с удивлением, не понимая, как это можно без штурма, по-другому взять город, и с улыбкой спросил собеседника:

– Интересно, как это ты собрался взять город? Поделись секретом.

– Пока тебе ничего не могу сказать, вот когда все детали своего плана продумаю, тогда и поделюсь, – серьезно ответил Невский.

Вернувшись в лагерь, князь Александр удалился в свой шатер. Там он сел у стола, велел слуге принести пергамент и уголь. После того как все ему предоставили, разложил пергамент на столе и стал что-то чертить, тихонько насвистывая какую-то песенку.

В шатер Невского вошел князь Ярослав. Он остановился у входа и спросил:

– Можно ли к тебе, Александр Ярославич?

– Можно, можно. Я только что хотел за тобой послать. Присаживайся рядом, смотри и слушай, что я тебе буду говорить, – и подвинул рисунок собеседнику.

Князь Ярослав внимательно осмотрел рисунок, покачал головой и признался:

– Ничего, Александр Ярославич, не пойму, что ты тут начеркал.

Невский развернул чертеж и стал объяснять:

– Смотри, князь. Мы сделаем большую телегу на мощных колесах, подвесим огромное бревно на цепях, а сверху сделаем навес над этим сооружением. У татар он называется таран. Подкатим его к стене. Воины раскатают бревно и станут бить по стене. Через десять или двадцать ударов она рухнет, и наши ратники ворвутся в город.

– Да!.. – покачив головой, только и смог вымолвить князь и заметил: – Ловко ты придумал. Надо распорядиться, чтобы наши умельцы сейчас же приступили к работе, чтобы в ближайшее время взять город. Ведь там за стенами немало наших русских людей, которые страдают от литовцев.

Уже через некоторое время Невский отдал приказ своим лучшим плотникам для строительства не-

хитрого сооружения. Вскоре застучали топоры, и началось изготовление тарана. Работа продвигалась быстро, под личным наблюдением князя.

Из-за навалившихся на Александра забот по взятию крепости Михаилу Романовичу никак не удавалось передать грамоту от великого князя Ярослава Всеволодовича. Наконец посланнику удалось поговорить с Невским, когда он присел отдыхать на срубленное дерево.

– Александр Ярославич, – начал разговор Михаил, вынимая из-за пазухи свиток пергамента, – я ведь послан к вам от вашего отца великого князя из Золотой Орды и привез от него послание.

Невский развернул послание, внимательно его прочитал, затем спросил:

– Сам-то ты откуда будешь? Расскажи о себе. Ведь мой отец о тебе очень хорошо отзывался и в дружину мою рекомендует принять. Да и князь Ярослав Владимирович тоже говорит о тебе хорошо, что смел и понимаешь в ратном деле. Мне такие, как ты, нужны. Вот посмотрю, как ты будешь воевать при взятии крепости, может, сотником поставлю, а то и тысяцким.

Князь Александр и Михаил долго разговаривали с глазу на глаз. Посланник поведал полководцу о своей непростой жизни, о татарском плене и о том, как он сбежал из неволи и как ему спас жизнь Ярослав Всеволодович. С интересом выслушал князь рассказ собеседника, затем, немного подумав, произнес:

– Нравись ты мне, и, наверно, воин из тебя знатный. Поэтому беру тебя в свою дружину пока простым воином, а там посмотрим. А сейчас найди моего тысяцкого Василя, он тебе укажет, какую сотню ты завтра поведешь в бой.

* * *

Утро выдалось ясное, теплое и солнечное. Даже не чувствовалось наступление осени. После дождей природа как бы наслаждалась неожиданно пришедшим теплом. Птицы оживленно чирикали, перелетая с ветки на ветку. Под дуновением легкого ветерка трепетала уже подернутая золотом листва на березках. Казалось, что ничто не может нарушить эту жизнь и она будет проходить спокойно и умиротворенно, что наступил еще один день мирной жизни и ничто и никогда его не сможет нарушить, что будет так всегда. Будет так же тепло и ласково светить солнце, и всем на этой огромной земле есть место для мирной и счастливой жизни. Но было это далеко не так. На самом деле люди готовились биться за свою землю, за своих братьев, сестер, за волю.

Русские воины занимались подготовкой к взятию крепости. Стенобитное орудие было уже готово, и ратники стали его подкатывать к стене, где князь Александр заметил слабое место в укреплении города.

Литовцы в это время тоже не дремали. По оживленному движению врагов на стенах городка видно было, что они готовятся к битве.

Когда таран подтащили уже к самой стене, неприятель стал обстреливать русских. Но под навесом они были недосягаемы.

Тогда литовцы стали метать в надвигающееся орудие горящие смоленные шары, пытались поджечь сооружение. Но хорошо смоченная брошенная на навес свежая трава не загоралась, и огненные шары с шипением тухли. Наконец орудие подкатили к самой стене, и русские ратники стали раскачивать и ударять огромным бревном, подвешенным на цепях, о стену. И действительно, князь Александр не ошибся, когда указал, что в этом месте стена слабо укреплена. С первых же ударов она начала трещать. В это время по сигналу Невского русские воины, накрывшись огромными щитами, стали подходить к стене, готовые по первому сигналу ворваться в город в пробитый пролом.

Михаил по приказу князя вел сотню дружинников, готовых сразу же ринуться в бой. После нескольких ударов стена наконец подалась и часть ее рухнула. Сотник выхватил из ножен меч, который холодным блеском сверкнул на солнце, обращаясь к своим воинам, крикнул:

– Вперед, ребята! Сомкните щиты плотнее. Сейчас литовцы выпустят в нас град стрел. Смело в ногу двигайтесь вперед.

И действительно, по щитам ударил град стрел, которые отскакивали от металла или впивались в щит, если он был обтянут кожей. Ощетинившись копьями, сотня беспрепятственно ворвалась в город, увлекая за собой всех русских ратников, а те в свою очередь вступили в бой, на всех улицах города уничтожая врагов. Началась ожесточенная схватка.

Литовцы понимали, что им деваться некуда, и сопротивлялись до последнего вздоха. Кругом слышался жесткий лязг сабель, стоны умирающих и раненых. Опытный воин Михаил умело отбивал нападения литовских ратников, в то же время видел, что происходит вокруг, стараясь, чтобы как можно меньше гибло его дружинников.

Ворвавшиеся в город русские воины вскоре открыли городские ворота. Дружинники и ополченцы хлынули на улицы Торопца. Врагу не было пощады. Литовских воинов отыскивали везде и уничтожали. Часть из них с небольшими отрядами во главе с несколькими князьями, заранее открыв восточные ворота, сумели пробиться через ряды русских и скрылись в лесу.

В этой битве погибли более десяти литовских князей со своими людьми. Неприятеля потеряли не только свои жизни, но и награбленное добро, пленных, потерпели не только поражение, но и позор. Все это внушало уверенность многим русским, что коварных захватчиков проучили навсегда и они больше не сунутся в русские пределы.

На другой день утром в шатре у Александра Ярославича собрались князь Ярослав Владимирович, сотники дружинников, старшины ополчений и новгородские посадник и тысяцкий. Приглашенные, гордые своей победой, обсуждали детали штурма городка. Все были уверены, что на взятии Торопца битвы с литовцами закончились.

Александр Невский вышел из другой половины шатра бодрый и улыбался. Во всей его фигуре чувствовались неиссякаемая энергия и уверенность в себе, как будто он не сражался так же, как простой воин, на стенах города, уничтожая врагов, умело владея мечом.

Все взоры присутствующих сразу же были обращены на князя. Он вышел на середину шатра. С интересом оглядел всех присутствующих, как бы пытаясь узнать, все ли целы и невредимы после жестокой сечи. Князь в досаде потер переносье рукой и произнес:

– Очень жалко, что на сегодня не все воины с нами, что некоторые сложили свои головы за Русскую землю, а некоторые сейчас страдают от ран и находятся на излечении. Но нам надо защитить свою землю и прогнать литовцев из наших княжеств! Так как уничтожение небольших литовских отрядов здесь не остановит их набеги на наши земли. Надо разгромить врагов здесь и задать им такую трепку, чтобы у них больше и мыслей не было приходить к нам с грабежами!

С места поднялся новгородский посадник Гаврило Иванович и заявил:

– Что ж мы теперь будем за ними гоняться по их лесам? Достаточно мы им и тут всыпали. После этого у них едва ли появится желание снова прийти на наши земли.

– Сколько раз мы уже били этих непрошенных гостей, а они тем не менее снова и снова приходят в наше княжество, чтобы завладеть награбленным добром и людьми, чтобы превратить их в рабов! – жестко ответил Невский и добавил: – Пора с этим покончить навсегда!

– Александр Ярославич, не будем мы бегать по литовским лесам и болотам. После такого отпора, который им дали, у них теперь надолго отпадет желание к нам являться в гости. Поэтому владычный полк и ополчение мы с тысяцким и воеводами уведем в Новгород, – решительно заявил посадник Гаврило.

Князь Александр даже вспылил, но, овладев собой, спокойно ответил:

– Ну что ж, как хотите, можете возвращаться. Я же пойду следом за недобитыми отрядами, войду в литовские пределы и уничтожу врага, пока они еще не оправились. Мы пойдем к ним не захватывать их земли, а обороняться. Чтобы навсегда покончить с их походами на Русь.

16

Ярослав Всеволодович, окрыленный успехом переговоров с ханшей, пришел в свой шатер в великолепном настроении. Уже посреди шатра был накрыт Анастасией стол с закусками, винами и всякими яствами.

Женщина, хлопоча у стола, разругалась и была просто очаровательна. Князь, радостный и возбужденный, не стесняясь никого, хотя в шатре было уже достаточно людей, поцеловал в щеку женщину. Анастасия с благодарностью взглянула на князя своими прекрасными голубыми глазами и нежно, ласково прижалась к нему. Но это произошло незаметно, так что многие на это даже не обратили внимание. Каждый из присутствующих в шатре был поглощен своими мыслями. Уже многие из них в мечтах были на Родине, в своем доме. Уж так им была немила татарщина с ее дикими и странными обычаями, где женщины одевались как мужчины, а мужчины доили коров, где пили постоянно кислое молоко, смакуя и наслаждаясь им. Русским было невдомек, как можно бояться воды и не мыться совсем в бане. Все это удивляло, а иногда даже пугало их. Они воочию видели несметные полчища воинов с раскосыми и жадными глазами на низкорослых, лохматых, но очень выносливых лошаденках.

Великий князь, широко улыбаясь, пригласил всех за стол, сказав:

– Дорогие мои! Садитесь за стол, и последний раз откушаем все вместе в этом проклятом Каракоруме, а завтра двинемся в путь назад, домой!

За столом было весело, все шутили, улыбались, радовались скорому возвращению на Русь.

Азарий, огладив свою окладистую бороду, молвил, обращаясь к князю:

– Я, по правде сказать, Ярослав Всеволодович, сегодня даже не надеялся, что у тебя так все хорошо получится, что ты договоришься с ханшей и получишь ярлык. А оно во как вышло! Уж больно Туракина нас невзлюбила, долго принимать не хотела. Я думал, пробудем тут аж до самой зимы.

– Я и сам не ожидал, что у меня так получится. А тут почему-то вдруг ее гнев сменился на такую милость. Ведь во время разговора мне казалось, что все закончится ничем или даже хуже... Уж не знаю, что бы она там придумала. Я ведь не стал целовать ей край ее платья, на что она очень разгневалась, – ответил Ярослав.

– Она не просила тебя еще что-нибудь другое у нее поцеловать? – усмехнувшись в бороду, ввернул Алан. Все за столом засмеялись, а князь, широко улыбаясь, спросил:

– А что, были случаи?

– Конечно, были и очень часто. Ходят такие слухи между посланцами, а кто не угождает, того или отравляют, или держат тут годами.

Князь, брезгливо скривившись, отвел разговор в другое русло:

– Ну их к черту, этих татар! Давайте выпьем за матушку Русь! – И, взяв наполненный вином золотой кубок, встал и продолжил: – Дай нам Бог всем благополучно добраться до дому, ведь у нас впереди тяжелая и длительная дорога!

Все встали и подняли кубки, а переводчик Борислав произнес:

– За счастливое возвращение!

После выпитого князь неожиданно почувствовал сильную слабость во всем теле. Голова закружилась, его затошнило. Он медленно сел на свое место. Лицо его побледнело. По всему телу шла мелкая дрожь. Его лихорадило, внутри все жгло как огнем.

Все сидящие за столом сразу же обратили внимание, что с князем творится что-то неладное.

Первая к князю подошла Анастасия и в тревоге спросила:

– Что с тобой, мой князь пресветлый?!

– Что-то мне плохо, Анастасиюшка, голова кругом идет, в груди все огнем горит.

– Может, простыл или лихоманка какаяхватила? – с беспокойством поинтересовалась женщина.

– Положите меня на лавку, я не могу сидеть, – еле выговорил князь.

Слуга Еремей быстро постлал на широкую лавку волчью шубу, и дружинники аккуратно положили Ярослава. Тот устало открыл глаза и попросил:

– Пить! Дайте пить, все горит внутри!

Анастасия поднесла к губам князя ковш с водой. Он сделал несколько глотков и закрыл глаза. Великий князь силился что-то сказать, но уже не мог, губы его беззвучно шевелились, лицо покрывалось синими пятнами.

Ученый писарь Алан наклонился над князем, внимательно и изучающе посмотрел на него и вымолвил:

– О Аллах! Она его отравила! Очень сильным медленно действующим ядом! Он умрет мучительной смертью!

Услышав эти слова, Анастасия упала перед князем на колени, рыдая, заголосила:

– Князюшка ты наш пресветлый! Да на кого ты нас покидаешь! Как мы будем жить без тебя и защищаться от наших врагов?!

Обливаясь слезами, женщина целовала руки великого князя.

Князь, видимо, услышав слова Анастасии, открыл глаза и внятно заговорил:

– Есть кому вас защитить, мой сын Александр сделает это, – затем напрягся и четко произнес: – Господь забирает меня! Прощайте, братья мои! Только не хороните меня на чужбине, а сделайте это на моей Русской земле, во Владимире, в Успенском соборе. Не хочу лежать среди этих поганых татар.

Великий князь тяжело вздохнул, устало закрыв глаза, дернулся и навсегда затих, забрав с собой все чаяния и заботы о матушке Руси.

Священник Азарий достал молитвенник и велел всем удалиться, затем скрестил руки великого князя на груди и начал отчитывать Ярослава Всеволодовича.

* * *

В это время сотник Анкур со своей сотней уже вихрем мчался по Каракоруму, выполняя приказ хана Батия, пытаясь вовремя поспеть и предупредить русского князя об опасности. Ох, как поздно пришло известие! Как ни спешили нукеры, но их опередили враги Ярослава.

Уже оставалось до русских шатров рукой подать, как дорогу сотне перегородил хорошо вооруженный отряд. Анкур вынужден был остановить своих воинов. Богато разодетый хан, обращаясь к сотнику, потребовал:

– Подойди сюда, багатур, и ответь мне на вопросы. Откуда и зачем ты появился в нашем славном городе Каракоруме?

Анкур легко соскочил с коня и подошел к татарскому начальнику. Поклонился до самой земли и ответил:

– Дни и ночи, не переставая, скачу я со своим отрядом по поручению хана Батыя, везу грамоту от него его русскому князю Ярославу.

– Ты верный слуга своего хана, – хитровато улыбаясь, сказал военачальник и что-то шепнул рядом находившемуся сотнику на ухо. Тот кивнул головой и, обратившись к гонцу, коротко бросил:

– Прикажи своим воинам спешиться, пусть они идут в юрты, там их ждет вкусное мясо баранины и крепкий кумыс.

Посланник Батыя распорядился, обращаясь к своим воинам, выполнить желание каракорумского сотника.

– А ты, багатур, пройди вот в эту юрту и покажи, какую ты грамоту везешь русскому князю, – велел богато разодетый хан.

Во всех действиях монгольских военачальников Анкур сразу же насторожился. На душе стало тяжело и боязно. Сейчас для него было важно остаться живым, но это уже было не в его воле. Посланник медленно вошел в юрту, ожидая чего угодно, он знал жестокие законы в татарском войске. Не успел он сделать и нескольких шагов по юрте, как его с обеих сторон подхватили сильные руки. Богатырского телосложения воин легко положил Анкура спиной на колено. Одно резкое движение, и безжизненное тело посланца уже валялось на толстой кочме юрты. Вскоре вошел монгольский военачальник, взял уже вытасченную исполнителями казни грамоту, развернул ее, пробежал глазами по написанному и произнес:

– Эй – вах-вах! – и вышел из юрты.

* * *

Весть о том, что русский князь умер, облетела весь Каракорум. Все понимали, смерть эта произошла неспроста, но вслух говорить об этом побаивались, толщью перешептывались, и то лишь с теми, кому очень доверяли.

Тело князя Ярослава, облаченное в доспехи, лежало на широкой лавке, покрытой красным бархатом. Лицо бесстрашного воина было суровым как бы в назидание всем недругам, друзьям и близким, что дело, которое он начал по объединению Руси под одну властную руку, не умрет вместе с ним. Казалось, князь лишь на короткое время прилег отдохнуть и скоро встанет и распорядится отправляться на родную Русь.

Почти вся жизнь Ярослава проходила в сражениях, где были поражения и победы. Ему нелегко было утвердить себя в правлении русскими землями, прежде чем стать великим князем, ему пришлось пережить неоднократные изгнания с княжения. Но неутомимый борец, желающий не только своего утверждения на Руси, но и подчинения ее под свою руку, будучи уже великим князем, он неоднократно защищал свою Родину от набегов западников, а когда пришло великое испытание от татар, помогал княжествам и городам восстановиться. Он положил душу свою за землю Русскую.

Посольство Ярослава Всеволодовича уходило из Каракорума ближе к полудню. Длинная вереница лошадей, запряженных в телеги, крытых сверху шкурами, и верховых дружинников медленно двигалась, уходя из ненавистного города. Даже татарские воины, которые обычно старались обобрать посланников, не подходили к русским телегам, а молча провожали унылую процессию.

На всем пути движения каравана из города стояли люди, как русские, так и иноземцы, а когда телега с телом Ярослава проезжала мимо русских, они снимали головные уборы, становились на колени, крестились и осеняли уходящее великокняжеское посольство крестом, негромко напутствовали:

– Спаси и сохрани, Господи, душу великого князя Ярослава Всеволодовича! Дай, Господи, им легкой дороги и благополучно добраться до родной матушки Руси! – И столько в этих словах было тоски по родной стороншке, которую они, наверно, уже никогда не увидят, столько было безысходного горя, что слезы текли по щекам, и люди их не стеснялись. Сейчас они прощались с маленькой частицей Русской земли, которую олицетворяло посольство великого князя.

Продолжение следует.

Борис ПАХОМОВ

Родился 1 декабря 1938 года в г. Ивдель Свердловской области (Россия). Окончил физико-математический факультет Кишиневского госуниверситета. В 1986 году за разработку метода программирования, позволившего увеличить производительность труда программиста в десять раз, награжден медалью «За трудовую доблесть». Автор семи книг по современному программированию и 18 статей по профилю работы. Стихи и прозу начал активно писать с 1980 года. Публиковался в газетах: «Советский Армавир», «Версия», «Улица вязов», «Дрептация», «Приднестровье», «Коммунист», в журналах: «Рассвет», «Русский альбом», «Омнибус». Избранные произведения изданы в сборниках стихов, поэм и рассказов (2004-2006). В 2007 году вышел роман.

БСГ

Рассказ

Каких только чудес не бывает в жизни! Вот, например, чудо первое. Давным-давно, будучи еще школьником, учеником 9-го «Б» класса, я со своими двумя приятелями случайно забрел в одно непонятного назначения здание, расположенное у старинного, некогда нарядного металлического забора, верхняя часть которого заканчивалась черными чугунными пиками. Забор ограждал парк в центре города. По этому парку, говорят, некогда прогуливался сам А.С. Пушкин. Но вряд ли здание, о котором идет речь, портило вид парка в пушкинские времена, ибо это был огромный, высокий, метров десяти деревянный сарай с узкой непрерывной полосой стекол под самой крышей. Полоса эта играла роль окон. Длина сарая была довольно внушительной: метров пятьдесят. Чувствовалось, сарай этот был наспех построен прямо в центральном парке в военное или послевоенное время, чтобы в нем хранить что-то военное. Например, прятать самолет, потому что сарай был похож на ангар. Или ранее это был какой-то склад, в котором главным был некий строгий усатый старшина с несколькими медалями на груди. Но в начале 50-х годов, когда война уже как восемь лет отгремела, сарай, чтобы он не пустовал, отдали спортсменам. Когда мы, трое пацанов, робко открыли тяжелую скрипучую дверь этого архитектурного шедевра, то попали в небольшое пространство – некий коридорчик, дверь которого была широко открыта, и через ее пространство были видны мечущиеся туда-суда фигуры боксеров: кто работал в спарринге, кто – с мешком, кто – с тренером на лапах. В зале стоял шум от ударов перчаток. На дворе стоял довольно холодный февраль, но в зале было жарковато. Пахло крепким мужским потом. Пока мы, разевая рты, смотрели на все происходящее, к нам подошел невысокий, плотный, курчавый парень и, смеясь, полюбопытствовал:

– Нравится?

Мы замялись, не успев понять, нравится ли нам все происходящее.

– Если нравится, – дружелюбно улыбался парень, – завтра приходите. Часам к шести вечера. Запишем вас в секцию бокса. Хотите стать крепкими ребятами?

Мы все трое замялись, еще не понимая, хотим мы чего-то от этого всего увиденного или нет.

На следующий вечер пришел только один я. Друзья мои сослались на занятость и на то, что очень далеко ходить. Транспорта в те времена практически не было. Особенно для таких, как мы, которые жили на самой окраине города. Так я познакомился со своим будущим тренером, которым оказался тот самый курчавый парень, встретивший нас у входа в зал, где тренировались боксеры. Тренера все звали по имени-отчеству, как учителя в школе. Назовем его здесь БСГ. Я влюбился в БСГ сразу и навсегда. Мне казалось, и он испытывает ко мне определенную симпатию, хотя не выделял меня из всех. Он старательно учил разным премудростям бокса и часто держал меня на лапах. Искренне огорчился, когда я проигрывал тот или иной бой, и радовался как мальчишка, когда я одерживал победы. Секундировал он мне всегда сам. Я до сих пор помню, как в короткие перерывы между раундами он выжимал на моем лице смоченное в ведре с водой полотенце и по-отечески шептал мне на ухо свои профессиональные замечания. К концу 10-го класса, когда я уже был разрядником, БСГ, обычно скупой на похвалы, однажды не удержался и сказал,

что у меня может быть хорошее спортивное будущее, если я стану больше тренироваться.

– Ты сегодня работаешь как перворазрядник. Но надо это закреплять, закреплять и закреплять.

Но закрепить не получилось: БСГ вдруг засобиравшись уезжать – перевелся в другой город в институт физкультуры. Я почти перестал ходить на тренировки. Появлялся лишь изредка, каждый раз с тревогой замечая, что БСГ уже сидит на чемоданах. Он попытался поговорить со мной, мол, все это ерунда, он скоро вернется и т.п. Но я ходил на тренировки все реже и реже. Почти перед самым отъездом он выставил меня участвовать в первенстве города. Я отказывался. Но в конце концов все-таки согласился. Не мог я отказать БСГ. А он думал, что этим участием раззадорит меня и я забуду про свою дурь. Выступил я плохо: дошел до финала, а в финале проиграл. Сам чувствовал, что мало тренировался.

БСГ уехал. Я по инерции еще ходил на тренировки, но уже безо всякого удовольствия. Наша команда без БСГ распадалась. На нас приходили смотреть тренеры из других обществ. Кого-то забирали к себе. Меня тоже приглашали. Но я уперся. Мне нужен был БСГ, а его не было...

Минуло пятьдесят с лишним (с большим лишним) лет. За это время я знал, что БСГ вернулся в наш город, что одно время он тренировал сборную республики, потом уехал в Магадан, там воспитал несколько замечательных спортсменов, одерживавших победы на всесоюзном и международном уровне, однажды видел его по телевизору, секундирующего своим знаменитым ученикам. И все. На долгие-долгие годы следы БСГ затерялись в пространстве и времени. Да и я уже мало что вспоминал из своего юношеского увлечения. Но вот вдруг в «Одноклассниках» я случайно наткнулся на знакомую фамилию и открыл соответствующую страничку. На фото я увидел очень пожилых мужчину и женщину, между ними стояла девушка. Под фото латинским шрифтом было написано по-русски: «Я, моя жена Инна и наша внучка Габриэла». Внучка была на голову выше дедушки и бабушки. Дедушка был маленький, в очках и весь седой. Но я узнал глаза БСГ, который мне раньше казался довольно высоким. Более того, я узнал его жену Инну! Я вспомнил, очень часто в конце наших тренировок к БСГ подходила высокая (как мне тогда казалось), круглолицая, красивая, вся в маленьких завитушках брюнетка. Они с БСГ о чем-то шептались, и она оставалась его ждать где-нибудь в углу зала. Когда тренировка заканчивалась, пара вместе уходила из зала. Мы все знали, это была девушка БСГ. На фото она была больше похожа на себя молодую, чем БСГ.

Не задумываясь и почти не надеясь, что БСГ меня узнает через столько лет и среди стольких своих учеников, я послал ему сообщение. Ответа долго не было. И когда я уже потерял всякую надежду связаться с БСГ (его уже могло не быть в этом бренном мире, он просто мог меня и не узнать, да в конце концов он мог просто не захотеть продолжить общение), пришел маленький ответ. БСГ вспомнил меня и благодарил, что я его не забыл. Далее мы уже стали общаться по скайпу. БСГ оказался в Канаде, в Торонто, где создал свою школу европейского бокса. Перед этим он приглашался разными странами как очень сильный тренер для подготовки их спортсменов к олимпийским играм (в СССР БСГ имел звание заслуженного тренера СССР). В двух странах его ученики стали олимпийскими чемпионами.

Недавно у меня дома раздался звонок. Звонил БСГ. Он прилетел в наш город. Мы встретились и обнялись как долго-долго не видевшие друг друга братья. Мы облазили с ним все места в городе, где проходили наши тренировки, где он учился и где спал на одной койке с сокурсником (в этом месте мы вдвоем сунули свои физиономии в окно подвала, который служил когда-то институтским общежитием, за что охранник этого здания, в котором уже давно нет и в помине никакого института, чуть было не задержал нас как довольно подозрительных личностей). Вспоминали ребят из нашей команды, из нашего общества. Потом пошли в церковь, в которой когда-то был спортзал, где мы тренировались. Сейчас там шла служба, и наш зал на втором этаже пропал: через какие-то коробки, которыми была заставлена винтовая металлическая лестница, мы поднялись к входу в зал. Дверь была закрыта. Присмотревшись более внимательно, мы поняли, что нашего второго этажа нет: его просто снесли, и в церкви получился один зал, зал высокий, под самый купол. Как и положено в церкви. Мы... мы... мы... На следующий день БСГ улетел к себе домой. Стало пусто и грустно. Как будто из меня что-то вынули. Улетела вместе с БСГ моя юность. Остались только две малюсенькие голубые сувенирные боксерские перчатки, на которых с внутренней стороны было черным выбито слово «Аргентина», да дарственная подпись БСГ нерусскими буквами...

29.07.2013

«Наши» зажигают

(Из рассказов предпринимателя Р.)

Был я недавно в США на свадьбе сына одного моего друга. Разговорились, как водится, за столом.

– Ты в Нью-Йорке будешь? – спросил меня хозяин.

– Да. Надо заехать к одному знакомому и передать ему «привет» от родственников из нашего города. Очень просили.

– А ты Фиму Ц. помнишь?

– А то! Мы еще пацанами вместе с ним за одной девушкой бегали. Не помнишь Цилю Ш.?

– Ну как же! Ее отец в свое время где-то в горторге работал. Очень большой был человек. Полгорода в своих руках держал. Жаль, тогда Фимке не повезло с этой Цилей: он уже в те времена стал бы миллионером. Правда, немножечко подпольным... Ты же понимаешь?

– Конечно.

– Хотя Фимка и здесь, в Америке, не растерялся. Правда, в список журнала «Форбс» он еще не попал, но в списках многих не бедных людей Америки осел прочно.

– Как это?

– А ты зайти к нему, когда будешь в Нью-Йорке. Советую. Заодно от меня передашь ему презент. Идет?

– Ты меня, друг, интригуешь. Ну конечно, заеду! О чем речь! Мы с ним лет тридцать не виделись. Есть что вспомнить. Хорошо, что напомнил. Готовь свой презент, я завтра за ним заеду.

– Ну вот и договорились. Не пожалеешь.

Друг мой загадочно улыбался. Я не стал ему надоедать с вопросами. Через день я уже был в Нью-Йорке. Встреча с Ефимом была как пожар: мы оба пылали воспоминаниями и практически не давали друг другу договорить начатое предложение. «А помнишь? А помнишь? А помнишь?..» Все это висело в воздухе и будоражило нашу память. Конечно, вспомнили и Цилю Ш.

– Не повезло нам обоим с ней, – смеялся я. – Думал, Фимка, хоть тебе что-то обломится. Но...

– Это ей с нами не повезло, – посерьезнел Фимка. – Папашку ее все-таки посадили в андроповские времена, и богатая невеста сразу завяла. Вышла замуж за какого-то инженера. Сам понимаешь, что это за народ. Денег они делать не умеют. Не тот склад ума. Уехала с ним, кажется, в Израиль. Он там занимается каким-то орошением. Пытается из пустыни сделать город-сад. В общем, перебиваются с хлеба на воду. Не то что мы с тобой.

– А ты, Фимка, чем занимаешься? – полюбопытствовал я.

– Да так... – Фимка неопределенно развел свои волосатые руки в пространстве. – Крутимся... Крутимся... Кстати, давай подъедем ко мне на склад. Кое-что покажу...

Я согласился без вопросов. Склад находился минутах в сорока от Фимкиной квартиры и представлял собой сборку, как в детском конструкторе, только других масштабов. Помещение было довольно объемистым, но в то же время его можно было буквально за 20-30 минут демонтировать, погрузить в трейлер и убыть в нужном направлении. Склад был забит дорогой одеждой и обувью. Мужской и женской. Зайдя в него бомжом, ты мог выйти отсюда настоящим уважаемым джентльменом с дорогой кубинской сигарой в зубах. Видать, Фимка прочитал что-то такое в моих глазах, потому что, довольный произведенным на старого друга эффектом, рассмеялся:

– Ну как? Впечатлило?

– Тут товара на миллионы?! – полувопросительно, полуутвердительно ответил я.

– Само собой. Высший класс. Выбирай себе все, что понравится. И в любом количестве. Дарю. – Фимка уверенно взял меня за локоть и подтолкнул к ближайшей вешалке с дорогими костюмами. – Давай-давай, выбирай. Не стесняйся. Мы – не в Союзе. Здесь все можно. Только захоти. Давай-давай. Вон там – обувь, – он указал на зашторенный темной тканью стеллаж, а вон там – рубашки, галстуки и прочая атрибутика. Начинай, не стесняйся. Подаришь твоим американским родственникам. У тебя, по-моему, тут из детей кто-то живет?

Я растерянно водил глазами по складу. – Вещи – что надо, Фимка. Но мне они ни к чему. Я и сам мог бы купить здесь все, что захочу и сколько захочу. Я человек не бедный...

– Да ну что ты! – Фимка начинал обижаться. – Бери, что хочешь. Как друг! Я же – от души. Причем тут оплата? К тому же это все, – он обвел рукой все помещение склада, – мне ничего не стоит. Ни копейки! Пардон – ни цента!

– То есть... – не понял я. – Как это не стоит? Если я возьму у тебя, например, десять комплектов дорогой одежды и обуви, знаешь, на сколько это потянет?

– Ни на сколько это не потянет! Бери хоть пятьдесят комплектов! Дарю!

– Но...

– Никаких «но»! Никаких! Бери, и все!

– То есть, Фимка, ты хочешь сказать, что...

– Да, да, да! Yes, yes, yes, если хочешь! Ничего мне это не стоит! Ничего! – он победно смотрел на меня. – Бери же, что тебе хочется!

– Фимка, я понимаю, что ты – миллионер. Но товар есть товар. Он потому и товар, что имеет стоимость. Ты разве не учил политэкономия в институте?

– Когда все это было, дружище! – Фимка явно радовался тому, что завел меня в тупик своими действиями. – Политэкономия сюда приплел. Да еще советскую. У меня тут своя политэкономия. Личная. Даже и не американская, не марксовская и не домарксовская. А просто личная.

Последнее слово Фимка произнес с явным удовольствием и по слогам. Я ничего не понимал и чувствовал во всех Фимкиных действиях какой-то подвох. «Хочет мне пыль в глаза пустить, – думал я. – Но зачем?»

– Это для Цилькиного папашки все было как бы бесплатно. За что и сел. А у тебя как же?

– У меня все в ажуре, дорогой. Цилькиному папашке до меня – как до Москвы... Сам знаешь, в какой позе...

– Ну-ка, друг Фима, просвети, если это не очень большой секрет.

– Вообще-то это большой секрет. Очень большой секрет. Но тебе, как старинному другу, приоткрою тайну. Все довольно просто. Некоторые, кто меня знает, говорят, что это – гениально. Но я – скромный и говорю: «просто». Я приезжаю в некий город N, связываюсь в нем с поставщиками дорогой одежды и обуви и под некие гарантии (это мы не раскрываем) набираю у каждого из поставщиков товара на небольшую сумму: тысяч на двадцать, например. Разворачиваю свой склад, все свожу туда и начинаю как бы торговать, чтобы вернуть кредиторам деньги. На самом же деле я в этом городе торговать и не собирался. Я только набивал склад вещами. Когда склад заполнялся до отказа, я сворачивался и уезжал в другой город по-английски: не прощаясь.

– А что же твои кредиторы, Фимка?

– Ну они, конечно, немного раздосадованы. Но и только. Однако в суд на меня не подают, потому что вся эта судебная канитель обойдется им значительно дороже, чем та сумма, на которую я набрал у них товара. Значительно дороже. Вот такой приемчик легкого отъема денег. Остап Сулейманович Берта-Мария Бендер про него, увы, не знал...

– Да, Фимка... До таких высот могут допрыгнуть только русские... Американцы точно тупые...

02.07.2013

Не делай добра

(Из рассказов предпринимателя Р.)

Хозяйство у меня большое: помимо этого заведения, где мы сейчас сидим, имеется еще восемьдесят две точки. Михаил! Подай гостям еще по пиву! Так вот, хозяйство... За всем этим нужен глаз да глаз. Особенно надо ухо остро держать с контролирующими органами в те дни, когда у них денюжки иссякают, и они выходят на охоту, чтобы, значит, нашего брата потрясти и себе кое-что нагрести. Кстати, готов биться об заклад на любые деньги на предмет того, что у нас, в нашем городе... Гена! Ну-ка поторопи там Михаила с пивом! Сколько я гостей должен одними байками потчевать! Давай-давай! Гена! Смотри, чтобы все было по высшему разряду! Да... Так я про что? Готов биться об заклад на любые деньги на предмет того, что у нас, в нашем любимом городе коррупция составляет не какие-то там 20-30-70 процентов. Она у нас составляет все 170 процентов!

Вот, например, по всем своим точкам (помните, сколько их?) я должен ежегодно (е-же-год-но!) получать авторизацию в мэрии. То есть документ, позволяющий мне торговать, проще говоря. Человек, который в мэрии подписывает эту бумажку, когда к нему приходит мой юрист, берет у него заявление и молча кладет... Нет, не на бумажку! Он кладет на посетителя. А бумажка отправляется в дальний угол. На дурацкий вопрос юриста, мол, Тимофей Иваныч, когда, мол, изволите... Когда зайти... Может, чего

надо, мол, где-то в чем-то поспособствовать, этот чин делает строгое лицо, перебирая бумаги, толпящиеся на его столе в длинной-длинной очереди, глядя на посетителя светлыми правдивыми глазами (светлыми в смысле правдивыми, потому что на самом деле глаза бывают разных цветов и оттенков, в зависимости... В зависимости от... В общем, эту тему ученые еще не разрабатывали: никто с ними не хочет заключать договор на исследование. Ни милиция-полиция, ни прокуратура, ни правительство, которое ни сегодня-завтра снимет местный парламент, ни сам парламент, которому это совсем не надо)... Да, так вот, смотрит этот Тимофей Иванович на юриста правдивыми глазами и сухо говорит, мол, по закону (по закону!) бумажку положено рассматривать в течение месяца. А в конце срока, похоже, он, Тимофей Иванович, должен уйти в отпуск, чтобы отвезти очень больную жену и малых детишек в какую-нибудь Затоку подлечиться, где настолько развита антисанитария, что вокруг городского туалета в радиусе ста метров одни фекалии среди бела дня. И что делать, если ты вышел за пределы своего лагеря-пансионата и тебе или твоему ребенку приспичило? А рядом с фекалиями небольшой базарчик: местные торгуют фруктами-овощами. Ну и помочь могут, если тебе деваться некуда: дай копейку-другую, тебе дадут ключ от сортира и покажут направление, куда бежать. Азимут по-ихнему. Ну что делать? А на всякие там крымы-рымы денег никак не собрать... В общем, мол, зайдите через месячишко... Поэтому мой юрист в эту мэрию за авторизацией без двухсот долларов к тимофеям иванычам никогда не ходит. Сразу скрепкой к заявлению прикрепляет бумажку, в которой стынут эти самые доллары. И через четыре минуты (я засекал!) довольный вручает мне подписанное разрешение на точку. Ну вот и пиво наконец прибыло. Спасибо, Михаил! Сюда бы еще чего к пиву. Ну, сам-то придумай! Только не долго, гости торопятся. Так вот, каждый год только по этой позиции я плачу в карман чиновнику 16 400 долларов. А там еще санэпидстанция, пожарники, экономическая полиция... Долго перечислять. Я как-то подсчитал, что если бы хоть 30 процентов денег, которые забирают от нас, предпринимателей, чиновники из мэрии пошло бы на социальные нужды города... Всего только тридцать процентов! То нашим пенсионерам можно было бы в три раза повысить пенсии и бесплатно кормить всех городских бомжей и неимущих.

Кстати о санэпидстанции. Эти могут нагрянуть не один раз в год, как мэрия с ее авторизацией, а в любое время дня и ночи. И там двумястами зелеными не отделаешься. Поэтому я решил тут сэкономить и держал у себя на ставке одну даму из районной санэпидстанции. Она даже не показывалась на работе. Ей все относили на дом. Но зато и проблем у меня с ее организацией почти не было. Разве что когда сам главврач нагрянет с проверкой. Но это бывает только во время его запоя. В остальные дни он получает свою долю от подчиненных. Но во время запоя... Да ладно, я не об этом. Так вот, год, два, три держу я на ставке у себя эту девицу, держу, держу... Вдруг – бац! Звонит мне мой приятель и сообщает: «Твою мать! Твою сэсовку замела полиция. Где-то она так проворовалась-провзяточнилась, да так, что дальше некуда! Ее взяли с крупной суммой с личным, и ей грозит большой срок». Матушки родные! Ну, думаю, сейчас место осталось неприкрытым, поналетят вороны не только из районной, но и из городской и республиканской санэпидстанции! Разорят же, коршуны! Что же делать? Что же делать-то? Советуюсь с приятелем. У того тоже, оказывается, беда: дамочка и его обслуживала! Давай, мол, скинемся, говорю ему. Надо ее вызволять, иначе дело пахнет керосином. Узнай, Сема, на сколько это потянет. Сема узнал: тянет на пять тысяч евро. Те инстанции работают с евровалютой, не как в мэрии. Ну, мы скидываемся с Семой и вытаскиваем эту прошмандовку на волю. Буквально через день она уже у меня в списках на зарплату и у себя в санэпидстанции выполняет прежние свои обязанности. Но это через день. А всего через два дня, когда я утром приехал в офис, у меня на столе разрывался телефон, потому что мобильник я дома отключаю: работаю с другим, о котором на работе не знают. Звонили с нескольких точек. Оказывается, выпущенная нами на свободу дама, сидя в СИЗО, чем-то приболела, потому что в первый же день работы в своей санэпидстанции пошла проверять мою фирму с самого утра и сумела уже опечатать несколько торговых точек. Я опешил от такой наглости. Тут же бросился к главврачу, ее начальнику. Мол, так и так, выручили, пять тысяч евро... Главврач, к счастью, был не в запое. Потому что соображал быстро и четко. Как в бою. «Дурак ты, – говорит он мне, – хоть и известный бизнесмен. Но дурак! Ты бы отдал мне эти пять тысяч евро. А эта дура пусть бы сидела и сидела. А я тебе бы другую на освободившуюся от той ставку прислал. А так – дурак!»

01.08.2013

Этот домн* работал даже в Африке

Рассказ

Неприятности, особенно большие, всегда случаются для тебя неожиданно: вот-вот только всего лишь пять минут назад все было в полном ажуре, и на тебе... Особенно это касается твоего здоровья, потому что неприятности по работе, например, подкрадываются к тебе не очень скрытно. Все начинается с холодности, а точнее – с прохладности твоего начальника, с косых взглядов на тебя твоих вчерашних друзей, почитателей твоих умений и знаний, твоих приятелей среди верхнего начальства и т.д. То есть на работе ты начинаешь спиной чувствовать, что вокруг происходит нечто неприятное и тревожное для тебя. Ну и, соответственно, готовишься к серьезному и, скорее всего, к последнему на данной работе разговору. Особенно если ты уже вытащил из очередной помойной ямы тот или иной абсолютно неперспективный проект или, если брать выше, создал на пустом месте организацию, запустил ее в работу, набрав и обучив почти никакой коллектив, добился, чтобы все закрутилось и завертелось... Тут в самый раз ожидать, что на твое место скоро посадят какого-то родственника твоего верхнего начальства, который в твоём деле абсолютно ни бум-бум, но ему нужны должность и престиж у таких, как он сам. То есть на работе всегда можно неприятности как-то прогнозировать. А вот со здоровьем... Тут все бесполезно. С утра встаешь совершенно здоровеньким, как говорят широко известные всегда небритые личности: «У тебя с утра – ни в одном глазу», приходишь на работу, работаешь, и уже скоро наступит обед, как вдруг тебя что-то незнакомое внутри сильно передергивает, начинает морозить, трести... И вот пять минут назад ты был совершенно здоровеньким, а сейчас начинаешь по-настоящему умирать. А коллеги твои смотрят на тебя удивленно и непонимающе: проверяют, не притворяешься ли ты. И когда ты начинаешь, если сказать интеллигентно, менять цвет лица, бросаются вызывать «Скорую».

Но это когда неприятности со здоровьем случаются на работе. То есть, когда ты – работоспособная личность. А когда ты, извините, ни то ни се, то есть пенсионЭр? С пенсионЭром Тимкой, то есть, прости-те, с пенсионером Тимофеем Павловичем, и произошла как раз такая домашняя неприятность с его здоровьем. Тимкой пенсионер Тимофей Павлович всегда был для всех домашних, друзей и знакомых. Но на самом-то деле он был Тимофеем Павловичем семидесяти с лишним лет подвижным человеком. Он давно уже не работал: здоровье не позволяло. Но зато на основе своего значительного житейского и трудового опыта писал удачные книги по современному компьютерному программированию, которые издавались и продавались на широких пространствах бывшего СССР и в некоторых заграницах. Тем они с женой и существовали, ибо на пенсию обоих можно было только отбиться от поставщиков коммунальных услуг и приобретать необходимые лекарства.

Ну так вот, вернемся к Тимкиным неприятностям. Был август. Жара. Дело шло к вечеру. Тимка смотрел по телевизору, как и положено в это время пенсионеру, какую-то политику, которая ему явно не нравилась, на что он, как когда-то на футболе, страстно реагировал посредством своих голосовых связок и слов из набора неформальной лексики. Русского языка, естественно. Как выше отмечалось, вдруг ни с того ни с сего у Тимки заболело горло. С правой стороны. Тимка в пылу телестрастей не обратил на эту мелочь никакого внимания. Мало ли что. Какое там горло в августе при такой жаре? Но горло так не думало и продолжало наращивать свое болезненное недовольство. Тимке стало больно глотать слюну, которая у него сильно выделялась от несправедливостей, показываемых по телевизору. Спустя какой-то час-другой Тимка почувствовал, что у него начинается настоящая ангина. Тут он отлип от телевизора и принялся искать по ящичкам столов, чем бы утихомирить начинающуюся ангину. Ничего подходящего не нашлось. Пришлось полезть в Интернет и там поискать советов от народной медицины. А советов там... Пруд пруди! Тимка выбрал наиболее для себя подходящий: пососать дольку лимона и подышать, накрывшись полотенцем, над кастрюлей с кипящей водой, в которой варилась картошка. Замечательные советы интернетовских кудесников! Уже к ночи Тимка почувствовал, что у него не только горло болит, как при ангине, но что и в самом горле что-то случилось: будто в него вставили какой-то стержень, который начинает перекрывать дыхание. Лицо у Тимки покраснело, и поднялась температура. И все это за каких-то несколько часов! А до этого ничего не предвещало никакой грозы! Все было совершенно безоблачно! Тимка почувствовал себя настолько плохо, что решил вызвать «Скорую». Молодая женщина-врач долго осматривала Тимкино горло, совала туда-сюда в него ручку чайной ложки, снова осматривала и ничего не находила. «У вас есть небольшое покраснение горла с правой стороны. Но это не смертельно,

* Господин (рум.)

– пошутила она. – Больше я там ничего не вижу». «Но меня не это сильно беспокоит, – возражал Тимка. – Там не ангина. Что-то в горле стоит, как будто туда палку засунули. Ее распирает, и мне уже тяжело дышать». Врач снова полезла осматривать горло. Крутила Тимку и так и сяк. «Нет, ничего не вижу. Вы напрасно волнуетесь. Я вам выпишу лекарства, завтра утром – в аптеку, и лечитесь на здоровье». И уехала с денежкой в кармане белого халата, которую туда положила Тимкина жена. Успокоенный врачом, Тимка укутал болящее горло шерстяным шарфом и улегся в постель...

Очнулся Тимка от чего-то такого, чего и сам не понял. На дворе чуть-чуть светало. Желтая луна всю заглядывала в окно. На луну Тимка обратил внимание просто мимоходом. Отметил в уме этот факт, и все. Но он понял, с ним не все в порядке. А что?.. Да он просто задыхается! Ему нечем дышать. Он хватал воздух открытым ртом, но воздуха не хватало. Он хватал, хватал, а его не хватало. Он попробовал позвать жену, которая спала в другой комнате, но голос сипел и почти был не слышен. Тимка судорожно побежал в комнату к жене, держась рукой за горло, словно помогая ему дышать. Стал задыхаться еще сильнее. Он понял, что умирает. Хотя бы добежать до жены и разбудить ее, чтобы вызвать «Скорую»... Хотя бы добежать...

Добежал. Задыхаясь, растолкал спящую жену и стал хрипеть ей, что умирает. Просил, чтобы вызвала «Скорую»: сам в трубку уже не мог ничего говорить. Жена спросонья ничего не понимала и, похоже, не собиралась быстро реагировать на Тимкины метания. Слов его она не разобрала и сидела на кровати, глядя на Тимку, и ничего не понимала. Ничегошеньки. Тимка кончался. Но мозг его работал нормально. Он еще раз просипел жене: «Вставай, я умираю», и побежал к телефону, который стоял в прихожей. Набрал номер «Скорой». Там ответили. Но Тимка не мог ничего сказать в трубку, а только, задыхаясь, хрипел. Трубка кричала ему «Алло, алло!», но он ничего не мог сказать. Наконец-то у телефона появилась заспанная жена. Тимка схватил лежащие у телефона авторучку и блокнот и быстро, держась за горло, написал на блокноте: «Я умираю. Задыхаюсь. Быстро звони в "Скорую"». Жена удивленно посмотрела на него, явно еще не проснувшись до конца, и спокойно сказала: «А я не знаю номера "Скорой"». Тимка понял, что он может и не... Он яростно оттолкнул ничего не понимающую жену от телефона и сам набрал номер. На том конце, видимо, ответили и принялись задавать обычные уточняющие вопросы. Жена отвечала как-то невпопад. Тимка в это время бегал, задыхаясь, рядом на кухне и пытался хоть как-то поймать лишний глоток воздуха. Но ничего не получалось. Он явно умирал. Он понимал это. Но он понимал и другое: жена просто не знала, что сказать оператору «Скорой». Тимка услышал: «Не знаю, – говорила, жена, – сердце, наверное». Тимка подбежал к телефону, вырвал у жены трубку и захрипел в нее: «Горло, горло! Дышать нечем! Задыхаюсь. Умираю! Быстрее!» «Не поняла, – прервала его хрип оператор, повторите, что у вас там случилось?» Тимка сунул трубку снова в руки жене и показал на себе, что он задыхается. «Быстрее, быстрее! – показывал он жестами жене. – Быстрее!» Она что-то там поняла и спокойно сказала в трубку: «Приезжайте быстрее. Мужу плохо. Что-то с сердцем»...

...«Скорая» приехала минут через пятнадцать. В квартиру медленно вошел огромный мужик в белом халате, за которым с чемоданчиком пришагал его помощник. Мужик неторопливо осмотрелся по сторонам и недовольно спросил жену: «Что тут у вас происходит? Второй раз за ночь вызываете "Скорую"! Где больной?» Тимка уже услышал все происходящее и выбежал в прихожую к врачу из своей комнаты, в которой он бегал туда-сюда, пытаясь кое-как набрать в легкие хоть немного воздуха. Но это у него плохо получалось, и дышать становилось все труднее и труднее. Приехавший врач завел Тимку обратно в его комнату, приказал лечь на кровать. Тимка пытался кое-как сказать врачу, что с ним происходит, то тот даже слушать Тимку не стал и, уложив его на кровать, достал какие-то бумаги из чемоданчика помощника, потребовал у Тимки страховой полис («Деньги прежде всего», – в полусознании подумал Тимка). Жена побежала за полисом, принесла и протянула врачу. Молча стала в сторонке. Врач медленно начал что-то писать в бумаги и задавать Тимке вопросы. Тимка хрипел, говорить почти не мог и просил у мужика: «Дайте кислороду! Дайте кислороду! Задыхаюсь!» Мужик, в отличие от жены, Тимкины хрипы понимал и спокойно, как ни в чем не бывало, заполнял свои производственные бумаги. «Дайте кислороду! Дайте кислороду! Задыхаюсь!» – хрипел, глотая воздух, несчастный Тимка, а мужик-врач заполнял и заполнял свои бумаги. Наконец он оторвался от бумаг и раздраженно, повышенным тоном ответил: «Нет у нас никакого кислорода! Лягте на спину!» От положения «лежа на спине» Тимке стало совсем плохо, дышать было очень тяжело, но он зажался и терпел. Хотя в голове его мелькала мысль, что этот сиволापый дотянет его тут до самой могилы, а не до больницы. Уж лучше бы они вызвали такси, которое прибывает в течение пяти минут и которое за пять же минут довезет их до ближайшей больницы. Но потом ему подумалось, что никакая больница его от таксиста не примет: не положено. Будет еще

хуже... А помощник тем временем уже опутывал Тимку проводами с присосками: приехавшие медленно, но верно собирались снимать у него кардиограмму. Видимо, сработало заявление жены, когда она звонила в «Скорую». Мужик даже и не собирался смотреть Тимкино горло. Тимка отчаянно пытался показать жестами мужику, что у него проблемы с горлом, а не с сердцем, но тот совершенно не обращал внимания на Тимкины движения и по-медвежьи, с угрозой заставил Тимку лежать смирно, чтобы не испортить кардиограммы. Для Тимки все эти процедуры длились целую вечность...

...Наконец они прибыли в больницу. В этот день дежурила как раз их районная больница, которая была в пяти минутах езды от их дома. Помощник вывел Тимку под руки из машины и привел в приемное отделение. На дворе уже совсем рассвело, и в приемном отделении сидели первые посетители. Санитарки со швабрами протирали полы. Медперсонал медленно и важно ходил по просторам отделения. Мужик из «Скорой» ушел куда-то со своими бумагами, а Тимка остался один в пустой комнате, куда его привел помощник мужика. Дышать Тимке становилось все хуже и хуже, и он, не усидев в комнате и минуты, выскочил пулей в коридор, чтобы хоть кого-то разумного поймать и попросить у того кислородную подушку, чтобы хоть глоток, хоть глоток... Никто на него не обращал ровно никакого внимания. Все ходили по своим маршрутам деловито и важно. И на вопросы и просьбы хрипящего Тимки только отвечали: «Зайдите в приемный покой. За вами скоро придут». Пока «за ним пришли», прошла тоже очередная целая вечность. Тимка снова и снова выбегал в коридор, надеясь, что хоть кто-то поспособствует тому, чтобы ему принесли кислородную подушку. Он ведь видел в фильмах про врачей, что таким, как он, не дают никогда задохнуться, всегда заботливо окажут помощь, дадут подышать, если надо, кислородом... Он просил, он умолял... Все проходили мимо или просили его войти в комнату, в которую должны за ним прийти.

В комнате, в которой Тимка уже отсчитывал свои последние минуты, наконец-то появились некая чопорная старушенция и какой-то старый-престарый, даже – древний врач, который молча сел в углу комнаты и принялся пустыми, совершенно пустыми глазами смотреть на Тимку, на его метания и задыхающуюся и синеющую физиономию. Просто смотрел, и больше ничего. То ли изучал интересный случай, то ли просто пришел от скуки посмотреть, что происходит в приемном покое. Тимка метался из стороны в сторону, сидя на кушетке, хрипел, задыхался, а древний человек в белом халате равнодушно наблюдал и наблюдал за всем происходящим. «Вы у кого наблюдаетесь?» – пришел в Тимкину чумную голову вопрос, который задает каждый врач хроническому пациенту. Не «у кого вы лечитесь», а осторожное: «у кого наблюдаетесь». Вот такой наблюдатель сидел сейчас в углу комнаты, в которой помирал Тимка от нехватки воздуха, не попадающего в легкие, потому что в горле что-то расперлось так, что невозможно было дышать. Старушенция молча уселась за стол, молча указала Тимке на стул перед столом, молча положила перед собой какие-то бланки и принялась их медленно-медленно заполнять, задавая Тимке обычные анкетные вопросы: фамилия, имя, отчество, год рождения... «Дайте мне кислорода, – хрипел ей Тимка, – пожалуйста! Я задыхаюсь! Кислорода! Глоток!» «У нас нет кислорода, – невозмутимо, не поднимая головы от бумаг, отвечала старушенция, – национальность?». Эта экзекуция продолжалась тоже вечность для Тимки. Как он тогда остался жив и все это выдержал, он до сих пор не понимает. Видать, судьба... Бог ему дал испытание наблюдать современную медицину «столицы европейского государства», как с явно показной гордостью говорят об этом современные правители этого, так называемого, государства, в котором для современной больницы и для умирающего больного не могут найти глоток кислорода. Да какой там кислород! Тимка, будучи впоследствии уже в палате, увидел, что все постельное белье – это сплошная гуманитарка из Испании, из страны, которую в СССР никогда всерьез-то и не воспринимали и жалели ее жителей, помогая им, чем только можно. А кислорода в гуманитарках, видимо, не присылают, а в «столице современного европейского государства» ума и средств не хватает, чтобы производить кислород хотя бы для больниц.

«На что жалуетесь?» – продолжала мучить Тимку невозмутимая старушенция. Наблюдатель продолжал равнодушно следить за происходящим из своего тихого угла. В комнату больше никто не входил. Закончив составлять бумаги, бабулька куда-то медленно и с достоинством удалилась, высоко и гордо неся свою тупую головку и, спустя минут десять, как показалось, крепящемуся, чтобы не потерять сознание, Тимке, в комнате появилась какая-то девица, взяла Тимку под руку и повела сдавать «приемные» анализы: кровь и мочу. Потом... Тимка уже плохо помнит... Потом появился какой-то седой, цыганского вида пожилой доктор, и Тимку повезли вместе с ним в лифте в палату. Потом... Тимка уже в палате. Ему показывают койку, и кто-то просит прилечь. Палата почему-то пуста. Тимка ложится на кровать, но тут же вскакивает: так дыхание совсем останавливается. Он снова ложится и снова вскакивает. Выбегает,

хватаясь за горло, в коридор и видит там врача, который в лифте привез его в палату. Он хватается за рукава и хрипит, что он, Тимка, не может дышать, пусть ему дадут хоть каплю кислорода, пусть... Дальше Тимка помнит, как врач заводит его в какой-то кабинет, сажает в кресло и начинает копать в его горле. «Кислорода! Хоть глоток! Задыхаюсь», – мечется в кресле Тимка. «У нас нет кислорода, – тревожно смотрит на него врач, – откройте пошире рот. Я ничего у вас не нахожу. Почему вам тяжело дышать?» «Кислорода, – вырывается из рук доктора Тимка, – кислорода...»

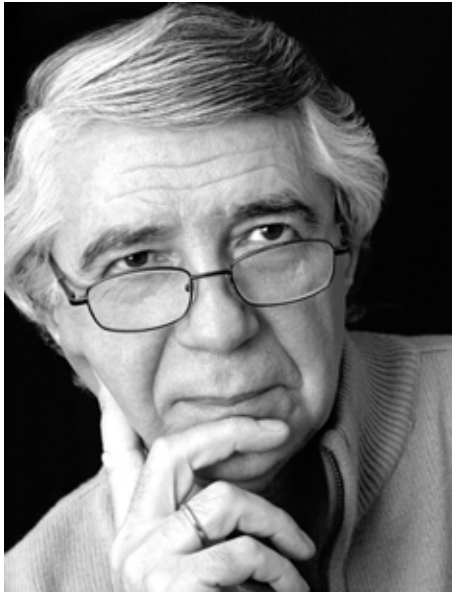
Медсестра, стоявшая рядом с креслом, мгновенно куда-то убегает. «Нет у нас кислорода, – заученно повторяет врач, продолжая изучать Тимкино горло. – Ничего не нахожу...» Приходит какой-то важный пожилой господин в белом халате с неизменным стетоскопом на шее и с блестящим отражателем, прикрепленным поверх белой шапочки на голове. Медленно подходит к Тимке, щупает его миндалины, заглядывает в рот, смотрит, смотрит и ничего не понимает. «Я ничего тут не вижу. Что с ним такое?» – обращается он важно к врачу на румынском. Тот пожимает плечами и отвечает, что тоже ничего не понимает. Тимка опять, задыхаясь, хрипит, чтобы ему дали хоть глоток кислорода. «У нас нет кислорода. И не бывает», – важный господин явно недоволен. Затем он просит врача, чтобы тот измерил Тимкино давление. Измерили. Господин сует силой в Тимкин рот какую-то таблетку. Под язык. Опять начинает исследовать Тимкин рот, Тимкино горло. «Ничего не вижу, – недовольно сообщает он врачу. – Может, показать его...» Далее Тимка уже все плохо помнит. Точнее – помнит урывками. Вот какая-то молодая женщина смотрит его горло... Вот она же кричит: «Срочно – в реанимацию!» Потом, как в тумане: лифт, крики «Глотайте! Глотайте!» Какие-то люди над ним... Потом – пустота...

Очнулся Тимка уже в какой-то кровати. В ногах у него стояли несколько парней и одна девочка. Все – в белых халатах. Все смотрели на Тимку ободряюще и очень дружелюбно. «Пить», – хотел попросить попить Тимка, но у него ничего не получилось: не было голоса. «Лежите, лежите! Вам нельзя пока шевелиться. Напишите на бумаге, что вам требуется». Тимка понял, что голоса у него совсем нет, понял, что в горле торчит какая-то трубка. Почувствовал, что под головой какая-то влага. Потянулся рукой. Весь затылок лежал почти в луже крови. Принесли блокнот и авторучку. Тимка написал свою просьбу. Один из ребят (а это, как оказалось, были студенты-практиканты) быстро сбегал в буфет и принес бутылку минералки. Помогли Тимке утолить жажду... К середине дня Тимку в каталке привезли из реанимации в палату. Когда Тимка немного пришел в себя, познакомился с помощью переписки с соседями, он узнал от них некоторые подробности своих приключений. А они это узнали, в свою очередь, от медсестер и санитарок. И все потому, что Тимкин случай там был самый неординарный. Тимка был в их глазах чуть ли не герой дня. Шутка ли: почти мертвого вернули с того света! У реаниматоров – золотые руки! Без них бы... Без той простой скромной маленькой женщины, которая мгновенно все распознала в Тимкиной болячке, увезла его в реанимацию и сама сделала операцию... Без нее бы... «А что вы чувствовали, когда были на том свете?, – смеясь, спрашивала эта милая женщина, когда впервые навестила Тимку в палате и когда Тимка, узнав, кто его спас, целовал ей руки, отчего она смущенно отбивалась. – Как там все?» «Ничего я не помню, – писал ей в блокноте Тимка, – ничего не помню... Вам... Вам спасибо... А кто тот важный врач, который меня вначале осматривал и ничего не нашел?». Женщина смутилась. Видно было, ей неловко и она не хочет отвечать. «Так кто же он?», – не отставал Тимка, выводя неровные слова в блокноте. «Это ваш заведующий... Но он хороший специалист! – малоубедительно, но быстро сказала она. И добавила: – Вы знаете, этот дом когда-то работал даже в Африке». Тимка ничего не ответил. Только на глазах его появились предательские слезинки. То ли от благодарности к этой маленькой женщине, спасшей ему жизнь, то ли от того, что он представил себе жаркую Африку, в которой важный белый доктор заглядывает в горла черным африканцам, а в это время дует горячий ветер пустыни, поднимающий тучи песка, забивающие покорные блестящие глаза его пациентов...

23.07.2011

Сергей СКОРЫЙ

Автор четырёх поэтических сборников. Стихи, публицистика, проза издавались в журналах и альманахах Украины, России, США. Член Союза русских писателей Восточного Крыма, Союза русских украинских и белорусских писателей АР Крым. Археолог, доктор исторических наук, профессор. Живёт и работает в Киеве.

Я – рядовой в жэдэ-войсках...

Мини-повесть

Нечто вроде предисловия

— **Б**ольшое видится на расстоянии! – мудрствовали наши многочисленные предшественники и, по-видимому, были правы... Да что там «большое»... С годами понимаешь, что и некоторые, на первый взгляд, не очень примечательные события твоей жизни вдруг приобретают значение, ну, не то чтобы фактов первостепенной важности, но явно заслуживающих внимания и памяти... Вероятно, прошедшее время словно неким лучом высвечивает их более рельефно и отчётливо. Хотя не уверен, что сказанное касается всей совокупности пережитых жизненных ситуаций.

Но – ближе к теме... Дальнейшие строчки будут посвящены армейским будням, в которых я – так уж случилось – оказался в далёких 1970-х годах... И, конечно, в этом повествовании никак не удастся обойти один щепетильный вопрос – о так называемой «дедовщине» (или – как её деликатно называют некоторые армейские деятели – «неуставных отношениях»), которая буйным цветом полыхала в те годы в ряде войск Советской армии. Насколько мне известно, эти «добрые» традиции вовсе не изжиты и поныне здравствуют в многочисленных национальных военных формированиях, появившихся после распада СССР. В связи с этим, думается, те далёкие события будут небезынтересны, а, возможно, и поучительны. Отмечу также, толчком для моих воспоминаний послужила повесть Петра Гайворонского и Александра Винниченко, опубликованная на украинском языке в 2003 году в Донецке «Чёрный цвет – благородный цвет» («Чорний колір – шляхетний колір») о Железнодорожных войсках Советской армии (далее – ЖДВ СА). Один из авторов – Пётр Гайворонский проходил службу в ЖДВ СА и то, о чём пишет, знает не понаслышке. Правда, служил он в более позднее время, чем я... Но ситуации, о которых идёт речь в повести, достаточно близки тем, с которыми пришлось столкнуться мне в начале 1970-х, хотя, разумеется, есть и отличия... Прочитав присланную Петром книгу, я в пространным ответном письме изложил своё мнение о ней, а также поделился с авторами некоторыми случаями, свидетелем или участником которых мне выпало быть. А теперь вот – делюсь с тобой, мой любезный читатель...

«Морская авиация»

Дело происходило зимой, в декабре 1970 года, а призыв наш был – южный: в основном жители Одесской и Запорожской областей... Забирали нас в армию из Запорожья – одного из славных городов отечественных металлургии и всякой прочей тяжёлой промышленности.

Помню обширное помещение областного военного комиссариата (облвоенкомата), наполненное разношерстными призывниками, слоняющимися без дела, с вещевыми мешками или разного рода рюкзаками за плечами. Знакомились, курили, угощали друг друга домашней снедью. Кормить нас никто в военкомате не собирался, а потому обходились прихваченными запасами. У некоторых было с собой спиртное, которое с воодушевлением выпивалось, поскольку в атмосфере призыва царил непонятно откуда взявшаяся нервная мысль (и абсолютно – неверная!), что, дескать, в армии с этим делом – очень строго и лучше вдоволь напиться «на гражданке». Наиболее сообразительные призывники, чаще всего – одесситы, попавшие под влияние этой пагубной мысли, быстро налаживали через узкую щель в воротах

контакты с местными жителями. Тех было – более чем достаточно у стен военкомата. Им передавали собранные коллективные деньги и ждали приобретения спиртного. Его иногда приносили, чаще – нет... Думаю, у местного необеспеченного люда это был неплохой и – главное – вполне безопасный способ добывания денег: ведь владельцы их были, хотя и временно, но надёжно изолированы от иного мира высоченной военкоматовской стеной.

Внешний вид призывной публики отличался живописностью и разнообразием. Одни были одеты в добротные вещи, имели хорошие меховые шапки и обувь. Щеголяли длинными «под Битлз» причёсками. Другие, напротив, в старье, и уже умудрились постричься наголо или – как тогда ещё говорили – под «нулёвку». На третьих – а к ним принадлежал и я – были одежда и обувь не новые, но вполне приличные с виду.

Хочу сказать, что первоначально из наиболее дорогих вещей у меня имелись наручные механические часы, но с ними пришлось расстаться ещё до появления в Запорожском облвоенкомате.

К слову сказать, об этом потом не жалел, поскольку в произошедшем со мной случае было нечто важное и поучительное для меня.

...В поезде, которым я ехал из Крыма (моей малой родины) в Запорожье, познакомился с парнем, недавно отслужившим в армии. Как это часто бывает в дороге, разговорились. Мой новый знакомый, оказавшийся приятным в общении человеком, узнал, что еду на призывной пункт, посмотрел на мои часы и вдруг сказал: – Слушай, давай меняться часами! Я тебе – мои, а ты мне – свои! – Зачем? – чрезвычайно удивился я. – Понимаешь, друг, часы у тебя хорошие, мои – похуже. Всё равно их отберут, так хоть не так жалко будет. – Кто отберёт, как? – ничего не понимал я. – Кому отобрать – найдутся, а способов – очень много. Можешь мне поверить: со мной такое было... Пришлось поверить, и мы обменялись часами. А он, прощаясь, когда я выходил в Запорожье, сказал примечательную фразу, которая вспоминалась в период службы не раз. – Послушай! Вначале будет – очень трудно! Но, главное, – не забывай: всё это временно, всё пройдёт...

...Мы ждали «покупателей», т.е. представителей разных родов войск, в которых предстояло служить. И хотя на руках уже были военные билеты, где были проставлены всякие ВУСы (военно-учётный стол), определяющие рода войск, это – как доходчиво объяснил один вылощенный и развязный служивый при комендатуре – дескать, ничего ещё не значит...

«Покупатели» появились под вечер. Нас, человек 30 по списку, отвели в сторону. Мы уважительно глазели на трёх сержантов (или старших сержантов – тогда в этом разбирались слабо). Были они ладные, подтянутые, спортивного вида, в хорошо подогнанной форме и начищенных до блеска сапогах. На плечах – чёрные погоны, а в петлицах эмблемы, значения которых никто из новобранцев не знал. Прежде всего, бросались в глаза – якорь и крылья, отходящие от него в стороны, а также красная звёздочка в центре якоря. Были, правда, ещё какие-то два элемента на этих знаках отличия, но они как-то терялись на эффектном крылато-якорном фоне. Разумеется, мы живо обсуждали загадочную суть эмблемы, причём версии высказывались всякие. Одни полагали, что служба в этих войсках связана с морем (а если нет – для чего же якорь?), другие утверждали, что это, скорее всего, связь – с небом (а если нет – для чего тогда крылья?). Кто-то из призывников, умело комбинируя в уме эти два изобразительных элемента, решительно утверждал, что за нами приехали представители «морской авиации». Сами же наши «покупатели» на вопросы, в каких войсках нам предстоит служить, не отвечали, а лишь загадочно улыбались. Правда, один из них проронил как бы невзначай, что войска – элитные. Эта информация наполняла душу оптимизмом... «Покупатели» нам понравились, особенно после того, когда они, видя, что военкоматовский служивый, о котором уже шла речь, пытается выманить у кое-кого из призывников – деньги, не раздумывая, дали ему по шее...

В поезде (а мы располагались все в одном вагоне) наши «покупатели» сообщили, что едем в Подмоскovie, где и будем проходить службу. После этого мысли о море отпали само собой... Те, у кого оставалось спиртное, продолжали выпивать, а точнее – допивать его... «Покупатели», похоже, смотрели на это сквозь пальцы, но сами к выпивке вовсе не присоединялись. Более того, они пресекали особенно назойливые попытки некоторых не в меру подвыпивших и ретивых призывников, среди которых выделялся один – прибалтнённый одессит Сёма с несколькими наивными наколками на руках, чуть ли не браться с ними. При этом старший по званию, как выяснилось впоследствии – старшина срочной службы, произнёс загадочные слова: – Нам с вами предстоит серьёзно поработать, чтобы научить вас Родину любить!

...Крытые «ГАЗ-66», которыми нас везли от железнодорожной станции по хорошему шоссе, через густой сосновый лес, остановились у высоких ворот с такой же эмблемой, как и на петлицах «покупате-

лей». И тогда старший из них – как показалось не без гордости – произнёс: – Вы в учебном показательном полку имени Ленинского комсомола Железнодорожных войск Советской армии ...

Незабываемая баня

Армейская, точнее курсантская, наша служба началась со стрижки, бани или – как принято было называть этот процесс – помывки и последующего переодевания в обмундирование. Стрижка машинкой всех наголо не оставила каких-либо глубоких эмоций в душе, чего не скажешь о бане...

После стрижки, когда мы все стали как бы на одно лицо, лысые с торчащими ушами, наступил черед помывки. И вот тут-то появились в предбаннике несколько бравых курсантов с блокнотиками и ручками в руках. Достаточно вежливо они предложили всем сдать по списку наличные деньги, часы, а тем, у кого были хорошие меховые шапки, одежда и обувь, и это тоже. При этом убедительно обещали часы и деньги вернуть после помывки, а вещи переслать каждому домой в соответствии с оставленным адресом. Любопытно, но не у кого не возникло даже сомнений, что всё именно так и будет... Ведь показательный полк, да ещё имени Ленинского комсомола!

Испытав радость коллективной помывки, вернулись в предбанник, где сидели, увы, уже иные, не менее brave военные, но с лычками на погонах. Соответственно размерам, каждому было выдано бельё (по 2 пары в связи с сильными холодами), «защитного» цвета брюки и китель-распашонку, ремень, сапоги, портянки, шинель и шапку с красной звёздочкой – одним словом всё, что необходимо служивому человеку. Переодевшись во всё это, мы вдруг на некоторое время перестали узнавать друг друга – уж слишком стали похожими, составив некую единую массу... Поскольку всех достаточно волновал вопрос, где же те, кто взял у нас на временное сохранение деньги и часы, стали всячески высматривать их в предбаннике и коридоре. Увы, «сохранители» ручных часов и наших последних гражданских денег отсутствовали... Мы было попытались жаловаться новым командирам, товарищам сержантам, на этот вопиющий факт обкрадывания, но те лишь, пожав плечами, сообщили, что мы – просто олухи, коль так легко расстались со своими вещами. И тогда выплыли в моей памяти слова вагонного попутчика, служившего в армии, о многообразии способов отбирания всего, что более или менее имеет ценность, у молодых солдат...

Впоследствии в «показательном» полку, но особенно – в линейных частях, строящих железную дорогу, не раз приходилось мне сталкиваться со случаями наглого обмана, неприкрытого воровства и многими неприглядными фактами, но почему-то та армейская баня запомнилась надолго...

И началась наша курсантская жизнь... Я уж не помню, каких конкретно специалистов для ЖДВ СА из нас хотели «выковать» в шестимесячной «учебке». А вот то, что «отцы»-командиры – сержанты и старшина роты, задались целью превратить нас в этих роботов, сомнений не вызывало. Тупая муштра, зубрёжка уставов и безоговорочное подчинение начальнику составляли основу курсантского воспитания.

Дожив до 20 лет, получив среднее специальное образование в политехникуме, я как-то ранее совершенно не задумывался о том, за сколько секунд мне нужно покидать кровать и одеваться, сколько времени необходимо тратить «на приём пищи» (по команде начинать и оканчивать этот процесс), как именно надевать головной убор, с какой бодростью необходимо петь армейскую песню и о множестве иных армейских заморочек. Ну разве могут появиться мысли у нормального человека, что головной убор (пилотку, фуражку, шапку) следует надевать и снимать тремя последовательными движениями руки (делай – раз! делай – два! делай – три!), и оный при этом должен смотреть звёздочкой на командира? А отбой – подъём за 45 секунд или за время горения спички? За эти чёртовы 45 секунд при варианте «отбой» необходимо не просто раздеться, а аккуратно, в определённой последовательности сложить обмундирование, обмотать сапоги портянками и лишь потом нырнуть под одеяло. Но подъём давался гораздо труднее. Ведь нужно было не только встать, а натянуть на две пары белья – форму, застегнуться на все пуговицы, надеть сапоги, предварительно намотав портянки. После этого тщательно, без складок застелить кровать одеялом и сделать прямоугольные бортики по краям постели. Если учесть, что расстояние между двухъярусными кроватями было очень небольшое, нетрудно себе представить, как суетились четыре курсанта, чтобы успеть всё сделать согласно нормативам. Многим это не удавалось... Бдительные сержанты проверяли, на все ли пуговицы застёгнуто обмундирование, есть ли портянки на ногах. Некоторые из наших командиров взводов, похоже, имели явно садистские наклонности. Вспоминается, как иногда, замечая, что кто-то не успел за 45 секунд встать поутру, они не показывали виду, а вели строем в столовую. Случалось, сержантам казалось, что курсанты поют песню не столь бодро, как это нужно делать. И тогда вождьённый утренний завтрак становился слегка отдалённой мечтой, поскольку мы

маршировали несколько раз – от казармы до столовой и назад... Но вот наконец «приняв пищу», опять же с песней возвращались в казарму. Тогда-то и начиналась серьёзная тренировка «отбоев-подъёмов»... Ясное дело, если до завтрака «уложиться в норматив» не всем удавалось, то с наполненным желудком – тем более. А командиры настойчиво старались воспитать в нас выносливость и мужество... Ну что тут сказать? Поскольку страдали коллективно – всем взводом (или взводами), то и воспитание неторопливых курсантов обретало коллективно-кулачную форму в армейском туалете. Чего греха таить – и мне пришлось несколько раз испытать на себе методы «воздействия» гуманного армейского коллектива.

...Вскоре постреляли из СКС-ов (самозарядные карабины Симонова), а затем приняли присягу на верность Родине...

Запомнился один случай, с которым столкнулся после присяги... Поднимаюсь как-то по лестнице нашей кирпичной трёхэтажной казармы и гляжу, курсант Сёма – тот самый прибалтнённый одессит, который в своё время в вагоне цеплялся пьяненьким к нашим «покупателям»-сержантам, моет лестничные пролёты. Да не просто моет! А драит их маленькой щёткой, предназначенной вообще-то для чистки металлической бляхи ремня. Рядом с ним стояли две половинки мыльницы – в одной туалетное мыло, в другой – вода. На мой удивлённый вопрос, для чего это он туалетным мылом лестницу моет, Сёма, подняв вверх палец, почти торжественно изрёк: – Товарищ сержант приказал! И добавил: – Чтобы запах был приятным!

Так закалялись неокрепшие курсантские души, а методы обучения «любви к Родине» – как мы видим – у наших взводных были изысканы и многообразны...

...А после было всякое, в том числе хождение в караул – охранять склады с вооружением и военной техникой: несколько часов «прогулки» взад-вперёд с автоматом АКМ на 30-градусном морозе... Поскольку мы были ребята южные, в той или иной степени обморозились многие, и я в том числе... По сей день даже при небольшой минусовой температуре болят и покалывают подушечки пальцев...

Нет, не удалось мне окончить шестимесячную «учебку» в элитном полку имени Ленинского комсомола ЖДВ СА, стать младшим сержантом (или, в крайнем случае, – ефрейтором) и умелым военспецом по строительству железнодорожных коммуникаций в родном отечестве. Ежедневная муштра, отбой-подъёмы оказались явно не под силу моему, по-видимому, некрепкому организму, и через пару месяцев я попал в группу курсантов, которых отчислили по разным причинам из учебного полка. Но, разумеется, не комиссовали, т.е. не отправили на «гражданку». В напутственном слове перед высылкой нас в железнодорожный батальон один из «отцов»-командиров с большой иронией в голосе сказал: – Не хотели жить как люди, теперь будете таскать шпалы в креозоте на трассе. Уж там-то вас научат Родину любить!

Начинался новый этап моей воинской службы и обучения «любви к Родине»...

«Шапки» приехали!

В городок Ш...а, что располагался примерно в 200 км к востоку от Москвы, поезд прибыл глухой морозной ночью... Железнодорожный батальон, где предстояло продолжать службу, находился где-то в километре от вокзала. Это расстояние нашей небольшой колонне (человек 20) пришлось преодолевать бегом: видимо, была в том насущная необходимость, дабы не околеть на 30 градусном морозе... Бежать в длиннополой шинели с вещмешками за спиной было чрезвычайно неудобно... К тому же организм требовал хоть какого-то сна и отдыха...

Но вот открылись ворота воинской части. Справа от них тянулось унылое, собранное из деревянных щитов здание, которое – как выяснилось позже – являлось штабом, в глубине территории неясно темнели какие-то постройки... Вначале всех нас завели в штаб, где, несмотря на ночное время, присутствовали военные, в том числе какой-то майор. Он строго-настрого запретил кому-либо выходить из помещения. А вблизи него нет-нет, да и появлялись какие-то тени и шелестели плохо различимые фразы, что-то типа «Шапки приехали». Один из незадачливых бывших курсантов нарушил приказ майора и буквально на несколько секунд покинул помещение. И тут же одна из теней, обретая облик небритого, в довольно замызганном бушлате солдата, метнулась к курсанту и резко сорвала с его головы шапку. Майор, увидевший вскоре бесшапчного молодого бойца, и, очевидно, в назидание другим, выгнал его, бритоголового, на лютый мороз, приговаривая: – Жарко тебе было, солдат? Теперь остынь немножко!

А потом был такой же, как и штаб, собранный из щитов воинский клуб, где нас до утра закрыли на ключ, тоскливый дрём, где ни попадя, который даже с большой натяжкой трудно назвать сном, глухое топанье чьих-то ног вокруг клуба, сопровождающееся разноголосыми и знакомыми нам уже выкриками «Шапки приехали!».

Утром распределили всех по ротам и взводам. Я и ещё пару друзей «по несчастью» попали в одно подразделение. Помню, ведёт нас по территории части командир взвода, старший сержант Волгин (а он реально был откуда-то из Поволжья), а мы всё высматриваем, где же казарма, в которой предстоит жить. Однако вскоре наши идиллические полковые представления на предмет местожительства оказались на-чисто разбиты суровыми батальонными реалиями: никакой казармы вовсе не было! А вместо неё – десятка два больших брезентовых палаток, над которыми восходили в морозное небо почти вертикальные столбы дыма.

Позже мы поняли, что батальон дислоцируется на данном месте не столь давно, и воинский «городок» находится, так сказать, в процессе созидания. Разумеется, первое, что было сооружено – это штаб, клуб и сборные домики для «отцов-командиров», вблизи забора части. Что же до личного состава, то бишь солдат, то руководство батальона, очевидно, мудро решило не усложнять себе сразу же жизнь строительством казармы. Она появилась позже к лету, а до этого молодым людям была дана возможность некоторое время пожить в походно-полевых условиях, отвыкнуть от дурацкого изнеженного гражданского быта, а заодно – закалить свой солдатский организм. Да, забыл упомянуть ещё один чрезвычайно необходимый и важный объект общественного пользования – туалет. Это было непритязательное архитектурное сооружение, примерно на 50 «посадочных мест», построенное, однако, не из щитов, а из белого ракушечника, т.е. более фундаментальное, правда, с никудышной деревянной крышей...

А теперь пора подробнее описать славные воинские жилища на примере палатки, в которой прожил я зиму и весну 1970 года. Палатка была рассчитана на 20 человек. Не новая, основательно выгоревшая на солнце. Она была натянута на довольно небрежно сбитый из досок каркас высотой до 2 м. В «стенах» палатки, с разных сторон, небольшие окошки, но света они давали мало. По этой причине в жилище было постоянно полутемно, и горели две электрические лампочки. К палатке, со стороны входа, примыкал небольшой тамбур, который закрывался снаружи дверью. В тамбуре хранился разный инструмент и лежали сложенные брикеты торфа. Следует сказать, батальон стоял на торфяниках, которыми славилась эта часть Московской области, поблизости располагались торфоразработки, а потому топлива было вдоволь.

Недалеко от входа, в самой палатке, располагалась сложенная из кирпичей печь. От неё тянулась горизонтально почти через всё жилище металлическая труба, которая затем под углом уходила вверх, через крышу. По периметру жилья стояли двухъярусные металлические кровати, рядом с ними – двухэтажные узкие тумбочки. В проходах возле тумбочек – по одной табуретке. Наконец в углу, у входа, находились стол и несколько стульев. Пол – земляной, утопанный. В жилище был также огнетушитель, а возле стола, на стене висели список личного состава взвода, разного рода приказы и инструкции. Вот, пожалуй, и всё. В целом, в палатке было тесно и очень неудобно.

...Из открывшейся двери пахло настолько спёртым, несвежим запахом, что чуть было не сработал рвотный рефлекс. На нижних кроватях лежало несколько служивых с отнюдь неуставными причёсками, выразительной щетиной на лицах, в расстегнутых гимнастёрках, под которыми виднелись свитера, и в шерстяных носках. После полковых внушений о внешнем виде советского воина увиденное вводило душу в небывалое смятение. Вот, хлопцы, пополнение к нам! – сообщил старший сержант Волгин. «Хлопцы» переглянулись и обменялись репликами, смысл которых я практически не понял. Звучал не русский, но и не украинский язык... Удивляться, собственно говоря, было нечему: «хлопцы» происходили из Прикарпатья, и то, как они говорили, коренным образом отличалось от того, что мы привыкли слышать в Крыму и южной части Украины. Но... недели через три все новички решительно преодолели языковой барьер, успешно пополнив словарный запас яркими и совершенно неожиданными оборотами.

Старший сержант, указав нам на верхние койки, сказал, что можем поспать до обеда, так сказать, отдохнуть с дороги. Повесив шинель и шапку на вешалке у входа, я аккуратно, как учили в полку, сложил на табуретки своё обмундирование... И почти сразу навалился сон, противиться которому не было никакой возможности...

– Эй, «гусь», подъём! Хватит дрыхнуть! – Затем последовал сильный толчок под рёбра, моментально возвративший меня из состояния сна в армейскую реальность...

Я сорвался со второго яруса вниз, схватил обмундирование. Но что это? Всё, что лежало на табуретке, было вовсе не моё, то, новое, что я оставил перед сном! Вылинявшие затёртые брюки и гимнастёрка-распашонка, к тому же короткая на меня, дерматиновый пояс с белой латунной пряжкой, старые сапоги со сбитыми набок каблуками. Здесь же, на полу лежала короткая шинелька с прожжёнными дырками и старая шапочка из тех, что на одно ухо. – Где ж моя одежда, товарищ старший сержант! – почти крикнул я сидящему за столом Волгину. – А это и есть твоя одежда, рядовой! – строго изрёк командир взвода. – И

не морочь мне голову! Служить уже пора начинать! Хватить бездельничать! Распустили вас там в полку!

Лежащие и сидящие на нижних койках служивые дружно и весело заржали...

Да, сейчас, по прошествии десятилетий, я смотрю на эту ситуацию философски, вспоминая слова одного из моих учителей в науке, незабвенного профессора Ч., говорившего мне не раз по разным жизненным поводам: – Пусть это будет самое крупное огорчение в вашей жизни, коллега!

А вот тогда... Даже трудно подобрать слова, чтобы описать всё то, что происходило в душе тогда... Неужели вот это и есть та самая – «непобедимая и легендарная»?

«Гуси», на травку!

Во взводе, помимо нас – нескольких одесситов и запорожцев, молодыми солдатами были также человек пять молдаван, из того же южного призыва, да несколько ребят из глубинки России. Буквально в первый же день старший сержант Волгин и его «годки», т.е. одновременно пришедшие вместе с ним в славные ряды СА, доходчиво объяснили нам социальную иерархию рядового состава ЖДВ. Мы, мол, до полугода службы являемся «гусями» – самой бесправной и низкой «кастой» в среде служивых. Следующая, более значимая категория – «гусаки»: от полугода до года службы. Затем следуют «фазаны»: срок службы от года до полутора. И, наконец, наиболее высокая и уважаемая воинская «каста» – «старики», или «деды», соответственно, от полутора лет службы и до двух, т.е. до «дембеля» (демобилизации). «Гуси» обязаны беспрекословно выполнять все пожелания в первую очередь «стариков», во вторую – «фазанов». Объективности ради хочу сказать, что и «гусаки» нередко порывались помыкать «гусями». На практике всё это приобретало уродливые и крайне унижительные формы. Так, все «гуси» должны были спать только на койках верхнего яруса, и это было, конечно, не случайным. Дело в том, что внизу, вдоль описанной уже ранее трубы, идущей от печи и основательно нагретой, выставляли служивые свои мокрые сапоги и намотанные сверху на них портянки. Те сохли, наполняя в течение продолжительного времени воздух соответствующим запахом, а без деликатностей – вонью. Не нарушая законов физики, всё это поднималось вверх, на уровень второго яруса и потолка. Не раз, лёжа на койке под потолком, вспоминал я проникновенные строчки Сергея Есенина из поэмы «Песнь о великом походе»:

*«В красном стане храп,
В красном стане смрад.
Вонь портяночная
От сапог солдат».*

Да, с большим знанием деталей живописал сходную ситуацию Сергей Александрович!

В палатке, несмотря на попытки каждодневных уборок, всё же царили грязь и антисанитария. От торфа, которым топили печь, летела пыль, а от самой печи – сажа. Да и два десятка человек, бывая один раз в 10 дней в бане, издавали запахи отнюдь не весьма популярного в те годы мужского одеколона «Шипр»...

Методы отбора у молодых солдат новых предметов обмундирования были различны. Помимо банального срывания, например, шапок с головы или подмены одежды, когда «гусь» спит (что было в моём случае), практиковались и более изысканные приёмы. Суть одного из них – застать молодого служивого в туалете, сидящего с ремнём на шее и шапкой на голове. Пользуясь беспомощным положением воина, можно было беспрепятственно забрать и первое, и второе. Для некоторых «стариков» это была весьма увлекательная охота...

Всех «гусей» закрепили за старослужащими, которые внесли их имена в записные книжечки. «Молодым» был растолкован широкий и разнообразный круг обязанностей. К примеру, стирать носки «старичка», приносить ему с утра из столовой завтрак в виде большого ломтя белого хлеба с «серьёзным» куском сливочного масла, нескольких кусков сахара и кружки чая и пр., и пр. «Старики» поутру, разумеется, не поднимались по бодрому крику дежурного «Подъём». Мало того, на спинках кроватей у них висели предупреждающие таблички «На заре ты его не буди!». Конечно, первостепенным делом «гусей» было выполнять разные производственные задания, даваемые начальством «старикам». Всякие провинности и неуважения со стороны «молодых» старослужащие дотошно фиксировали в записных книжках.

И вот наступал день получения солдатского жалования – так называемых «наркомовских»: рядовые по 3 рубля, сержанты – почти в три раза больше... Разумеется, деньги у «гусей» одновременно изымались.

А три рубля в те годы, уважаемый читатель, чего-то, да и значили... Например, пол-литровая бутылка водки стоила 2 рубля 87 копеек, а 250-граммовая «чекушка» – 1 рубль 49 копеек. Но «когда мы были молодые», больше хотелось сладостей, например, сгущёнки...

Вечером «старики» и «фазаны» устраивали праздничный ужин, в меню которого непременно входила жареная картошка. Воровать её на кухню посылали нас – «гусей». Мы же должны были чистить и жарить её на большом противне на нашей палаточной печке. Постепенно старослужащие напивались. Затем извлекали записные книжки с провинностями «молодёжи» и начинались разборки. Вначале «молодёжь» стригли наголо, поскольку «гусь» не должен был носить иной причёски. Разборки чаще всего не ограничивались банальным мордобоем, хотя, разумеется, без него было никак. К полуночи «молодым» командовали спать, и, когда те засыпали, «развлечения» приобретали иной характер. Наиболее безбидным было вставить между пальцев ног «гуся» бумагу и поджечь, на армейском жаргоне это называлось «запустить вертолёт». Более эффектным считалось заставить «молодого пикировать», т.е. сбросить вместе с матрасом со второго яруса на пол. Это было излюбленным «разборочным» занятием большинства «стариков». К счастью, никто из тех, кто пикировал, инвалидом не стал... Чего, вероятно, не скажешь о тех «гусях», на ком был испробован следующий воспитательный метод. К ушкам сапога привязывалась бечёвка метра два в длину, на конце её устраивалась петля, которую осторожно надевали на мужское достоинство спящего воина, расстегнув его бельё. После этого сапог размещался на лице, и «гуся» резко будили. Проснувшийся, ничего не понимающий «молодой» хватал сапог и швырял его что было силы... Надеюсь, понятно, что следовало за этим...

Воистину изобретательность наших «стариков» в унижении и терроре над молодыми солдатами не имела границ!

... Наступила ранняя весна. Снег начал стаивать, кое-где пробивалась первая трава. С куревом в части почему-то стало плохо, а наши «старики» почти все «гоняли дурной дым». С завистью поглядывали они на офицеров и старшин-сверхсрочников, покуривавших не только отечественные, но и болгарские сигареты, что в те годы в мужской среде считалось чуть ли не признаком хорошего тона. «Курительный» вопрос встал столь остро, что пробудил в голове кого-то из «стариков» до гениальности простую мысль: мобилизовать «гусей» на сбор «бычков», т.е. окурков на территории воинской части. Помню, построили нас, «молодых», у палатки. Старший сержант Волгин сказал краткую, но пламенную речь о необходимости обеспечения «старичков» табаком. Каждому была определена норма в 20 жирных «бычков». Собрать их было необходимо в течение дня, до ужина. – Ну, «гуси, на травку! Крутите во все стороны шеями! – по-доброму напутствовал нас Волгин. – И главное – не забывайте о выполнении нормы!

Странно, но почему-то никого из «стариков» совершенно не смущал вопрос гигиенического порядка: а не опасно ли курить после кого-то, ведь в принципе можно «подцепить» чужую хворь? Либо эти пустяшные мысли им попросту в голову не приходили, либо была святая уверенность, что весь курящий командный состав нашей части – безусловно, здоров...

Как бы то ни было, мы ежедневно выходили «на травку» искать «бычки»... Норма сбора должна была выполняться, ибо в противном случае «старики» лютовали... И чего уж там скрывать: иногда между «гусями» из-за «жирного бычка» возникали стычки, особенно тогда, когда время близилось к ужину, а норма всё ещё не выполнена... К сожалению, это было...

А вследствие всего этого было и другое: стремление «молодых», «под завязку» хвативших издевательств и глумления со стороны «стариков», любым путём комиссоваться из армии. И нужно сказать, что для реализации этой цели некоторые «гуси» шли на всевозможные ухищрения, жертвуя зачастую своим здоровьем. Меня, наверное, всё же сдерживали от всяких дел подобного рода мой старший возраст (по сравнению с иными молодыми солдатами) и мысль о том, что это – преходящее... Хотя сама идея – комиссоваться, нет-нет да и мелькала в то время в моей голове...

«Старик» Васька Крук

Полковой «отец-командир» явно ошибался, утверждая в напутственной речи в момент отправки несостоявшихся курсантов в линейные части, что, дескать, предстоит вам, неразумным, трудиться на строительстве железной дороги, в частности – «таскать шпалы в креозоте на трассе». В Ш...ом железнодорожном батальоне строительством дороги не занимались вовсе! Как я уже упоминал ранее, стратегическая задача заключалась в приведении в надлежащий жилой вид воинской территории, что и осуществлял личный состав – ни шатко, ни валко... Копали траншеи под различные коммуникации, ставили деревянные столбы для освещения части, сооружали щитовые домики в офицерском «городке» для увеличиваю-

щегося командного контингента. Были, конечно, и иные всевозможные занятия, к примеру, хождение в наряды. Из них наиболее приятными являлись – кухонные. Там во всяком случае можно было хоть вдвоём поесть. А вот еды «гусям» как раз постоянно и не хватало. Многие из пищи (особенно белый хлеб, масло, сахар) отнималось «стариками» и «фазанами».

...Упомянутые офицерские домики отапливались при помощи котельной, которая находилась на территории части. Кочегарили в ней по очереди «старики» и, если ходили в ночную смену, после отсыпались в палатке в течение дня.

Одним из таких «ночных» кочегаров был «старик», ефрейтор Васька Крук, из прикарпатских сельских парней, завершивший своё образование на уровне восьми классов. Васька очень гордился полученным воинским званием, мечтал стать сержантом, хотя бы младшим. Он рассказывал, что у девушек в их селе к парням, что служили в армии, особое отношение. Тем более к тем, кто демобилизовался с «лычками» или иными армейскими отличиями. По этой причине на гимнастёрке Крука красовалось с полдюжину разных воинских значков, явно им не заслуженных.

Но настоящим большим специалистом Васька являлся – как выяснил я вскоре – вовсе не в кочегарном деле...

«Старик» Крук был довольно высокого роста, сутулый, жилистый, с длинными по-обезьяньи руками, увенчанными пудовыми кулаками. Ходил он, слегка пригнувшись, в раскачку. Лицо – словно рубленое, со скошенным лбом, прямым острым носом, выступающим вперёд подбородком. Глаза и волосы – тёмные. Когда Васька говорил, обнажались большие, пожелтевшие от курева зубы. Даже при большой нагрузке «обвинить» его в какой-либо внешней привлекательности было непросто. Вместе с тем веяло от всей Васькиной фигуры какой-то первобытной силой... При разборках с молодыми солдатами Крук всегда был в первых рядах. Думаю, память о его тяжёлых кулаках у многих сохранилась надолго, если не на всю оставшуюся жизнь...

Как это не покажется дивным, но Крук нравился женскому полу... По вечерам, лёжа в палатке и покуривая, любил Васька поведать «старикам» и «фазанам» о своих амурных похождениях на «гражданке», во всю смакуя те или иные подробности. Была у «старика» Крука даже записная книжка, где он фиксировал все подвиги на любовном фронте.

Конечно, оказавшись в армейских условиях, Васька вовсе не изменил своим гражданским привязанностям. Да и «ночным» кочегаром он пристроился (уж не знаю с какого периода) лишь с одной целью – бегать ночью через забор (как он выражался) «до дивок-москалёк». Однако подобные мероприятия требовали времени. А в печи необходимо было своевременно подбрасывать торф, чтобы они подавали тепло в офицерские домики... «Кочегарить» в двух местах одновременно, даже при Васькиных физических возможностях, было не реально. Ясное дело – любвеобильному «старика» нужны были сменщики-помощники, и, разумеется, из «гусей». Раза три в неделю таким помощником у Крука был я.

Уставший от всякой строительной работы, «охоты за жирными бычками» на территории части, плёлся я после ужина в кочегарку. Вскоре появлялся отоспавшийся и хорошо отъевшийся за день Васька. Бросив лопатой в топку десятка два брикетов торфа, для поддержания – как он говорил – спортивной формы, Крук давал мне инструкции по кочегарному делу. Завершал он их, как правило, одной и той же фразой: – Смотри, «гусь», не засни! Если печи затухнут, убью, сука! Затем, весело насвистывая «Червону руту», Васька исчезал в темноте...

Поскольку перспектива быть побитым Васькиными крутыми кулаками меня никак не устраивала, я старательно следил за печами, бросал по необходимости в них торф, поддерживая ровное горение. Ходил по грязной, дымной кочегарке, что-то бормотал вполголоса, при этом боясь сесть на единственный табурет, поскольку знал, что уснет...

Крук не появлялся, а усталость подступала всё сильнее. Наконец я не выдерживал и садился на табурет, убеждая себя в том, что это всего лишь на какие-то пять, ну, десять минут... И тут же засыпал... Никогда не помнил, что снилось, но забыть пробуждение было невозможно... Оно происходило в состоянии стремительного полёта и сильного удара об пол кочегарки...

Излюбленным занятием возвратившегося от «дивок-москалёк», удовлетворённого Васьки Крука было – выбить из-под меня, спящего, ногой табурет, что делал он ловко и злобно...

...И по истечении многих лет не хочу я скрывать страстной моей мечты того времени: убить «старика» Крука! Учитывая его физическую силу, сделать это можно было только из стрелкового оружия. Но, увы, патроны к автоматам АКМ нам выдавались только холостые...

Страстная любовь рядового Медведева

И дернул же чёрт оказаться «гусаку» Лёшке Медведеву в доме старшины сверхсрочной службы Пилипчука и встретиться с его женой Аурикой... Впрочем, чёрт здесь, конечно, ни при чём... Просто Пилипчук купил что-то новое из мебели, а кому ж быть грузчиками у старших по званию, как не молодым солдатам? Вот и попал Лёшка в число нескольких воинов для осуществления погрузочно-разгрузочных работ.

Пилипчук – обрусевший украинец, был ещё тем перцем! Занимал должность заведующего вещевым складом в части, крепко «сидел на армейском барахле», офицеры зачастую перед ним «шапку ломали»... Привык старшина к уважению... Одним словом, «катался» он в службе, как вареник в сметане...

Вот и жену себе завёл не какую-нибудь там, из местных... А яркую, статную, черноволосую молдаванку. Глаза – как спелые вишни. Одно загляденье! Правда, как по мне, излишне худощавая... Но тут уж – дело вкуса!

Аурику, младшую его лет на пять, старшина всячески баловал...

Пилипчуков в батальоне недолюбливали: офицеры за то, что приходилось им иногда заискивать перед старшиной при получении качественного обмундирования, их жёны за то, что Аурика щеголяла часто в обновках, более дорогих и ярких, чем ей это полагалось «по чину»...

...Лёшка Медведев – деревенский парень, медлительный, несколько тугодум, физически крепкий, с круглой большой головой, со светлыми, почти белыми волосами. О таких часто говорят – белобрысый. Удивительными были глаза у Лёшки – пронзительно синие... Цвели они на его лице, как васильки в поле. И ещё улыбка. Какая-то наивная, обезоруживающая. Когда он улыбался, не портили Лёшку даже нехорошие зубы со щербинкой.

Пребывая в положении «гуся», претерпел рядовой Медведев по полной программе все «стариковские» безобразия, но не озлобился, не замкнулся в себе, в отличие от некоторых «молодых».

Любопытно, когда в нашей среде возникали какие-либо разговоры о женщинах, любовных делах (что вполне естественно для мужского коллектива), Лёшка старался их избегать либо краснел при этом.

...Держась двумя руками за нижнюю часть нового приобретения старшины – полированного платяного шкафа, и согнув спину, рядовой Медведев медленно поднимался по ступенькам к открытой двери в дом. И вдруг внезапно на уровне его глаз оказались высоко оголённые женские ноги... А когда он поднял выше голову, увидел глаза Аурики, такие тёмные, как спелые вишни... И будто что-то произошло в этот момент между ними... Будто возникла вот та самая невидимая связь, основу которой составляет всепоглощающая страсть, совершенно не подчиняющаяся здравому рассудку и вовсе неведомая ранее рядовому Медведеву...

И случилось то, что должно было случиться... Стал «гусак» Лёшка призываться в дом Пилипчуков то самим старшиной для выполнения каких-либо мелких ремонтных работ (замечу, у военнослужащего Медведева руки росли откуда надо!), то его двадцативосьмилетней женой, в отсутствие супруга. А надо сказать, что Пилипчук по делам службы нередко уезжал из части... Детей у старшины не было, и Медведев, как только мог, скрашивал эпизодическое одиночество Аурики...

Лёшка расцвёл на глазах, да и слегка откормился на домашних старшинских харчах... Вскоре во взводе стало известно о его любви. Да что там во взводе! Похоже, об этом знали все в батальоне, кроме, разумеется, мужа, старшины... А как же по-иному, если рядовой Медведев частенько вечерами, почти открыто отправлялся к дому, где жили Пилипчуки... И всем становилось понятно: старшины дома нет! Дошло до того, что Лёшка иногда оставался ночевать у Аурики... Понятное дело: такое долго продолжаться не могло, хотя и длилось с полгода!

Старшине никто ничего не сообщал. Рядовой и офицерский состав, похоже, с любопытством, а кое-кто и со злорадством, наблюдал за развитием событий...

Развязка была банальной, но вполне житейской. Как-то старшина ранее запланированного срока вернулся под утро домой, где и застал на супружеском ложе утомлённых любовников...

...И грянул скандал... Рогоносец-Пилипчук, лютуя, бил красавицу-жену кожаным армейским ремнём и гонял её по офицерскому «городку», обзывая самыми последними словами... Что до рядового Медведева, то старшина грозился пристрелить Лёшку из пистолета... Но все в батальоне знали, что это лишь треп, поскольку никакого пистолета у старшины не было... А физически справиться с крепким Медведевым ему было явно не по силам... Лёшка на все вопросы твердил, насупившись, одно и то же: дескать, любит он Аурику и, когда «дембельнётся», женится на ней.

Со временем страсти в семье Пилипчуков как-то утихли сами по себе. А жена старшины стала отка-

зывать Лёшке во внимании – будто и не знала его вовсе!

Но с той поры никто из командирского состава не приглашал рядового Алексея Медведева для переноски мебели или осуществления мелких ремонтных работ...

«Киллер» для «штабных»

Нет, определённо не складывалась служебная карьера у командира роты Ш...го железнодорожного батальона, старшего лейтенанта Владимира Рысакова. И с чёго бы это? Вроде и военное училище окончил достойно, и со спортом дружил, как-никак – мастер спорта СССР по лыжам. Да и собой – видный мужик, ведь не случайно нашёл себе вполне приятную «половину» Ларису! А вот что-то не «клеилось» у него со службой – и всё тут... Непонятно... А, впрочем, может, эти негоразды связаны были с излишней прямоотой старлей? Там, где иногда следовало бы промолчать или ещё лучше – сделать вид, что не заметил, он, напротив, – «резал правду-матку»... Понятное дело, более старшим по званию эта правота была, как кость в горле, а потому «штабные» – как величал их с презрением ротный – всячески задерживали его продвижение по службе. Давно уже офицеры, что вместе с ним окончили училище, стали капитанами и подумывали о майорстве, а Владимир всё хаживал с тремя звёздочками на погонах старшего лейтенанта. Успешные друзья-служивые стали посматривать на него свысока как на неудачника, а Лариса, во всех отношениях приятная «половина», начала назойливо «пилить» его, особенно в дни получения зарплаты. То ли денег ей на «жизнь» не хватало, то ли наряды иных офицерских жён не давали покоя... И заболел в этой непростой жизненной ситуации спортивный и видный собой старлей Рысаков извечной и тяжёлой российской болезнью. То бишь – начал он принимать злостное зелье безо всякой должной меры... Как и следовало ожидать, преданная офицерская жена через несколько месяцев, упаковав чемоданы, уехала куда-то к маме. Владимир был избавлен от ежедневного нытья по поводу нехватки денег и, соответственно, получил неограниченные возможности коротать долгие вечера в опустевшей квартире на пару с бутылкой...

Ко времени нашего появления в славном Ш...ом батальоне Рысаков уже имел устойчивую славу офицера-неудачника и выпивохи. Но вот, что любопытно: ротного, которого не жаловали «штабные» и недолюбливали армейские коллеги, уважали солдаты. Может, именно за справедливость – основу всех его бед, и человечность. Правда, ротой серьёзно старлей не занимался, отдав по сути все свои полномочия старшине – истинному служаке, прекрасно находившему общий язык со «стариками». Старшину как раз не уважали, но побаивались. Особенно – молодые солдаты. Крут и скор был на расправу Иван Иванович.

Иногда вечером основательно «приняв на грудь», Рысаков являлся в казарму. Её уже к этому времени построили, и у нас наконец появились человеческие условия проживания. Сев к кому-нибудь на койку, он начинал душевные беседы с «сынками», как он нас величал... В разговорах ротный во всю проклинал «штабных», поломавших ему служебную карьеру и жизнь. Их он ненавидел люто... Они ему, судя по всему, отвечали тем же, постоянно творя различные гадости...

И вот однажды часов в 10 вечера, пережив днём очередную «каку» со стороны штабных офицеров, ворвался в казарму старлей Рысаков. Был он основательно пьян, с горящими глазами, расстегнутым воротом и карманами, набитыми боевыми патронами. Где он их взял, было совершенно не понятно. Дежурным по роте был сержант нашего призыва, «фазан» Васин. – Сержант, слушай мою команду! – орал Рысаков. – Открывай, «оружейку» и «калаш» мне – быстро! Всех «сук штабных» сейчас «завалю» на хер! – Что стоишь? Перед тобой – командир роты! Я приказываю! – Он был явно не в себе и в великом бешенстве...

Дежурный по роте сержант Васин растерялся: с одной стороны – приказ командира, который следует по уставу выполнять, с другой – реальная перспектива «великой бойни» в батальоне, если в руках пьяного и безумно озлобленного офицера окажется автомат Калашникова... Как бы ты поступил в этой нестандартной ситуации, требующей быстрого решения, мой уважаемый читатель? Сержант Васин поступил мудро: он просто сбежал с ключами от оружейной комнаты на некоторое время из казармы, а заодно и с глаз буйного во хмелю, решившегося на расправу со «штабными» Рысакова...

Ротный, вдоволь поматерившись и поорав, приткнулся на койке в углу казармы и вскоре захрапел...

Путру все делали вид, что ничего не произошло. Но... всё же нашлась «добрая» душа и «настучала» руководству батальона, вероятно, рассчитывая на внеочередной отпуск на родину. Через некоторое время старшего лейтенанта Рысакова сослали от греха подальше – на строительство железной дороги во Владимирскую область с понижением на должность командира взвода. Там и пришлось мне с ним вновь встретиться, но об этом иной рассказ. А я, вспоминая тот армейский вечер 1971 года, размышляю,

сколько же патронов было в карманах ротного? В том, что он их применил бы по назначению, сомнений у меня, разумеется, нет...

Служака Бырак

После «ссылки» Рысакова на трассу появился у нас новый ротный – капитан Бырак. Не знаю, как носилось к нему командование батальона, но у рядового состава, буквально с первых дней, приобрёл он устойчивую неприязнь. Да и было от чего! И дело, конечно, здесь не только во внешности ротного, хотя она отличалась выразительностью. Был Бырак невысокого роста, плотненький весь, с круглой головой, сидящей на короткой шее, и каким-то крысиным, вечно недовольным выражением лица. Казалось, он всё время что-то высматривает, вынюхивает...

При этом пытался выглядеть щеголевато: сапожки у него – «гармоникой», фуражка ловко сидела на макушке. Как многие мужчины небольшого роста, бесконечно страдал комплексом Наполеона. Довольно быстро став капитаном, спал и видел Бырак на себе майорские погоны. Родом он был откуда-то с Западной Украины...

Приняв роту, строго пообещал, что выведет наше отсталое, по его мнению, подразделение в передовые по всем показателям. Думаю, заявил это не только нам, но в первую очередь – штабным начальникам...

И началось... Комроты, очевидно, забыв, что попал не в строевую часть, а в техническую роту ЖДВ, пытался вовсю «закручивать гайки». То он морил нас вполне полковой шагистикой, то пытался устраивать подъём всей роте в 6-00... «Старики» и «фазаны» матерились и как только могли саботировали его начинания... Помнится, даже старшине Иван Иванычу жаловались (а он «старичков» понимал), дескать, пусть уймётся не в меру разошедшийся капитан, а то ведь и несчастный случай может произойти в технической роте...

Как сейчас помню, выстраивает поутру Бырак роту, ходит молодецки вдоль строя, зыркает на служивых, а потом произносит свою коронную фразу: – Ну, щё, хлопцы, сапогы почистылы? Ну, тоди – упэрэд!

И мы отправлялись по объектам...

У нас была пара «стариков», хорошо имитирующих голос Бырака. Иногда он рот ещё не успевал открыть, а из второго ряда шеренги уже неслась фраза: – Ну, щё, хлопцы, сапогы почистылы? Капитан безмерно бесился, но имитаторы оставались неуловимыми...

С ротным у меня случилось прямое и довольно забавное столкновение. Был я в ту пору уже «фазаном», отслужил более года, а потому иногда, как и иные старослужащие, позволял себе самовольные отлучки с территории части, то есть «самоволки»... Возвращаюсь как-то поздним вечером из «самоволки» в меру пьяненьким. И чёрт же меня дёрнул – нет чтобы войти в казарму через дверь, как все нормальные служивые, так нет – влез я в умывальную комнату казармы через окно... А тут и Бырак! – Стой! – кричит. – Где шлялся, самовольщик? И что-то ещё нехорошее сказал по поводу моих ближайших родственников. Промолчи я в этот момент или повинись, как полагается, может, всё бы и ограничилось какими-то там нарядами вне очереди... Но... гордый статус «фазана» и хмель ударили в голову, и ответил я ротному очень некрасивыми и, наверное, обидными словами... Он аж взвился! Схватил меня за ухо, стал орать, что сгноит на «губе» (то есть гауптвахте) и потащил в сторону этого батальонного заведения. Я же при этом напевал ему замечательную строчку Высоцкого «...капитан, никогда ты не будешь майором!», что бесило комроты ещё больше...

Эх, не знал Бырак, какую услугу он мне оказывает, дав своей волей 10 суток ареста! Дело в том, что в это время на «губу» угодили повара моего призыва. Охранял же «губарей» взвод охраны, в котором основной состав также почти все – «фазаны» и несколько «стариков». Но и это ещё не всё! Командир взвода охраны, старшина сверхсрочной службы, был в это время в отпуске. Замещал его старший сержант Лёня Ячаров, хорошо знакомый мне «фазан», родом из Ростова. Нет, это была не «губа»! Это был, скорее – санаторий... Молодые повара снабжали своих старших товарищей достойной пищей из столовой, и понятное дело ею делились с нами наши «годки»... Разумеется, никто ни на какие работы нас не водил... Проводили мы время в сибаритстве: игре в карты, трёпе за жизнь, покурировании и даже попивании и в других не менее замечательных занятиях...

Да, это было единственное за всю мою армейскую службу пребывание на «губе», но какое приятное... Две татуировки, сделанные местным батальонным умельцем, тоже сидевшим в эти дни на гауптвахте, остались вещественным напоминанием об этом «позорном» факте моей биографии «на всю оставшуюся жизнь»...

Через 10 дней явился Бырак – забирать меня в роту. На вопрос «Ну, что, мозги тебе здесь вправили?», я ответил совершенно неожиданным для капитана заявлением, что не против посидеть ещё суток десять на «губе». Ротный был невероятно озадачен и даже, похоже, расстроен... Впоследствии он изыскал повод отправить меня в подразделение путейцев, строящих железнодорожную трассу в районе деревни Д...но Владимирской области.

Взводный токсикоман Игорь

– Что за новобранец пошёл, одна пьянь! – почти с возмущением молвил старший лейтенант Рысаков и точным движением пальца отбросил далеко окурок «Стюардессы»... Оказавшись на строительстве трассы, в ситуации на порядок хуже, чем была в Ш...ом железнодорожном батальоне, да ещё на должности всего лишь командира взвода, мой бывший ротный, как это не покажется странным, вовсе не ударился в пьянство, хотя для этого были все условия. Напротив, основательно притормозил этот процесс. Нет, трезвенником он, конечно, не стал, но «принимал на грудь» теперь реже и умереннее. А потому и высказывал старлей возмущённое мнение по поводу нового пополнения, в основном из Московской области. Более половины его были основательные алкаши, и это при возрасте 18 лет... Да если бы только алкоголики...

По удивительному стечению обстоятельств Рысаков оказался командиром взвода путейцев, в который прибыл и я из Ш...го батальона, попав в немилость к новому командиру роты капитану Быраку. – Сынок, и ты здесь? – удивился, увидев меня, старлей. – Стало быть, вместе служить будем...

Молодое пополнение распределили по взводам нашей роты, входившей в состав батальона путейцев – доблестных строителей железнодорожной трассы. О них ходила поговорка: «На трассе либо здоровым станешь, либо загнёшься». Действительно, работа там – скажу я вам без всякого преувеличения – была чрезвычайно тяжёлой.

Именно на трассе мы поняли по-настоящему суть эмблемы ЖДВ СА. Крылья – символизировали скоростные возможности железнодорожного транспорта. Якорь свидетельствовал о наличии в войсках специальных подразделений – понтонёров и мостовиков, строящих мосты стационарные и понтонные через водные преграды. Ну а молот и разводной ключ – указывали на основные ручные орудия труда путейцев.

...В наш взвод, а точнее – палатку попал некто Игорь, москвич, белобрысый парень со слегка навывкате светлыми глазами. Нагловат он был не в меру. С самого начала стал изображать бывалого «чувака», к месту и не к месту подчёркивая своё московское местожительство. «Старикам» и «фазанам» это не понравилось. А следует сказать, что старослужащие нашего призыва, по сравнению с предшественниками, отличались более мягким нравом. Особенно возмутило «старичков», что однажды, в конце рабочего дня, когда они намеривались «законно» пойти пить брагу в ближайшую деревню, за ними увязался «гусь» Игорь... Его, разумеется, прогнали, слегка поколотив в воспитательных целях...

Особенно любил молодой солдат рассказывать, как на гражданке он «гонял колёса», т.е. токсикоманил, принимая те или иные таблетки, содержащие наркотические средства. – Понимаешь – войдя в раж, вещал он – «загонишь» бывало несколько «колёс» подряд – кодеина или, к примеру, кофеина, и ждёшь «прихода»... Кайф – скажу вам – ещё тот! Я бы и здесь не против «колёса погонять», так где ж их возмёшь, не Москва ведь! – пренебрежительно заканчивал он...

Москвич до такой степени надоел всем в палатке своими рассказами, что возникла идея «помочь» «гусю»-токсикоману. Как-то вечером один из «фазанов» одессит Яша сообщил прилюдно Игорю, что, если тот действительно желает «заторчать», он поможет ему «сделать счастье». Дескать, в санчасти «годки» работают, и большой проблемы достать кодеин и кофеин – не будет. – Ты чо, без булды? – аж взвился тот. – Так я ж – с великой радостью!

...В санчасти действительно работали ребята нашего призыва, в том числе – одесситы. Яше не составило никакого труда попросить земляков «привести в порядок» десятка полтора таблеток надёжного слабительного – пургена. Им придали внешний вид кодеина и кофеина и поместили в соответствующие упаковки...

С торжественным выражением на лице Яша появился в палатке. – Держи, Игорёк, вот тебе «колёса»! – Ну даёшь, ну молоток! – прочитав надписи на упаковках, восхитился тот.

– А теперь, «народ», гляди, сейчас «приход» начнётся – «заторчу»! – и взводный токсикоман проглотил несколько таблеток... «Народ» глядел во все глаза...

«Старички» пошептались между собой и послали одного молодого воина подпереть входную дверь с обратной стороны лопатой с крепким черенком и дежурить там, не давая никому войти...

– Смотри, как зрачки у меня расширяются! – между тем вещал Игорь.

– Ничего не расширяются – с сомнением произнёс кто-то из служивых! – Наверное, доза малая! – Ничего – дело поправимое! – со знанием дела произнёс наш токсикоман и «загнал» ещё три или четыре «колеса»...

«Прихода» всё не было! Но вдруг он двумя руками схватился за низ живота и согнулся в три погибели... Затем резко бросился на выход из палатки... Но все попытки открыть деревянную дверь ни к чему не приводили: её надёжно зафиксировали с той стороны...

– Сволочи, суки! – верещал Игорь, катаясь по полу. – Откройте двери! «Народ» развлекался чрезвычайно, наперебой спрашивая у взводного токсикомана – хорош ли «приход»?... Наконец сжалились... Пулей промчался обезумевший служивый в сторону батальонного нужника... Кое-кто из нашей палатки – за ним... – Ну, что, «торчишь», «гусь»? – ехидно вопрошали «старички», заглядывая в туалет...

Игорь «торчал» несколько часов...

Позже, придя в должную форму, добился наш токсикоман перехода в иной взвод: слишком уж донимали его сослуживцы «приятными» воспоминаниями...

Роковое совпадение

Это же надо, как иногда сочетание фамилий, скажем, двух индивидуумов, сулит одному из их владельцев определённую неприятность!

Вот и в этой армейской истории, свидетелем которой я был, произошло их роковое совпадение...

Ходил я тогда уже в «стариках», отслужив в славных ЖДВ СА более полутора года... Собственно говоря, в этот период была у меня уже не то чтобы служба, а скорее, работа – корреспондентом в дивизионной газете «Звезда».

Редакция газеты располагалась на территории железнодорожной бригады, дислоцирующейся в славном городе М-ме, что на Оке. Местом моего жительства являлась казарма штабной роты. Подчинялся я исключительно редактору газеты, майору Х-ну, человеку умному и справедливому... По армейским представлениям был в положении более чем привилегированном. Конечно, мне приходилось много ездить по строящейся трассе, бывать в различных подразделениях, писать о строительных подвигах создателей железных дорог страны...

Командовал железнодорожной бригадой комбриг полковник Босый. Крупный, крепкий мужчина лет за 50, с грубоватым, но выразительным лицом, зычным командирским басом. Внешне он очень был схож с популярным ныне российским киноактёром Михаилом Пореченковым, впечатляюще представившим на экране тип современного офицера. Полковник был не в меру строг, и, хотя его называли в «народе» – «Батя», боялись все поголовно. Этим он существенно отличался от подполковника Алексеева, начальника политотдела бригады, с пониманием относящегося к солдатам, за что последнего уважали и любили.

Автомобином, на которой передвигался комбриг по территории части и особенно за её пределами, был небольшой «газик» (или «козёл – как его величали в народе). Летом, естественно, он был открытым, т.е. имел вид, вполне напоминающий американские джипы периода Второй мировой войны, зимой же покрывался брезентовым верхом.

Босый часто менял водителей, которые по тем или иным причинам переставали его устраивать.

И вот как раз в период моего пребывания в бригаде у полковника появился новый водитель – ефрейтор Пётр Дикий. Судя по всему, был он шофёр – отменный, так как перевели его в штабную роту бригады из какого-то иного подразделения, специально по приказу Босого, узнавшего о водительских способностях ефрейтора. А ездил Петя действительно прекрасно: что скорость быстро набрать, что поворот резкий сделать или внезапно затормозить именно там, где надо. Он был чрезвычайно доволен службой и гордился тем, что возит самого «Батю». За «газиком» ухаживал, словно влюблённый за девушкой. Разумеется, иные шофёры бригады, жившие в штабной роте, завидовали ефрейтору, и не только белой завистью...

И вот однажды, когда Пётр гордо вёз начальника территории части по направлению к воротам, какой-то негодяй (думаю, из завистников-водителей), высунувшийся из-за угла одного из помещений, во всё горло заорал: – Гляди, «народ», Дикий Босого повёз!

...Так настал конец армейской водительской карьеры ефрейтора Пети Дикого. Комбриг Босый, очевидно, был напавал сражён неожиданно осознанным неблагозвучным сочетанием двух фамилий...

Вскоре Пётр уехал служить в иное подразделение, а через несколько дней его койку занял новый водитель полковника Босого – рядовой Кузнецов.

Нечто вроде послесловия

Ну вот я и поведал тебе, мой уважаемый читатель, о некоторых случаях из своих армейских будней 70-х годов. Поверь, придуманного в них ничего нет. Именно по этой причине в моих воспоминаниях изменены фамилии некоторых персонажей и не называются полностью населённые пункты Московской и Владимирской областей России, где происходили описанные события. Конечно, за два года службы в ЖДВ СА было много и иных разнообразных ситуаций, в которых я оказался, будучи молодым, а потом старослужащим солдатом. Но решил остановиться лишь на нескольких из них, которые мне самому представляются наиболее заслуживающими внимания.

Что ещё следует добавить к сказанному? Все два года, до увольнения в запас, я так и оставался в гордом звании «рядовой», не заслужив даже «лычки» ефрейтора. Тем не менее на втором году службы, в период работы на трассе, стал «Отличником Советской армии», получив соответствующий воинский знак и запись в военном билете. К слову сказать, обстоятельством я этим гордился, поскольку всё здесь было – законно...

Пожалуй, нужно упомянуть ещё об одной случае. Уезжал я на «дембель» в день, совпавшим с днём моего призыва в армию, 2 декабря 1972 года. Документы на увольнение оформлял в том самом Ш...м батальоне, куда попал после учебного полка и с которым были связаны самыми тяжёлыми мои армейские воспоминания... Помню, иду я по части с дембельским чемоданом, обклеенным всякими переводными «картинками-девушками» (мода такая была). Парадная форма на мне – «с иголочки», на груди – знак «Отличник Советской армии» поблёскивает... И вдруг навстречу – кто вы себе думаете? Мой бывший ротный Бырак. И главное – в тех же капитанских погонах...

– Куда это ты, солдат, вырядился? – строго спросил Бырак.

– Убываю на «дембель», товарищ капитан! – радостно сообщил я бывшему ротному. Косо глянул он на моего «Отличника Советской Армии» и, похоже, снова огорчился чрезвычайно...

20-30 июня 2013 г.

Сергей ЕВИН

Родился в Пензе. Автор книг прозы: «Ледоруб» (роман в двух книгах), «Волчий Пастырь», «Страна трудного счастья» (рассказы), «Кипяток брать будете?!» (очерк нравов и техника выживания в русской зоне), «Тьма на двух ногах», «Кладбище неживших», «Вавилон из ящериц» (дарк-фэнтези в трёх томах), «Молоко Гиены», «Города, не отмеченные на карте» (рассказы), «Лестница Раваны», «Бог воров и бродяг», «Колпак Чикатило», «Костяной Колокол», «Мертвщина» (рассказы), «Подземная Родина» (рассказы), «Крысиное колесо», «Лингвопроказа».

Мёртвая почта

Андрею Пестову

«Пересчитай людей моей земли –
И сколько мёртвых встанет в перекличке».

Н. Тихонов

Он проснулся не от холода, давно пробравшегося сквозь фуфайку и влажное от пота нижнее бельё прямо к сердцу; с холодом он всё равно ничего не мог поделать: остатки спирта допил ещё вчера, последние дрова и уголь сжёг в буржуйке позавчера; холод он пытался обмануть своим безразличным отношением к нему, однако заметил, что стал меньше двигаться, старался больше спать или просто лежать неподвижно, зарывшись телом в тряпки, а головой в неясные, тревожные сны, от которых голова потом долго зудела, как кожа в далёком детстве от крапивных ожогов; несколько обжигавших закрытые глаза холодной тревогой – снов этой ночи, под утро смёрзлись в один, и стоя на этом сосредоточенном сне, как на большой льдине, со следами крови и санных полозьев, со следами босых ног, закиданных старой прелой соломой, льдине в тёмно-жёлтых пятнах; ему было непонятно, откуда тут всё это, хотя, может, осталось от чьих-то чужих снов? Когда-то давно били говяжьими жилами беглого каторжника да гнали за розвальнями босым; позднее здесь прошла военная техника, подтекая соляркой и следуя поставленной боевой задаче; так, на этой, практически используемой, медленно плывущей льдине сна он пересёк чёрную дымящуюся холодом широкую в этом месте реку ночи. И уже, будучи у самого берега, не дожидаясь, пока льдина ткнётся в мёрзлый камень рассвета – побежал по краю её, разбегаясь для прыжка, и лёд громко трескался под ногами и тишина вокруг тоже внезапно начала оглушительно ломаться, острыми, как битое стекло, режущими звуками осыпаясь ему, бегущему, в уши, и вот от этого громкого треска и боли в ушах он и проснулся.

Вечером, дожав спирт, он лихо – головой вперёд, вбурился в середину сваленных в углу почтовых мешков и торопливо заснул и видел длинный, во всю ночь сон: незнакомая девушка зазвала его к себе, в тёмное холодное помещение и начала угощать церковным вином – кагором, он спросил её: кто ты? почему у тебя так темно и холодно? Она молча пожала плечами и вышла, а он осмотрелся и на столе рядом с бутылкой увидел открытую тетрадь. Он сразу её узнал, это был его юношеский дневник. Он посмотрел на исписанную его почерком страницу и сразу понял, кто эта девушка. Шестнадцатилетним пацаном он работал на заводе в ночную смену, помощником у болезненного вида маленькой женщины. Однажды, часа в три ночи, она вдруг повернулась к нему и со слезами на глазах сказала: «Я ведь сейчас секунды на три заснула! И сон видела: доченька моя умершая мне приснилась... Говорит – мама, шубку мою, смотри, не продавай! Я её изношу!.. – А я открыла глаза и плачу: как же ты её износишь, деточка, ведь ты же мёртвая!». Он сочувственно кивнул, а придя домой, записал сон про умершую девочку в свой дневник. Туда он собирал разные поразившие его случаи, мысли, сны, но тетрадь потом пропала при суетливом нервном переезде в военное время. Он сидел в комнате девушки и чего-то ждал, и тут в дверь застучали требовательно и часто. Он открыл щелястую, сочащуюся по низу ледяным ветром дверь. На пороге стоял его бывший начальник Фёдор Яковлевич Гогонов, по слухам – недавно расстрелянный, и сердито смотрел на лежавшую на столе тетрадь. Фёдор Яковлевич быстро вошёл в комнату, схватил тетрадь и, стоя уже на пороге, пролистал её. Покачал головой и поднял указательный палец вверх: «Новое распоряжение поступило от учётно-счётного отдела. Сны необходимо тоже протоколировать и контролировать! Будешь теперь и сны собирать!». Дальше – он уже шагал по коридору, едва поспевая за быстро удаляющимся товарищем Гогоновым и отчаянно выкрикивая в зыбкую, еле видную в пепельном сизом

марева спину начальника: «По какой методике контроля и учёта – сны собирать, Фёдор Яковлевич, где инструкции получить?!». Товарищ Гогонов внезапно остановился, хватил ногой по ближайшей двери и вошёл в комнату. На каменном полу лежала высохшая трёхглазая – с двумя маленькими закрытыми запавшей сморщенной кожей и большим открытым круглым глазом во лбу – татуированная мумия. Товарищ Гогонов склонился над ней и сказал: «Теперь смотри, Пронозин, внимательно. Вот все тебе инструкции – устным секретным спецпакетом в моей наглядной передаче». Фёдор Яковлевич вытряхнул из кармана красные резиновые перчатки, натянул их и ловко просунул два пальца правой руки в глаз на лбу мумии. Пронозин нагнулся, запоминая последовательность движений, и увидел, что во лбу высохшего трупа вовсе не свирепый сумрачный открытый глаз, а понятное, строгое и неотвратимое, как игольное ушко для каната – убойное отверстие, куда давным-давно рухнула жизнь этого густо исколотого человека.

Фёдор Яковлевич долго и с натугой ковырял что-то невидимое пальцами внутри черепа. Потом вынул их, понюхал, весело посмотрел на Пронозина и пару раз ударил ногой по голове мумии. «Подмёрзли, понимаешь», – сказал он и снова вогнал пальцы в дырку во лбу. Затем он торжественно вытащил несколько чёрных зёрен-катышков и показал их Пронозину: «Вот они – мысли, вот они – сны! Готовься, следующим рейсом будешь их собирать». Пронозин не удивился, последним указанием было собирать бутылки с запечатанными в них посланиями, выловленные в реках и морях, вечно бегущей и прячущей все водной стихии. Работа становилась все ответственной и сложней. «Фёдор Яковлевич, – осмелился спросить Пронозин, – а говорят, вас расстреляли?..» – «Допустим, – неожиданно легко согласился Фёдор Яковлевич, – однако дело своё продолжаем дальше делать, а, товарищ?!» Гогонов осмотрел по-хозяйски мумию, выхватил из-за пазухи стальной блестящий нож и воткнул его трупу в пах. С усилием разрезал мочевого пузырь и вынул закаменевшую сферу мочи величиной с гусиное яйцо, всю в бледно-изумрудных солевых прожилках карбоната. С размаху бросил это яйцо о каменный пол и осторожно разгрёб осколки. Поднял мелкий в тёмных пятнышках голубой камешек и важно произнёс: «А это вот наши, русские кристаллы воли! Ничего что в сифилитических язвах... Кристаллы эти пока в разработке, нет ещё по ним полной ясности, но уверен, вскоре тоже будем собирать!» – «А почему они здесь, в мочевом пузыре?» – спросил Пронозин. – «А где же ещё им быть? – удивился Фёдор Яковлевич. – У какого-нибудь Ганса Кафки Зигфрида, да, кристаллы упакованы в гипофизе, да, кровь – лучше, сердце – твёрже, нервы – крепче, но что значит, – глупое, гордое сердце! В мочевом пузыре вся сила, Пронозин, когда ссышь кровью: патроны кончились, гранат нет, но встаёшь и, грозно замахиваясь скрюченным от мороза кулаком – как ледяным молотом, – харкаешь презрительно на фашистский танк! Воля, – Фёдор Яковлевич подкинул на красной ладони тёмно-голубоватый камешек: – русская воля, заключённая в кровавой моче и туберкулёзной мокроте и обеспечила нам победу! Вот так-то...» Товарищ Гогонов вышел и унёс с собой кристалл русской воли и мысли-сны трупа, а тетрадь-дневник вернул, доверительно сказав: «Сожги, советую настоятельно». Пронозин понимающе моргнул глазами и услышал за спиной протяжный, мучительный стон. Он обернулся и увидел встающую с пола мумию. Блатные наколки собирались в пугающие картины с ножами, обвитыми толстыми змеями, яростно коптящими сухую кожу горящими факелами, туго оплетёнными колючей проволокой и оскаленными мордами костлявых пляшущих демонов на дыбачащем трупе. Длинные руки мумии держались за пах, откуда капала под ноги пенящаяся, словно бы горячая кровь. Труп встал и шатко зашагал босыми ногами по хрустящим осколкам своего мочевого пузыря, разбросанным на полу. Губы его начали шевелиться, он что-то силился сказать стоявшему перед ним растерянному человеку, но Пронозин видел только ввёрнутое вовнутрь, страшное своей прогнившей бесконечностью забвенья отверстие во лбу трупа, тащившее его в себя будто клещами, и, развернувшись – побежал прочь, крепко сжимая в руке свой юношеский дневник.

Он бежал, а звук торопящихся тяжёлых ног догонял его, становился всё громче, увесисто-судорожно бился эхом: «На-ледь-лёд-люд!», о деревянные стены коридора и осыпался с них ему на плечи полуночным холодом, который, несмотря на бег – постепенно, начав с сердца и закончив пальцами ног – обесцветил яркую разогретую спиртом кровь, сделал её похожей на ртуть. Звук шагов становился всё громче и громче, и Пронозин понял, он давно уже не спит, а лежит и слушает чьи-то шаги у вагона.

Он начал медленно шевелиться, круговыми движениями рук разваливая на обе стороны от себя мешки с почтой, но они упрямо наваливались снова, откуда-то сверху и осаживали его назад, и тогда он вспомнил про едва початый осьмак чая, лежащий в его дорожном майдане, и добавил остервенения своим откидывающим мешки рукам. Наконец он выбрался в пустое порожняковое пространство вагона и на одереженевших ногах побрёл в тёмный тамбур, где приник к стылому, забранному снаружи мелкой стальной сеткой стеклу в двери. Прижавшись к стеклу губами, он тремя сильными проспиртованными

выдохами пробил серую наледь и затем, дыша часто и коротко – выдыхал маленькое пятнышко, похожее на волчок в тюремной камере.

Его «почтовый-особый» был прицеплен в самом хвосте последним вагоном, и глаз в «волчке» взял под наблюдение сразу всё бесхозное, слабо светящееся отражённым лунным светом поле. Состав стоял, вероятно, вот уже несколько часов на этой молчаливой ночной сибирской равнине, полной сухого, как порох, снега и старого, отсечённого когда-то со звёзд и упавшего на землю тягостной плотью – льда, к которому, видимо, и примёрзла сталь колёс вытянувшегося почти на километр состава. Такое уже бывало в этих краях, рядом со станцией Ерцево; они могли запросто простоять полночи, пропуская вперёд то воинские литерные с северной техникой под брезентом, не терпящие промедления поезда, то шедшие порой косяками – один за другим – эшелоны в сторону колымской низменности, на Воркуту да Инту.

Он оторвался от ставшего мутным зыряка и, расстегнув ширинку, с усилием попрыскал под дверь, а потом еле смог застегнуть пуговицы негнушимися пальцами. Этим же негнушимся набором костей и мороженого мяса он с надеждой похлопал по карману штанов, где должны были лежать спички, и, встретив ответную уверенность коробка, вошёл в сырую глубину вагона. Из своей дорожной изрядно похудевшей торбы он вынул пятидесятиграммовую пачку и почти всю её засадил в пол-литровую кружку. Поставил на буржуйку большой закопченный чайник с водой, налитой ещё в Боготоле семь суток в прошлое, и задумался о растопке. Вскипятить чайник было не на чем. Хотя вокруг него, в вагоне, повсюду было топливо для огня. Бумага. Завалы мешков с «мёртвой почтой». «Мёртвую почту» он собирал вот уже двадцать лет, с тридцать пятого года; месяцами бывало длилась его всесоюзная командировка, где только ни стоял его «почтовый-особый» вагон, ожидая, когда прицепят к проходящему в нужном направлении составу. А свозил её в итоге – в Москву. Дальше «мёртвая почта» шла по ведомству Л.П.Берии, в учётно-счётный отдел при ГУГБ НКВД, откуда её отправляли для разборки и изучения в спецотдел Глеба Ивановича Бокия.

«Мёртвой почтой» – почтовые работники страны называли между собой попадавшие изредка среди прочей корреспонденции письма с непонятными адресами, например, в несуществующие в СССР города, или же письма, адресованные давно умершим людям, или, более того, письма не значившимся в паспортных столах людям, а то и вообще – никогда не жившим. Работники крематориев в крупных городах тоже добавили свою толику писем: они неоднократно видели, как некоторые родственники сжигаемого тела вкладывали напоследок в гроб, чуть ли не в руки мертвеца, какие-то почтовые отправления. После оперативного сигнала в органы – оттуда поступило указание изымать из рук сжигаемых мертвецов корреспонденцию. Органы подозревали, что в этих письмах – хула и жалобы Богу на власть.

Все долгие глухие годы железнодорожных скитаний по подводным путям начальник «почтового-особого» относился к своему бумажному грузу ответственно. Тогда так – о т в е т с т в е н н о – ко всему в стране относились: от алфавита и правил хождения людей по тротуарам до поведения в бою. Но когда умер Отец, всё переменялось в худшую сторону. Напрочь исчезла ответственность. Это он видел прежде всего на примере своего груза: если раньше «мёртвую почту» у него принимали с каменным лицом, под роспись, то сейчас приёмщик раскрывал загодя в улыбке гнилозубый хохотальник и громко, наплевав на секретность, кричал: «Привет, Проноза! Смотрите, помощник смерти пришёл! Ну, сколько «мёртвых» мешков привёз?!» А получив в руки мешок с бутылками, внутри которых были разные неизвестного содержания записки, поднял его и засмеялся: «Ты ещё и посуду приволок! Вот это кипятилок! Чичи-гага! Татим всё, что не прибито!».

А в последний раз приёмщик просто схватил его за руку и остановил словами: «У внутрь не заноси вовсе. Сразу пожгу. Погода позволяет». – «Как жечь?!» – осунувшееся в дороге лицо начальника «почтового-особого» посуровело. – «А так и жечь. А что ещё с непонятно кому нужной бумагой можно делать?» – простодушно кривил ряху улыбкой приёмщик. – «Раньше, конечно, эти головастики-мрачнецы геморройные, психофизики-моргачи, голова босиком, в кабинетах кумекали, что со всей этой трёхнутой тоской людской делать, но как Лаврентия Палыча не стало, так и весь его «спецотдел» и другие затеи накрылись медным тазом!» – злобно сплюнул приёмщик. – «Инструкции мы новые получили. Не до почты твоей... Да оно, может, и к лучшему, вон, братальник мой, он, конечно, изменник, власовец, «Восточной звездой» к тому же награждённый, что, ясно, только усугубляет, но всё же – братан... Письмо, говорю, пришло: живой он! После десяти лет лагеря! Живой! Пишет, что раз в год посылал домой весточку, а где все эти десять писем?! Может, у тебя, Проноза, в мешках твоих были... Может, конечно, и у кого другого, в деле подшиты... Но теперь по грузу твоему новое указание получено – жечь по поступлении... Ты вот, положительно, месяцами по всей стране мантулишь, голодуешь порой, но делу верен, собираешь, как

приказали когда-то... А я всё, что ты за три месяца собрал, – теперь пожгу за три часа! Сегодня жечь буду. На задворках пакгауза. Да недолго и тебе осталось. Думаю, сократят должность твою скоро. Ты куда приписан-то?» В нагрудном кармане начальника «почтового-особого» лежала справка, выданная народным комиссариатом обороны о зачислении его в конвойный полк, относящийся к управлению шоссейных и железнодорожных дорог НКВД. – «А с бутылками что будешь делать? – сухо спросил он приёмщика, брата власовца. – «Побью, натурально, побью!» – заржал приёмщик.

Вечером он пришёл к пакгаузу. Большой металлический бак был полон остывающей золы, в которой темнело битое бутылочное стекло. Когда он медленно проходил мимо всегда молчавшего репродуктора, тот внезапно захрипел ему вслед песню: «Мы отцовскому долгу верны – сыновья не пришедших с войны...» От неожиданного этого хрипа он вздрогнул, поднял голову вверх и долго глядел на прибитый под репродуктором выцветший, перекособоченный от времени и дождей плакат с едва читаемой надписью: «Могила Ленина – колыбель челове...».

После этого случая у пакгауза он долго приходил в себя. И спасло его – рождение сына. Заботы навалились и заняли всё предназначенное для раздумий время, отменили любопытство, добавили хмури и недосыпа. Сын быстро рос – вытягивался в молчаливую, объяснявшуюся только на языке странных жестов длину; он мог подолгу глядеть на висевшую над кроватью журнальную репродукцию картины «Героический бой канонерской лодки «Ваня-коммунист» с белогвардейской флотилией на реке Кама под Пьяным Бором»; на своё имя – Георгий, не отзывался, словно давал понять, что оно – бесполезная, преждевременная, несогласованная с ним выдумка родителей. Но они всё равно продолжали упрямо и медленно произносить его, преследуя свою, явно чуждую сыну цель. Непринятое имя, как мёртвая рыба, безжизненно болталось на поверхности горьких родительских разговоров, а сын терпеливо и безучастно наблюдал за ним и ждал, когда оно утонет. И однажды отец не выдержал и спросил, глядя в жестокие глаза сына: «Тогда скажи сам, как тебя зовут?», и сын, будто давно ожидал этого вопроса, тут же ответил: «Саша». И снова замолчал.

Но однажды жена, встречая, прямо на пороге радостно закричала: «Заговорил, о тебе спрашивал!» – «Что спрашивал?» – растерялся он. – «Кем папа работает, спрашивал, я сказала, – начальником почтового вагона...» – «Почтового особо специального», – поправил он, а жена продолжала: «...и тогда он письмо тебе написал! Правда, с адресом начудил, написал «Папе», и всё. Да ещё спросил у меня, папа точно письмо получит? А как же, говорю, ведь он – начальник почтового вагона!». – «Где письмо, где?» – закрутил он головой. – «Мы пошли за хлебом, и он сам его в почтовый ящик бросил! Достает!» – гордо выделила рост сына жена.

Но рождение омрачённого молчанием сына, как оказалось, лишь добавило начальнику «почтового-особого» внутреннего сиротства; ночью, во сне, он часто озирался, будто искал кого-то, потерянного то ли в прошлом, то ли в будущем. А днём он иногда начинал судорожно чиститься, ему казалось, будто лопнул какой-то гигантский гнойник и заражённая злобой слизь потекла наружу, пятная прошедшее время и прожитую жизнь; и наравне со временем что-то лопнуло в нём самом...

Везде, и снаружи и внутри, всё стало одинаково н е п р о ч н о. Что-то казавшееся надёжным и прочным нараз разваливалось, стоило лишь дрыгнуть головой в нужном направлении лысому оратору с трибуны, открывая постыдную правду ненужности и несоответствия времени – людей, делавших когда-то казавшимися важными дела. Вот и почтово-бумажное сырьё, которое он исправно подвозил для укрепления фундамента власти, в чём он был уверен, теперь оказывалось никому не нужной золой на задворках пакгауза. Да и само время, пропитанное студенистой слизью новых противоречивых указаний, часто не выдерживало разрушающей его нагрузки, рвалось, и многие выпадали из него, проваливаясь во внерассудочную жизнь.

Он дёрнул посильнее, и гнилые нитки мешка, сданного ему на станции Сарепта, судя по бирке, – легко разошлись. Он зачерпнул рукой из мешка письма и забросил их в зев печи. Он черпал и забрасывал, черпал и забрасывал, утрамбовывая бумагу кулаком. В результате вошёл почти весь мешок, лишь несколько писем упало. Он вытянул из кармана коробок, чиркнул спичкой, и – сам – поджёг «мёртвую почту»!

«Понятно ли, во имя чего трудишься, человек? – спросил его однажды крепко выпивший товарищ Гогонов, когда они обмывали в сорок пятом награждение Пронозина знаком «Заслуженный работник НКВД» (за то, что в слепом улове писем, сданных им в сорок первом, оказались три поминальных открытки сорок третьего года с именами немецких гефрайтеров, погибших в Сталинграде). И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Во имя порядка, установленного здесь Отцом. Хаос с изнанки мира рвётся сюда,

к нам. Этот бес-порядок атакует со всех направлений: из якобы случайных, не поддающихся логике совпадений, из безудержных, пропитанных горечью несбывшегося – «а могло бы быть иначе» – снов, из тюремных, открытых до срока исправления камер, из мечтаний подвальной крысы о крыльях, да что там, уже и из родильных домов! Из этого бесконтрольного хаоса прорываются полулюди, жившие до этого в абсцессах времени скрыто, будто сухарящиеся вши на швах зековской робы. У существ этих одна цель – убить Отца. Любым способом. А чекистская наша задача, Пронозин, бля, она тяжелее, чем у того сфинкса! Проверять появляющиеся в мире существа и предметы на соответствие, подобие и лояльность Отцу. Не допустить, чтобы иудин дым предательства выел глаза нашим детям! Вот и твоя работа с неучтёнными письмами, тихой сапой подплывающими из небытия в нашу реальность – дело большой политической важности! Помни это всегда! Вскрытие абсцесса времени, – подчеркнул он рубящим движением руки, – требует только хирургического вмешательства!».

Так когда-то говорил товарищ Гогонов. Но что он сказал за секунды до расстрела, ловя бритым затылком рыскающую пулю, изготовленную хаосом из чёрного человеколюбивого металла; что говорил он, вглядываясь с подозрительным прищуром в убивающие его новые времена глазами цвета заплесневелого серого хлеба? – Не удержали плацдарм? Или их дело всегда было зряшным: Отцу никто, никогда не угрожал, и нет никакой губительной, парализующей изнанки у нашего мира, а есть только одна жизнь – сначала живая, а потом – мёртвая, подлежащая сожжению, как вот эта почта?

Письма загорелись сразу, пламя шустро перебегало с одного конверта на другой. Он поднял упавшие письма и стал разглядывать их перед тем, как сжечь. На одном из конвертов пляшущие дрожащие буквы старческого почерка складывались в строчку-адрес: «Поручику Тенгинского полка», – этот ветхий конверт он бросил в огонь не задумываясь; на другом было написано – «В город Китеж», и он упал в печку; на третьем вместо адреса было крупно: «Письмо-счастье». Этот конверт он вскрыл и начал читать нечёткую машинопись: «Само письмо-оригинал находится в городе Манопелло. Это копия. С получением письма его надо послать дальше, даже если вы не верите в счастье из параллельных миров. Сейчас всё в ваших руках. Отправьте письмо, и вы благополучно доживёте до глубокой старости, но если...» Он втянул в себя холодный воздух и, с силой смяв бумагу, отправил письмо в печку. Всегда он делал свою работу не размышляя, что в мешках, какие письма, и сейчас убедился, что не стоило ему их читать... Он смотрел на следующий конверт в его руках. Конверт был сложен знакомым военным треугольником, но вот только треугольник этот был из какой-то жёсткой серебристой бумаги. Вместо адреса стояли непонятные значки, цифры. Он хрустнул треугольником и обнаружил внутри русский текст: «Привет хозяйка губ своих и плеч! Шлю тебе письмишко в стиле ретро, как прадеды мои писали с Великой Отечественной. А моё тебе с фронтов Третьей мировой. Устраивайся поудобнее, я расскажу тебе, как ревет в небе мой «русс-фанер» – ракетоплан «Василиск», и как от его мертвящего (хисатс!) дыхания, небо кипит, словно ртуть в адском градуснике! Как падает вниз сбитый мною хваленый арабский «Сирруш», разваливаясь на три составные части, и дымный шлейф его выводит в небе напоследок мне проклятие: «Аузубилляхминашшайтани!», а радуга от разрывов висит над городом, как мост Ал-Сират, и вот уже по нему пошли, оскальзываясь в геенну и джаханнам, первые обугленные тени сожжённых марабутов и чучас...

А внизу, подо мной – целая секунда Ада! Это чистит теперь не а в с е г д а нашу землю – выжигалка «Буратино», а ракетная система «Гармонь Сталина» рвёт, растягивает пространство, решительно и открыто поёт русскую духовную песнь о всепоглощающей любви к человекам и загадочной, всепостигающей нашей душе – наигрывая своими каскадными залпами попеременно: «Славянский марш», «Сербскую фантазию», а то и «Петрушку» – и эта честная русская победная музыка освобождает неблагодарную гневную плоть восставших раکشасов ото лжи и греха, а все их «летающие колесницы» просто стекают с неба жидкой магмой к той середине мира, где всё сходится! Шурави вернулись! Наш Император снова собирает Русскую Империю, и мы, его солдаты, верим в правду «окопного капитана», давно сказавшего, что «лучше гибели невесты не найти!» Ждёшь ли Ты меня, девочка-недотрога?! Мне сверху видно всё, ты так и знай! Но вот прозвучала козырная фраза: «Полковник Нюк укололся!», – и в небе появился африканский ракетососец «Газурмах», и воздух тотчас загудел от криков – «Джеронимо!» Это пошёл вниз десант янки. Америкосы наконец-то поняли, с кем делить мир пополам. А высоко-высоко в колоземице парит боевой космический крейсер «Улликум», и после нас он накормит оставшихся недобитых кракенов десертом из плодов дерева Заккум, что растёт в ихнем адском саду! Ну, на этом круглю. До встречи, Твой киберкровник, вирус сербской мести – «Руски Хрт».

Он долго, прежде чем бросить в огонь, держал в руке этот серебристый листок. И думал, что зря тогда Отец остановил в Берлине победоносную русскую лаву.

Последнее письмо в его руках было сильно помятым. В графе от кого – наискосок было: Ряцинский детский дом, от Саши Живцова. В графе – кому, – написано лишь одно слово печатными буквами: ПАПЕ. Он напоролся на это слово, как на гвоздь, торчащий из доски, и, спешно надорвав конверт, вынул и прочёл исписанный детским почерком тетрадный листок. – «Здравствуй, Пап! Как у тебя дела? У меня всё хорошо. Знаешь, Пап, ко мне приезжала мама, всё хорошо. У нас в приюте все живут по группам: мальчишки, девчонки и малыши. Там мы ходим в школу. Знаешь, Пап, мне тут скучно без тебя. А мама приезжала ко мне всего один раз. Знаешь, Пап, мне снилось три сна. В первом – мы: ты, мама и я – вместе делали пельмени. Во втором, как будто ты зарезал маму, и я тебе говорю: Пап, зачем ты зарезал маму, а ты говоришь, да пускай, и мы с тобой ушли, и всё. А третий сон снился, будто тебя выпустили из тюрьмы, а потом к нам в приют приходят два милиционера, и я так, спрашиваю, а что моего папу выпустили, а они такие, говорят, да, только тише. Ну, вот и все мои сны. Знаешь, Пап, мне мама сказала, что ты от меня отказался. Я всё равно тебя люблю, только вспоминай меня, и всё будет хорошо. Только не переживай, Пап. Ты не расстраивайся, и всё будет хорошо. Ну, давай, пока, пиши мне и не забывай про меня».

Он бросил письмо в жерло топки, и неожиданно состав резко дёрнуло; эшелон потянулся, расходясь, и тут в тамбурную дверь отчаянно, с криком застучали. Крик был надрывный, оглушающий:

– Парняга! Служивый! Пусты в теплоту! Зусман долбит! Обмороженный я!

За дверью кто-то скрёбся, бился о неё телом.

Он молча, сжимая в кармане стальной трёхгранный ключ «выдру», подошёл к двери тамбура и остановился. За дверью кто-то загнанно дышал.

«На тебя наша последняя надежда, Пронозин, – услышал он голос товарища Гогонова, – вот они, те, про кого я говорил, помнишь? Рвутся с изнанки... Держись стойко! Не дрожи!». – «Это я от холода, Фёдор Яклич», – вслух сказал он и прижался к стеклу, сясь рассмотреть враждебную темноту за дверью.

Тот снаружи услышал его голос.

– Старшой! Живой я! Впусти! У меня пиздюк в детдоме. К нему бегу!

Эшелон набрал ход, и крик за дверью оборвался воем:

– А-аа! Бесаявая нелюдь! Падаю! Ну, пусть же! А-аа!..

Смачно чавкнувший набрызг крови на стекло заставил его резко отшатнуться от двери, но наступившая затем тишина, лишённая чужого дыхания, – укрепила его, и он, вытерев влажные руки о штаны, пошёл туда, где в удалении выкипал чайник.

* * *

Привокзальный милиционер железнодорожной станции Канаевка Пензенской области – сержант Трухмаев, пил горячий чай и смотрел в окно, залитое дождевой водой. За окном мелькали темно-зелёные вагоны притормаживавшей электрички, обычно здесь никогда не останавливавшейся, и почему-то надсадно-раздражающе выл её гудок.

Минут через пять в дверь дежурки забарабанили:

– Сержант! На переезде машину замяло электровозом! Заглохла, встала на путях, а тут...

Трухмаев, выбегая, сбил дверью с ног тщедушного мужичка и быстро рванул к переезду.

– Да там водила наглушняк! Не торопись! – обиженно закричал ему вслед мужичок.

У покореженного «Москвича» толпился народ, расступившийся при виде сержанта. Стекла машины побились, и голова водителя вся в крови, свесилась из бокового окна.

– Доктора бы надо, – растерянно сказала из толпы женщина.

Трухмаев, сердито сопя, дёргал ручку двери. Дверь неохотно поддалась. Водитель вывалился под ноги сержанта.

– Я доктор, – сказал подошедший мужчина, – правда, психиатр.

Сержант показал ему взглядом на продавленную грудную клетку водителя и начал шарить по карманам мёртвеца, ища документы.

– Доктор не нужен, – сквозь зубы произнёс он, окровавленными руками раскрывая паспорт погибшего.

– Георгий Пронозин, из Москвы, интересно, какого его сюда занесло в моё дежурство... – покачал головой милиционер.

– Простите, сержант, как фамилия человека? – заинтересованно спросил стоявший рядом доктор.

– Пронозин, – повторил Трухмаев и присел на корточки – смывать кровь с рук водой, скопившейся между шпал.

– А вам-то зачем, доктор? – поинтересовался он, стряхивая капли воды и вытирая руки о пиджак

мертвеца.

– Я ехал этой электричкой на работу. Как уже говорил, работаю психиатром в Пензенском стационаре. Александр Живцов меня зовут, так вот, у меня там старичок-пациент есть с такой фамилией. Вялотекущая шизофрения у дедушки, отягощённая синдромом капюшона, ожиданием Третьей мировой войны... И навязчивой идеей получения важного письма от сына... В общем, профессиональная деформация личности, поскольку он долгое время работал каким-то секретным почтальоном... Так вот я подумал, может, это его сын и он ехал к своему отцу, моему пациенту...

– Капюшон, – повторил сержант, – да, накрыть его надо, пока труповозка едет. Сходите кто-нибудь, поищите какую-нибудь дерюгу! – зло крикнул он в толпу.

Толпа немедленно начала расходиться, потянувшись к автобусной остановке. Сержант сплюнул и пошёл в сторону станции. Доктор Живцов задумчиво смотрел на разбитую голову водителя. Затем вдруг щёлкнул пальцами и побежал к автобусу. Добравшись до стационара, он заперся в кабинете и раскрыл больничное дело Пронозина. Галоперидоловая терапия, инсулин, ничего не помогло, пациент навязчиво ждёт письмо от сына. Глаза доктора хитро блеснули: что же, будет ему письмо, есть такой метод в современной психиатрии – шоковая терапия! Нужно написать что-то лёгкое, оптимистическое, что поможет старику набрать воздуха в сморщенные лёгкие... Доктор намеревался растворить в письме каплю надежды, словно кусок рафинада в горячем кипятке... Да ведь однажды он уже писал такое письмо...

Доктор вырвал листочек из тетради, сильно смял его, затем разгладил и начал: «Здравствуй, Пап! Как у тебя дела? У меня всё хорошо...»

Написав письмо, он вышел из кабинета, дошёл до палаты, где содержался старик, заглянул внутрь, увидел Пронозина, усиленно трущего правый глаз, в котором постоянно лопались кровеносные сосуды, и глаз всё время был залитый кровью.

Войдя в палату, он бодро начал:

– Пронозин, а вам письмо пришло долгожданное! Но я вижу, у вас снова глаз красный, сможете ли прочитать сами или лучше позвать санитарку?

Старик дрожащей рукой взял письмо и, заплакав, затряс головой:

– Не надо... Сам, сам...

Придя утром на работу, доктор Живцов от медсестры узнал, что пациент Пронозин – умер час назад. Медсестра протянула доктору конверт.

– Вот это было в его руке.

Доктор забрал письмо, заляпанное подсохшими красными отпечатками пальцев. Прошёл в палату. Посмотрел в тёмное, уже нелюдимое лицо Пронозина и засунул конверт во внутренний карман, прямо под щит и меч знака «Заслуженный работник НКВД» на старом френче. У доктора Живцова вдруг появилась сумасшедшая уверенность, что мёртвый почтальон сможет доставить это письмо его сгинувшему в сибирском лагере отцу. Они обязательно должны встретиться в некогда святой и грозной, а теперь уже дарованной им навечно, земле.

Ведь только они – мёртвые – несмущённо наследуют её.

Страна трудного счастья

Памяти Олега Хандуся

В один из прекрасных дней этого жаркого лета я отложил в сторону надоевшую книжку из серии «Пламенные революционеры секса», рассказывавшую о поучительном занозистом пути боевой хохочущей саламандры сексомагии – Эдди Лимоноффе, и вышел на улицу с желанием наконец-то устроиться на работу.

Стенд службы трудоустройства висел на углу улицы имени Радио Люксембург. Я подошёл к нему и внимательно просмотрел все объявления. Некоторые, правда, прочитать не удалось, вывешены они были давно, и со временем бумага покорибилась, объявления свернулись в кокон – тугой и бледный; ну а на остальных было: спичечная фабрика приглашала девушек работать спичкоукладчицами, макаронной фабрике требовались фасовщицы, организации «Бочкотара» был срочно нужен укупорщик вручную.

Туда я и поехал. А чтобы не скучать в дороге, купил в газетном киоске «Красную звезду». Пока ехал автобус до нужной остановки, я просмотрел газету. Много места в ней занимала статья, критиковавшая недостаточную разработку военно-патриотической темы в школьном букваре: «О ракетах стратегического назначения в букваре ничего не говорится, – возмущался автор, – а ведь это главная ударная сила нашей армии!»

Организация «Бочкотара» находилась на окраине города, сразу за полуразрушенным бывшим женским монастырём – теперешним складом горюче-смазочных материалов. Я шёл мимо старых, уходивших в землю домов; шёл, поглядывая по сторонам, замечая то тут, то там – пристроенную разными способами бочкотару – ящики из-под марокканских апельсинов, уложенные заботливой и аккуратной рукой; из бочкотары были дворовые столы и двери на сортирах, скамеечки для сиделок и собачьи будки; по всему было видно: с бочкотарой работали настоящие мастера. Я шёл поучиться у них мастерству уку-порки и складирования, шёл посмотреть на их не заемный, никем не пережёванный опыт жизни, познать всю натурфилософию их недвусмысленного существования в среде профвзносов и плодово-ягодных бутылочек. Я надеялся разобраться легко и правильно.

Старорежимной напряжённой кирпичной кладки здание с узкими стрельчатыми окнами – бывшая частная балетная школа, где в далёком критическом прошлом – большие залы, блестящие глубокие зеркала. С приходом новых энергетически пропитанных времён всё было перестроено в отдельные номера, новых акробатов стали звать – мадам, пока внезапно не высохли и обмелели зеркала. Тогда номера превратили в кабинеты, в них повесили один и тот же портрет. Надолго здесь поселилась организация, ничего не хотевшая иметь общего с недавним прошлым, кроме, понятно, здания.

Я поднимался по чисто выметённой лестнице с продавленными как старый диван ступеньками, хранившими в своей памяти эхо множества шагов: помнили они упругие пуанты балерин? Сбитые каблуки чёрных лодочек мадам-с? Лакированные туфли всяких прощелыг и перерожденцев? Растоптанные казённые сапоги курьеров? Шаркающие подошвы несправедливо обиженных?.. Может, и помнили, но это была немногословная память...

Среднего роста лысоватый человек с набухшим дремотным лицом встретил меня в отделе кадров. Я сказал ему всё, что хотел и, ожидая ответа, оглядел стены кабинета. На них висели графики грузооборота и перевозок, разные инструкции в чёрных рамках, огнетушитель, плакат, клеймивший многожёнство, и репродукция картины «Всюду жизнь».

– Ну что, – сказал начальник отдела кадров, глядя на меня, – давайте ваши бумаги, люди нам нужны. Я не знал, что делать, документов-то с собой не было.

– Смелее, – сказал начальник, – смелее, что там у вас в руке, давайте сюда!

И я протянул ему газету.

– Та-а-а-к, – довольно сказал он, – что тут... Ага, «звёздочка»! Хорошо, хорошо, – приговаривал он, разворачивая и переворачивая газету.

– Я, признаться, тоже люблю «звёздочку», хочу вот статью им послать, на днях написал... Тема нужная, социально острая: «Необходимость войск ситуационного контроля для улучшения управления центральным округом». Да, знаю, что интересно, но немного ещё нужно поработать...

Я рискнул его перебить:

– Кстати, о моей работе...

– Да, – кивнул он, – пойдёшь в цех, спустишься в подвал, там – Укупорка на Крайний Север. Туда и требовался человек. Ну а на месте тебе всё покажут. Возьми газету.

Спустившись на первый этаж, я через внутреннюю дверь попал на территорию организации. Начинаясь сразу за дверью и уходила в горизонт широкая бесконечная аллея передовиков производства. На аллее не было ни души. Жёлтый сухой песок скрипел под ногами, кусты шиповника, ровные и подстриженные в начале, через несколько метров поднялись, разбросали ветки в стороны, росли дико и нетронуто. Песок постепенно терял желтизну, становился серым, нога тонула в нём по щиколотку. Через шаг я погрузился в него по колено. Здесь он был свинцово серым и неприятно пахивал. Я вытащил ногу, но другая поехала вниз, я не удержался и упал, правая рука ушла в песок по локоть, пальцы наткнулись на что-то. Я выдернул находку – это была пустая бутылка из-под вина «Анапа Рислинг». Я повертел её, поскрёб ногтем бледную, поеденную временем этикетку: древний исчезнувший сорт! Прощальный привет с пирушки отцов, с чем сравнить тебя нам, несолоно хлебавшим...

Я забросил бутылку в кусты и пошёл дальше, приспособляясь к песку и напевая слышанную когда-то песенку: «Споём дружной о счастье наших дней!», – и с этой песенкой шёл и шёл по аллее, пока не споткнулся. Чертыхнувшись, присел, разгрёб руками песок: я споткнулся о рельс, притопленный в песке, ржавый и мёртвый.

Я поднял глаза и увидел далеко стоящий эшелон, почти на линии горизонта. От сильного напряжения в глазах пропала чёткость, но я видел, что словно бы порывы шквалистого ветра раскатывали в разные стороны вагоны – один за другим, и через минуту всё было кончено: очистилась до голубизны безоблач-

ного неба перспектива, и только одна тёмная точка тревожила зрачок – она надвигалась, наливаясь силой и быстро увеличиваясь в размерах – катящийся по рельсам вагон стремительно сближался со мной. Я отпрыгнул в сторону от предполагаемой колеи, и вовремя: он ходко прошёл мимо, угрюмый и наглухо закрытый. Я проводил его взглядом и всё же не уловил мига, когда он сошёл с рельсов. Облако песочной пыли закрыло его, заглушило скрежет стали колёс о песок.

Когда же оно улеглось, скособоченный вагон давно и плотно стоял в песке. И я лишь скользнул взглядом по надписи мелом на его боку: «Fiambres»¹. Я потерял к нему интерес. Меня манила очищенная перспектива и стук молотков, хлесткий и злой. Стук был внутри открывшейся перспективы, в центре её виднелось здание из плит, около которого громоздились готовые к отправке контейнеры.

Не успел я осмотреться, как из цеха выбежали три мужика в одинаковых бледно-синих рабочих комбинезонах с выцветшим набитым большими буквами трафаретом «Hudsucker Ind.» и, громко матерясь, засуетились, тщательно стараясь поднять жестяный ящик с надписью «Шурави марг»².

– Эй, давай помогай, чего стоишь! – вдруг заорал мне один из мужиков.

Но едва я взялся за ящик, они, как по команде, бросили его, закурили сигареты и, встав в кружок, начали обсуждение какой-то телесерии. С телесерии они перешли на баб. Один похвалился несомненным достоинством новой подруги, показывая размеры её жопы тем способом, каким обыкновенно рыбаки показывают размеры пойманной рыбы; другой говорил о непреходящей ценности шаров, вживлённых ему в армии; третий обновил эту тему историей про соседа, недавно вернувшегося с глухой сибирской зоны и из балоства приживившего там себе мышинные уши на «это дело», сейчас, мол, все б... города пишутся к нему в очередь, уши эти к тому же ещё и шевелятся там... Мужики засмеялись, а я, оставив неподъёмный ящик в покое, прошёл в цех.

Цех был заставлен пустыми контейнерами, бочкотара валялась под ногами, а то, что ранее казалось стуком молотков, на деле было стуком костяшек домино. Играла вся бригада: одни наблюдали за игрой, другие, те, что на кону – бросали хвастливые фразы: «Не с кем сыграть, нет в цеху игроков!», но как только они проигрывали, так сразу начинали укоризненно пенять друг другу: «Как же ты не дал конца? – А ты зачем четыре пусто поставил? Поторопился ты четыре пусто поставить!..» Играли они, конечно, виртуозно, за много ходов вперёд просчитывая варианты, выбирая оглушительный верняк, и кончали с тремя на руках, кладя фишку к фишке так, как каменщик кладет, притирая, кирпич к кирпичу.

– У тебя что ли «Прима Ностальгия»? – неожиданно обратился ко мне один из игроков.

Я покачал головой:

– Не курю, – и спросил его: – Как пройти на Укупорку?

– Это по лестнице вниз, в подвал, – сказал он, катая пальцами сигарету, протянутую ему соседом, и закричал, вникая снова в игру: «Голым, голым кончай!»

В углу цеха, рядом с бумажными мешками, набитыми мусором, был вход в подвал: в бетонном полу зиял провал с торчащей арматурой и круто уходящей в темноту сомнительной лестницей.

Я начал спускаться, лестница расслабленно закрипела, от громкого хохота я вздрогнул, нога промахнулась мимо перекладины («голым, голым кончил!»), и я чуть не слетел вниз, но удержался и продолжил осторожный спуск.

Тусклая лампочка горела перед дверью с надписью: «Укупорка на Крайний Север». Я облегчённо вздохнул и открыл дверь. Огромный, плохо освещённый подвал напоминал вздувшуюся от ботулизма банку; сквозь него, по центру, тянулась провисшая широкая лента конвейера, она тихонько волоклась куда-то в темноту. Тёплая большая капля воды упала мне на лицо. Я посмотрел вверх: где-то там проходили еле видимые огромные проржавевшие трубы. Единственная яркая лампочка горела над столом, за которым играла бригада укупорщиков. Несколько человек шумели на весь подвал; стук костяшек домино и громкий разговор подвели меня к столу. «Что же ты, махновец, невкипишь, пусто четыре поставил! – сокрушался один из игроков. – Что же ты наделал! Как теперь рыбу делать?!»

Спорили за столом и на более отвлечённые от игры темы. Так, молодой укупорщик горячо убеждал своего старого и седого товарища в том, что некая Люська-контролёрша – целка. Старый был настроен более скептически и недоверчиво качал головой, толкуя про какое-то ведро, пролетающее где-то со свистом.

Я представился мужику с повязкой на левой руке – «Бригадир». Он сдержанно кивнул и после нескольких минут сосредоточенной игры сказал, что если есть вопросы, я могу ему их задать.

¹ «Fiambres» – (исп.) – здесь: пушечное мясо.

² «Шурави марг» – (афган.) – русский мёртв.

– Откуда берётся груз для укупорки? – спросил я бригадира, подсчитывавшего очки у партнёров.

– У нас он уже на ленте, а кто его ставит... Да брось ты! – закричал он. – У вас двадцать семь, чё ты дупль-то прячешь?! У нас двадцать три... Да зачем тебе это знать, лишнее это, присаживайся, отдыхай пока. Я присел на деревянную скамейку, достал из кармана газету, купленную утром. Сидевший рядом пожилой укупорщик покосился и сказал:

– У меня тоже есть газета.

Он вынул откуда-то из-за пазухи свою газету и, читая, громко выражал одобрение написанному:

– А вот, мужики, статья «Торговцы кровью», а вот – «Планы мировой войны», да, сильно нынче пишут в газетах!

Я посмотрел на его газету – она была грязно-жёлтая, как песок на аллее передовиков, и сильно мятая, возможно, от тщательного чтения.

Мужик вслух прочитал стихи, заканчивающиеся строчкой: «Но звери попали в капканы Ежова!». Я попросил у него газету. Он предложил поменяться:

– Дай-ка мне свою, а ты мою возьми, на!

И мы обменялись газетами. Его газетой была «Правда» за тридцать седьмой год.

На ленте конвейера стояло несколько больших ящиков, открытых сверху. Двое проигравших нехотя встали и пошли к конвейеру. Я за ними. Мы взяли молотки, влезли на ленту, я заглянул в ящик – он доверху был набит школьными тетрадками. Я перевернул верхний слой тетрадок, они все были надписаны: фамилия, имя, класс, школа, город. Раскрыв одну, я понял, – это сочинение по книге президента. Взял другую – там было то же самое.

Укупорщики быстро заколотили ящики, повесили какие-то бирки. Лента шла пустая, и они, спрыгнув с неё, ринулись к столу. Но я увидел ещё один ящик, выплывавший из темноты. Я крикнул им. Они мне в ответ: сам давай, делай красиво, учись!

Я был деловит и собран, всё делал, как они, и получалось неплохо. Увидел сбоку дыру, прикрытую старой мешковиной, потянул сгнившую мешковину, она лопнула, и из дыры вывернулась загорелая мускулистая рука с чёрными вздутыми венами и наколкой на бицепсе: «Склонен к побегу».

За столом мой рассказ выслушали спокойно. Поднялся один – посмотреть. Рука висела, слегка подрагивая и покачиваясь. Укупорщик прочитал наколку, покачал головой и забросил руку обратно в ящик. Забил дыру. Постоял, подумал и добавил пару гвоздей-соток. Он не уходил, шла партия ящиков, и вот уже все укупорщики слаженно возились с ними. У меня дрожали руки, я не решался брать молоток, но меня позвали.

– Иди сюда, – сказал бригадир, – подавай мне доски, мы в раз всё оформим!

Я с опаской посмотрел, ну а что в этом? В этом были рулоны ватмана, чертежи, толстые папки с документами. Я взял первую попавшуюся папку, развязал тесёмки и, подумав, что это, пожалуй, диссертация какая-то, листанул наугад страницы, наткнулся на «Приложение», там значилось: военные карты и карты Таро Тота, географические карты СССР и США, Японии и Китая, докладные записки разных институтов, протоколы закрытых заседаний депутатских групп, годовые подписки журнала «Партийная архитектура», ноты симфонии «Vae Solis». Я пролистал дальше и нашёл название этого труда: «Щупальца Кальмара», ниже было пояснение – «План тайного и внезапного переноса нашего строя на их материально-техническую базу». Мне захотелось подробнее ознакомиться с этим трудом, но жёстко акцентированный голос бригадира вернул меня на ленту конвейера.

– Посмотрел? – спросил он, недобро щурясь. – Теперь иди вон туда и жди меня, поговорим о ненужном твоём любопытстве и о секретности в работе.

Я стоял и ждал его. Ему оставалось сделать десятка два шагов, но поговорить нам не удалось. Поток воды обрушился на нас. Стеклопанель проливного ливня, настолько густого и плотного, что я увидел в нём своё растерянное отражение, – разделила нас. Откуда-то слышались слабые крики и пропажи. Я заметался, потерял ориентировку и сунулся, спасаясь от дождя, в ящик, стоявший на конвейере. Пока влазил, заметил, что лента движется. В ящике было сухо, сквозь доски протекала вода, но незначительно. Я лежал на чём-то ворсистом, надёжном. Оказалось, на солдатской шинели. «Вот, кстати, – подумал я, – вымок, насквозь вымок...» Я надел шинель и сразу стало хорошо, тепло... На какое-то время я забылся, а очнулся, когда услышал характерный перестук колёс поезда, идущего по железке. Подбирая полы шинели, я вылез из ящика и оказался в сумрачном помещении. Это был вагон. Я бросился к дверям, ломанул их плечом, но они были закрыты наглухо. Хотелось плакать. Я сел на пол, всхлипнул и услышал негромкий голос:

– Ну что ты, браток? Ничё... Всё будет хорошо, не грусти.

Глаза привыкли к сумраку вагона, и я увидел их. Несколько человек в шинелях, на нарах, в глубине вагона. Один из них снова приободрил меня, посоветовал застегнуть шинель. Чьи-то руки опустили к моим ногам плотно набитый сидор.

– Вот и порядок, – сказал тот, негромким, похожим на отцовский голосом. – Сейчас я за тебя спокоен. Боекомплект у тебя на руках. А то без пайка-то, куда хуже, верно?

И я согласился.

Он попросил спички, я знал, что у меня нет спичек, но из уважения тщательно пошарил в карманах, вытащив попутно газету.

– А-а-а... свежая? – обрадовался он.

– За тридцать седьмой год, – уточнил я.

– Это понятно, – сказал он, – а число?

И я не уловил в этом его вопросе ни иронии, ни насмешки. Я не ответил.

– Ты почитай, почитай, – попросил он, – вон и ребята послушают.

К нам уже подсаживались.

Я прищурился: – «Выродки!», – начал с выражением.

– Не то, не то! – с мукой в голосе сказал он. – Как там на фронтах?

– На фронтах?! – повторил я. – На фронтах... Сейчас, вот, нашёл!

И я начал читать сводку: «Южный фронт Испании – войска продвинулись. Восточный фронт Испании – большие потери у мятежников. Мадридский фронт – тяжёлые бои с переменным успехом».

Они молчали, может, думали о тяжёлых боях на Мадридском фронте, может, ещё о чём...

И я молчал, и я думал... Ощущал полное с ними единство, меня грело слово «браток»... И вот что ещё я думал: «Кто знает, в чём оно – счастье наших дней?»

Вагон сильно мотало, но ровно стучали колёса на стыках, навевая сон. И лишь воспоминание о том, давно уже улёгшемся облаке песчаной пыли – тревожило меня и не давало заснуть.

Надежда САВЧУК

Родилась в 1962 году в Украине, Волынская область, село Городок. Окончила Тернопольский финансово-экономический институт. В Молдове проживает с 1985 года. Экономист по образованию, работает главным бухгалтером МП.

ТэТэ

Рассказ

— **В**ы зачем это от неё взяли? Зачем?! – яростно набросился ТэТэ на друзей и даже пнул пакет с картошкой, прижимая рукой ушибленное плечо.

– Параноидальная плюс кататоническая шизофрения... Картошка здесь ни при чём, – медленно протянул Флегма и переложил пакет в левую руку.

Их догнал запыхавшийся Плюс, который просто корчился от смеха:

– Видели бы вы, как ругаются глухонемые! – и принялся, довольно умело, показывать, как же всё-таки они ругаются.

– Эй ты! Носитель вируса «хохочущая смерть»¹! Хватит! Ну-ка отнеси картошку обратно! – ТэТэ отобрал бы ношу у Флегмы, но Плюс выхватил её раньше и отбежал в сторону.

Так они дошли к дверям общежития, но вдруг Флегма остановился и как всегда замер на месте. Это значило, он что-то поздно вспомнил. Друзья, привыкшие к подобному, тоже остановились, уставившись на него. Они это называли по-своему: «поза нелетающего насекомого, которое хочет притвориться мёртвым, чтобы его не слопала птица».

– Двадцать леев осталось, – сказал тот с расстановкой. (Это были те самые последние деньги «из общака», на которые они должны были купить картошки.)

– Это на пиво! – радостно крикнул Плюс.

– Пиво тормозит деятельность мозга. Завтра экзамен, – сообщил Флегма.

– Твоему мозгу это не страшно, так как медленнее работать он всё равно уже не может! – хохотнул Плюс, выхватил двадцатку из пальцев Флегмы и побежал за пивом...

Они трое, маленькая ячейка студенческого сообщества, занимали угловую комнату на пятом этаже и были в медицинском университете обычными студентами, коих есть в этом заведении несколько тысяч довольно умных голов. ТэТэ – он же Тимофей Тимошко (вначале Плюс его начал звать для удобства в общении Ти-Ти, по двум начальным буквам фамилии и имени, но разве это уменьшительно-уничтожительное прозвище могло подойти студенту, за плечами которого уже был медицинский колледж и который по выходным (а иногда – что греха таить! – и среди учебной недели) подрабатывал фельдшером на «Скорой помощи»? Нет! В созвучии же «ТэТэ» было что-то боевое и мужественное. Плюс был назван таковым из-за своего имени – Ион. Почему? Это долго рассказывать, лучше в другой раз, потому что речь здесь пойдёт совсем о другом. Ну а Флегма, он же Костя – тут достаточно просто на него взглянуть, и всё станет ясно.

Сидя над вкусно пахнущей сковородкой с картошкой, Плюс и Флегма всё-таки донимали ТэТэ:

– ТэТэ! Ну расскажи, за что тебя хотел искалечить (а может, даже убить!) этот глухонемой гигант? Из ревности? А немая! Видели, какая frumoasă! Care rău! Дёрнула платок, а они – до самого пола! Если бы не сняла платок, ты бы не узнал её? Видал! Она хотела поцеловать руку ТэТэ! – Плюс никак не мог успокоиться.

– Я спас этого моллюска! – с расстановкой произнёс ТэТэ.

¹Речь идёт о вирусе Куру, прионной инфекции, одном из видов энцефалопатии. Куру – болезнь, встречающаяся почти исключительно в высокогорных районах Новой Гвинеи у аборигенов племени форэ, впервые обнаружена в начале XX века. Болезнь распространялась через ритуальный каннибализм

– Н-дык! Рассказывай! – не унимался Плюс.
 – Не-а! Надо учить! Потом! – вывернулся Тэтэ и ушёл в свой угол.
 – Между прочим, твоя очередь сегодня мыть посуду, – констатировал Флегма.
 – А ты сначала доешь! – сказал Тэтэ, укладываясь с книгой и конспектом на свою скрипучую кровать. Он открыл книгу в заложенном месте, развернул конспект... Своё пиво оставил «на потом», его он вообще не очень хотел. Но... не училось! Плечо ныло. И ненужные воспоминания полезли в голову, выстраиваясь перед текстом конспекта и заслоняя собой его...

...Тогда было обычное ночное дежурство с пятницы на субботу... Пять (нет, получилось шесть) вызовов за ночь – это немного, но на первом же Тимофей понял, что с доктором не сработается. Он, как студент, разумеется, подменял всех и всегда. С одной стороны, хорошего в этом ничего нет, но с другой, – разнообразие менявшихся врачей, их мнения, решения, помогали ему накапливать опыт лечебника-практика. А однажды (он это всегда вспоминал с гордостью) во время ночных дежурств он попал в бригаду к самому доктору Трофимову, легендарному Трофимову, который, по свидетельствам давно работающих в «Скорой помощи», не имел летальных исходов, если только успевал прибыть по вызову до того момента, пока пульс пациента не замирал совершенно. Как говорят, выхватывал жизнь у смерти...

Доктор была... девушка (на вид юная) маленького роста, в великоватой униформе тёмно-синего цвета и белой бонете (здесь: медицинская шапочка), надвинутой по самые красивые брови. Она казалась совсем ребёнком, и не его, Тэтэ, вина в том, что супруга пациента (ни в коем случае больных нельзя называть «больными» – эту истину он усвоил ещё в колледже) вдруг обратилась к врачу Елене Леонидовне: «Дочка! Дай доктору подойти поближе к больному!» Доктор оглянулась в его сторону и округлила красивые голубые глаза. Тэтэ, стараясь сгладить ситуацию, громко сказал: «Я не доктор! Доктор у нас Елена Леонидовна! Я только учусь!» «Господи! – всплеснула руками жена пациента и заплакала. – Практикантов прислали!» Пришлось отвести старушку в сторону, всё объяснить. Сперва Тэтэ удивился немедленной команде врача: «Надо срочно сделать кардиограмму!», так как пациент тяжело дышал и покашливал. Он ещё подумал: «Как это она? Даже не прослушала как следует лёгкие...» И сам вытаращил глаза, увидев «зубцы» кардиограммы – инфаркт миокарда! ...К машине пациента они сносили на табурете вместе с нетрезвым соседом несчастной пожилой пары; мчались на большой скорости, слава Богу, по пути их следования была довольно сносная дорога. Диагноз полностью подтвердился... Однако, как только Тэтэ сделал попытку расспросить Елену Леонидовну о «тонкостях» данного случая, она презрительно сощурила глаза: «Вы... у нас только ещё учитесь? Вот учитесь более старательно и не задавайте глупых вопросов». «Ах ты... мырма! – подумал он. – Мне сам Трофимов объяснял, что и почему!» Короче, всё было с ней ясно.

Второй и третий вызовы оказались самыми заурадными – гипертония, а вот четвёртый... Почему-то водитель Степаныч решил срезать крюк и повёл их дребезжащую старую машину прямо на объездную, мимо кладбища. Тэтэ не хотелось спать. Он поглядывал на головку Елены Леонидовны, которая то и дело ронялась вперёд-назад, вправо-влево. Вот если бы он сидел в кабине, то эта красивая и (несомненно!) главная составляющая доктора могла бы покоиться на его широком плече. Но, будучи молодым и скромным фельдшером, Тимофей садился в кабину, только если был на дежурстве без врача (было такое у него, когда дежурил в пригороде) или по приглашению начальствующего коллеги. Наверное, оттого, что тесёмки расслабились, бонета на умной и красивой головке закрыла бы её почти всю, если бы не аккуратный курносый носик.

Когда свет одиноких фонарей попадал в кабину, Тэтэ, словно при замедленной вспышке молнии, различал покоившуюся на нежной шейке светлую небольшую косичку...

Машина затормозила так резко, что Тима ударился кистью руки, нечаянно матернувшись, а доктор всем корпусом полетела вперёд. И наступила жуткая тишина, потому что «старая посудина» (по определению их водителя Степаныча) заглохла. Теперь они находились рядом с кладбищем. «Что случилось?» – громким шёпотом спросила Елена Леонидовна. «Кто-то кинулся под наши колёса!» – в тон ей прошептал старый водила. «Мы, что, его сбили?» – заплетающимся языком спросила она. Пару минут все сидели молча. Доктор беспомощно оглянулась на Тэтэ. Выхода у него не было. Он покидал машину с таким чувством, с которым, несомненно, астронавт, оказавшийся волей рока на неизученной и зловещей планете, вынужден покидать борт корабля.

За бортом поражала тишина. Сначала Тимофей зашёл спереди, тронул рукой бампер, – всё цело и невредимо. Может, собака (их всегда много на кладбищах)? Или невинная душа невезучей кошки уже поднимается в рай для животных? Но только он сделал шаг в темноте, чтобы благополучно открыть

огромный люк их «звездолёта», на него буквально кинулось существо в белом, почти с него ростом. Он отступил, еле удержавшись на ногах, издав утробный вопль ужаса, волосы на голове встали дыбом...

Позже Тэтэ задумается над этим. Народная молва говорит правду, – испытывая неподдельный ужас, человек ощущает, что его волосы встают дыбом. Он будет даже во время лекций, потеряв ход мыслей профессоров и преподавателей, напрягать мозг, пытаясь дать этому научное объяснение.

Существо не было призраком. Судя по горячим рукам, которыми оно уцепилось в его руку, – не было и представителем мира иного. Но что-то было здесь не так. Оно мычало и плакало. Тэтэ попытался отцепить его хваткие клещи, но напрасно. Оно тянуло его к кладбищу. Конечно, всё это происходило мгновения. Елена Леонидовна резко выскочила из машины, должно быть, напуганная его воплем. Это его подбодрило. Он нащупал в нагрудном кармане свой сотовый и осветил лицо существа... Оно выглядело как женщина, с расширенными от горя глазами.

«Похоже, здесь нужна помощь!» – Тимофей предупредительно поднял руку, и Елена Леонидовна, боязливо оглядываясь, остановилась. Он громко крикнул: «Разберёмся!», и последовал в чертоги кладбища, ведомый существом.

Тьма поглотила их. Ему некогда было смотреть на звёзды, но их наверняка не было. «Может, я страдаю гемералопией (здесь: куриная слепота)», – подумал Тэтэ и с трудом отцепился от клещей существа, но тут же споткнулся и упал... Он услышал стон и прерывистое дыхание. Включил телефон и осветил им... нечто ужасное! Прислонившись спиной к могильной ограде, сидел человек огромного роста и с бородой. Его глаза были закрыты, клетчатая рубашка совсем расстёгнута, а он обеими руками придерживал... собственный кишечник! Со страху Тэтэ выронил телефон. Гигант застонал. Тимофей, не находя свой сотовый, завопил, заглушая собственный ужас: «Степ-а-а-аныч! Носилки! Доктор! Елена Леонидовна-а-а! Фонарь!.. Нужен фонарь!» Он более-менее вернулся в сознание и умолк, только когда увидел, что существо ведёт доктора, которая тащит бокс с медикаментами. Он бросился к Елене Леонидовне: «Там нечто ужасное! Мы мало чем сможем помочь! Только если... госпитализация!»

Та склонилась над бородачом, освещая его фонариком, но тут же закрыла рот и кинулась в сторону. Её рвало. «Ну вот ещё!» – разозлился Тэтэ. Он попытался осторожно положить гиганта и крикнул: «Тяжёлый моллюск!»

Елена Леонидовна, похоже, переживала то, через что он только что прошёл – истерику, порождённую ужасом. «Степаныч! Носилки! – верещала она. – А вы... У нас что? Только "Tramadol"?»...

Но вот и она вернулась в нужное состояние, взяла руку пострадавшего (от этого её жеста кишечник несчастного ещё больше «разъехался»). Тэтэ увидел, как дрожат руки доктора. Она щупала пульс и вертела головой: «Плохо! Очень плохо...»

Наконец-то появился водитель с носилками. «Почему так долго?» – крикнула она. – Нам надо отнести его к машине! Там мы сможем сделать укол! И... подключим физраствор!.. Пульс очень слабый!!! Давление падает!!!» «Я не могу носить тяжести! – спокойно сказал Степаныч. – Грыжа у меня! Позвоночная!» Елена Леонидовна непонимающе воззрилась на него, а Тэтэ всё понял, обозвал старика «хитрым козлом» и тряхнул существо: «Бери его за ноги! – завопил он. – Надо переложить на носилки!» Потом, сообразив, что перед ним же глухонемая, иступлённо мычал так же, как она, и показывал, что надо делать. Доктор ухватила за вторую ногу гиганта, и они втроём кое-как положили почти бездыханное тело моллюска на носилки, просто прикрыв распоротый живот простынёй... Наложить фиксирующую повязку не было физической возможности и времени. Это был первый форс-мажор в его практике.

Несли тоже втроём, и Тимофею казалось, это самый грузный пациент на свете. Тэтэ шел «в голове» процессии. Он чувствовал, насколько невероятно тяжело слабой половине человечества, поддерживающей носилки сзади. Поминутно ругал тех, кто так располагал могилы. Даже заявил о том, что на новых кладбищах уже не разрешают ограждения могил. Ругнул что было мочи Степаныча за то, что тот не взял чемодан с медикаментами с места происшествия. Наконец они были рядом с машиной...

Вены моллюска были словно старый резиновый жгут. Но Тэтэ – виртуоз в своём деле. Даже без иглы-«бабочки». Ещё доктор Трофимов отметил, что он, Тимофей, молодец, так как далеко не всякий доктор может хорошо и быстро любому пациенту сделать внутривенную инъекцию. А ещё знаменитый доктор так и сказал: «Коллега! Вы – виртуоз!»

...Они мчались по ночному городу, оглашая воем сирены каждый перекрёсток, Степаныч ругал дороги и городские власти. Доктор держала руку моллюска, постоянно отмечая, что пульс становится реже. Тэтэ следил за капельницей, а в углу, вздрагивая всем телом, плакало существо...

Тимофею привиделось его детство. Он в гостях у своей украинской бабушки. Поверхность озера вся

в кувшинках и белых лилиях. Он находит у берега озёрную ракушку величиной с его ладошку. Створки её полураскрыты, и он с ужасом заглядывает внутрь раковины. Там что-то розовое, в слизи. «Положи её в воду, – спокойно говорит бабушка. – Она, наверное, больна, раз раскрыта».

Вот оно! Его мозг назвал этого гиганта «моллюском», потому что в детстве он переживал за ракушку с раскрытыми створками. Надо же! Какая ассоциация! Точно. Кишечник пострадавшего напомнил ему тело ракушки...

Тимофей вздрогнул. Уж не уснул ли он?

В приёмном покое их уже ждали. От яркого света Елена Леонидовна щурилась. Тэтэ казалось, здесь все двигаются очень медленно и не собираются спасать моллюска. Сердце Тимофея заполняла понятная ему тоска. Может, оттого, что он увидел, как хирург безнадежно махнул рукой, может, от вида безжизненно вывалившейся конечности пострадавшего... Существо, которое при нормальном освещении оказалось не просто красивой девушкой в испачкавшейся ночной рубашке, а походило на существо сказочное с длинными, почти до пола, волосами. Тэтэ отводил глаза от её взгляда. Прибыл полицейский и беседовал с ней, записывая вопросы на бумаге. Она их прочитывала, кивала головой и медленно писала что-то в ответ. Полицейскому, похоже, нравилось такое общение. Немая посмотрела с мольбой на Тимофея, он подошёл и сказал, чтобы она не плакала, что о ней позаботятся. Последнее, что запомнил Тэтэ – это то, что для существа сказочного принесли какой-то халат и тапочки...

«Сердце моллюска скоро сожмётся в последний раз. Тело отправят в морг. Там его разместят в холодной ячейке, кровь в нём вскоре совсем застынет, суставы навсегда утратят гибкость. Потом с ним поработает патологоанатом... Потом... Ну хватит! – сказал внутренний голос Тэтэ. – Мы сделали всё возможное!»

Елена Леонидовна, с покрасневшими глазами, печально сообщила о том, что они не возвращаются на базу, – у них ещё два вызова...

С тех пор прошёл год. Тэтэ взял в руки телефон и набрал номер, на который так часто пытался позвонить. У этого абонента он был в «чёрном списке», но сейчас... Глазам своим не поверил – пошёл вызов!

– Слушаю! – отчеканила Елена Леонидовна.

Тэтэ растерялся.

– Простите за беспокойство! – начал он, запинаясь. – Вас беспокоит Тимофей Тимошко. Помните... Год назад мы с вами... дежурили вместе... На «Скорой помощи».

– И? – холодно сказала она. – Что вам от меня нужно? Вы опять за своё?!

– Я... просто хотел услышать ваш голос... – он отключился.

Его друзья в это время курили на балконе. Вернее, курил только Плюс, а Флегма, улыбаясь, слушал о чём-то друга и кивал головой.

«Мырма! – твердил мысленно Тэтэ. – Думает, что она – «остров Пасхи»! (это словосочетание они употребляли в своём студенческом сообществе вместо выражения «пуп Земли»). Не хочешь общаться? Больно надо!»

Из-за пустяка не хочет с ним общаться?! И не надо! ТОЧКА. Это уже конец его страданиям. Да и кто она вообще такая?

А дело было вот как. На предпоследнем вызове он сделал обезболивающее онкобольному. Тут вопросов не было. Пациентом же на последнем вызове был младенец. По этой причине очень торопились. Ещё на первом этаже они услышали, что где-то орёт маленький человек. Но кричит подозрительно громко. «В прошлое моё дежурство ребёнок опрокинул на себя кипящую кастрюлю...» – печально отметила Елена Леонидовна. Тэтэ внезапно посмотрел на её лицо и ахнул: «Доктор! У вас кровь на лице! И шапочка перепачкана кровью!» «Ужасно!» – сказала она, сняв бонету. «Можно я за вами поухаживаю?» – спросил Тимофей, вытаскивая несколько спиртовых салфеток из кармана униформы. «Сделайте одолжение! – Девушка закрыла глаза и подставила ему своё красивое лицо. – Так хочу спать! А как же вы завтра на занятиях?» «Завтра суббота!» – прерывающимся голосом прошептал Тэтэ. Он не дыша протирал шелковистый эпидермис докторского лица, и ему до одури захотелось её поцеловать. Елена Леонидовна открыла глаза: «Нам надо поторопиться!» – тихо сказала она. «Конечно! – подтвердил Тэтэ, смущаясь, и, словно оправдываясь, показал покоричневевшую салфетку. – Вот! Всё в порядке!»...

Ребёнок так сильно кричал, что невольно приоткрывал рот для спасения собственных барабанных перепонок. «"Скорую" вызывали?» – спросил Тэтэ, перекрикивая маленького орущего человечка.

Оказалось, «Скорую» вызвали соседи, уставшие от крика... И всё бы было ничего, но Елена Леони-

довна почему-то, надев резиновые перчатки, начала проверять ушки младенца. Она расспросила молодую маму, когда они гуляли, когда был последний стул... Малыш так кричал, что его довольно сильный голос стал похож на своеобразный вой. «Живот! Живот!! Животик!!!» – мысленно внушал Тэтэ доктору. И когда та немного задумалась, он подошёл к крошечному пациенту, повернул его к себе, щёлкнув по животику средним пальцем – барабанчик! «Дайте мне газоотводную трубочку!» – попросил он. Елена Леонидовна буквально застыла от его действий. Что он себе позволяет?!

Молодая мама непонимающе воззрилась на него. «Ладно! – прикрикнул он. – Дайте термометр! Протрите наконечник спиртом!» На доктора он не смотрел. Приподняв ребёнка за ножки, он ввёл градусник в задний проход так, словно собирался измерить температуру. Ребёнок крикнул последний раз, вдруг напрягся, громко пукнул... и замолчал. Потом ещё напрягся, испачкал пелёнки и даже как-то неприлично весело завертел ножками в воздухе. Запах детского стула жидкой консистенции был понятен. «Что вы кушали, мамочка? – строго спросил Тэтэ, глядя на взъерошенную молодую маму. – Вы кормите грудью?» «Да! Молоко у меня есть. Понимаете... Вот я ему давала грудь! Он сосёт, сосёт... А потом – как заорёт!» «Я спрашиваю, что вы кушали?» – резко перебил её Тимофей. «Ничего такого! Картошку... Супчик... Я даже не могла толком покушать! Он уже много часов плачет!» – мамочка сама готова была заплакать, как на допросе. Всё это время молодой папаша молчал, но и он, не выдержав, заступился за жену: «Картошка была просто со сливочным маслом! Пол-огурчика солёного! И супчик! Я сам готовил! Лёгкий такой... С горохом! Она любит гороховый суп!» «Что-о-о-о-о? Нет! Но вы слышали, Елена Леонидовна? Гороховый суп! Солёный огурец!!!» – он только теперь повернулся к доктору и увидел, что она уже собирается уходить. «Вы заканчивайте, коллега! Все нужные записи я уже сделала», – сказала холодно и пошла к выходу.

«Сразу видно, – заговорщически подмигнул Тэтэ молодой папаша, – она – не доктор! Даже к ребёнку не может притронуться без перчаток! Вот пришлют такую – и хоть пропадай!» «Да что вы понимаете! Елена Леонидовна час назад в прямом смысле слова спасала человека от смерти! А перчатки надела стерильные, потому что не успела вымыть руки! Вы лучше завтра же запишитесь на приём к семейному врачу! Изучите всё, что можно кушать кормящей матери, и не гробьте дитя!» – зло накинулся на молодого человека Тэтэ, взглянув на ребёнка. Тот моментально уснул в собственных какашках, раскинув ручки. Мамочка тихонько и умиротворённо хлопотала возле своего мальчика. Её усталый и виноватый вид смягчил Тэтэ.

«Вам никто не помогает? – уже мягко спросил Тимофей. – Нет рядом человека с опытом?»

«Нет! Мы сами! – гордо отпаривал молодой папаша. И почему-то добавил: Я работаю! И содержаю свою семью!» Он протянул Тэтэ пятьдесят леев: «Спасибо, доктор! Это как за приём!»

«Дети у нас застрахованы и за приём платить не нужно! – строго сказал Тимофей. – Я тоже работаю, у меня ещё нет семьи, и вообще, не надо меня оскорблять! Будьте здоровы!» Он поспешил к выходу.

Елена Леонидовна сидела в кабине и что-то смотрела по бумагам. Глаз на него она не подняла...

А потом, уже на базе, пытаясь заглядеть свою вину, он подошёл к ней и попросил прощения. Она, не глядя в его сторону, словно выронила: «Что вам угодно? Оставьте меня в покое!» Можно бы было сказать: «Вот и вся история...» Но это не был конец всех событий. Тэтэ влюбился. Да, вот так, глупо и с первого раза. Он потерял покой. Добыл её номер мобильного, несколько раз звонил в надежде получить прощение, но Елена Леонидовна внесла его в «чёрный список»... Но даже и на этом не закончилась история их знакомства. Он не мог жить без неё. Нанося непоправимый вред своей учёбе и даже здоровью, брал ночные дежурства среди учебных недель, часто просто приходил к Станции скорой помощи. А цель была одна – увидеть её. Однажды они столкнулись лицом к лицу с Еленой Леонидовной в городе, но она прошла мимо, словно он был просто кустом, деревом, бетонной тумбой с цветами или контейнером с мусором.

Задолженность, которая образовалась во время зимней сессии, вынудила его вернуть свой разум под сень учебного процесса. Надо отметить, что любовь, должно быть, была настоящей, так как за весь этот год он ни разу не посмотрел ни на одну девушку с мыслью каких бы то ни было отношений.

Теперь Тэтэ окончательно понял, что она, его любовь, – безнадёжна. У неё нет будущего. Она – мёртворождённый эмбрион, которого он мумифицировал и кроме неприятностей, ни ему, ни самой Елене, она ничего не принесла. Так стало пусто в его молодой душе. И больно...

Вдруг зазвонил телефон, поставленный на беззвучный режим. Он не обрадовался его тихому жужжанию. Мама. Тэтэ считал гудки: раз, – конечно, она как всегда не вовремя, два, – сейчас скажет, чтобы он учил изо всех сил, три, – она скажет: «Милый сынок! Ты же не хочешь, чтобы повторилась зимняя

сессия?», четыре...

Он нехотя взял в руки телефон... И резко сел.

– Алло! – весело сказал девичий голос в трубку. – Почему-то пропала связь!

– Елена Леонидовна?! – он начал заикаться. – Вы?!

– Да! Я! А это вы, коллега? – голос её звонко искрился. Да! Есть такие прекрасные женские голоса.

– Знаете!.. Помните? Мы с вами спасали одного пациента, у которого было проникающее ранение в брюшную полость, тяжёлое ранение? Так вот! Он – жив! – Тэтэ уже полностью справился со своим временным каталептическим состоянием.

– Что вы говорите?! – голос Елены выдал крайнее удивление. – Мне очень интересно бы было всё узнать! Вы видели этого пациента? Он – жив?

– Он жив! И даже дерётся! Глухонемая не дочь ему, – жена! – засмеялся Тимофей.

– Нам надо встретиться! – просто произнесла Елена Леонидовна. – Если можете...

– Конечно, могу! – крикнул Тэтэ и оглох от сильного биения сердца. – Но где? Где вы сейчас?

– Терпеть не могу встреч в кафе или прочих заведениях! – уже серьёзно и поучительно продолжила она. – Давайте где-то на воздухе!

Тэтэ просто прыгал от счастья по комнате. Оно, счастье любви, всегда приходит внезапно, обрушиваясь лавиной на глупца, который вот сейчас опрокинул горячий утюг, разлил воду, разбил любимую кружку, – торопился! Жевательной резинки ни у кого не оказалось. Плюс, правда, отковырнул от ножки стола шарик, скатанный им ещё вчера, и любезно протянул его Тэтэ. За это был назван тем, кем всегда в таких случаях. Друзья были заинтригованы.

– Это немая его позвала на свиданку! – предположил Ион.

– Да нет, эта вроде бы говорящая... – протянул Костя.

– Вот так пропадают мужики! Ни за что ни про что... Прощай, друг! И если что... – Плюс еле сдерживал смех.

– Даже пиво не выпил... – вздохнул Флегма.

– А вы пейте мою долю! – весело и добродушно предложил Тэтэ, тщательно причёсывая волосы.

Парни, не дожидаясь повторного приглашения, тут же разлили эту жидкость по кружкам.

– Ну! Давай, брат! Была не была... Чтобы бедные не болели, а богатые не выздоравливали! – всё ещё смеясь, изрёк Плюс.

– Нет! – Тэтэ повернулся к ним. Он и сам иногда, разумеется, шутя, произносил этот тост. – Сегодня пьём за ЛЮБОВЬ!

Однако Флегма опять принял позу насекомого. Прошла минута. Тэтэ и Плюс воззрились на него, так как просто от нечего делать тот эту позу никогда не принимал.

– Я бы мог промолчать, но несколько дней назад было заключено пари, – медленно говорил Костя. – Ты, Тэтэ, поспорил с Ионом-Плюс, что не пойдёшь на «Скорую» до самого начала твоих дежурств.

– А я не иду на «Скорую»! – Тэтэ на миг остановился. – Но так и быть! Завтра, после экзамена, я выставляю большой торт и килограмм мороженого, если... сдам!

– Так какого же ты уходишь? Учи! – внушительно и медленно произнес Флегма.

– А где ты денег возьмёшь? Ты же всё истратил! – добавил Плюс.

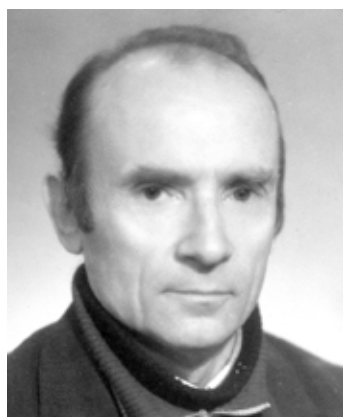
– У меня есть один знакомый гуманоид, который говорил, что если понадобятся деньги, то он может нас пристроить к другому гуманоиду, у которого надо разгружать фуры с оргтехникой! Это же легче, чем мешки! У меня первое дежурство в «Скорой» только 10 июля. Хотите – идёте завтра, после экзамена, со мной! (Они втроём на всё лето оставались подработать. Благо, в университете разрешалось проживать в общежитии во время каникул.) – выкрикнул Тэтэ и выдал немного зубной пасты прямо себе в рот. Потом, не найдя своей зубной щётки, прошёлся указательным пальцем по зубам и побежал полоскать рот. Его ждала Елена Леонидовна...

– За любовь! – чокнулись друзья Тэтэ.

– За любовь! – прочирикал воробей, их давний кореш, прыгающий на балконе, которому они часто бросали крошки и семечки. Тот привык зимой к этой столовке...

– За любовь! – пролетающий ветерок взъерошил макушки деревьев и помчался наверняка посмотреть на ту, которую так любит Тэтэ...

Виктор КОРНОВАН

Окончание. Начало в №10.

Человек своего времени

Рассказ

4

Первой мыслью Молерова, когда он проснулся на следующий день, была: «Кажется, я опоздал в институт». Но, увидев маленькие окна, за которыми колыхались ели и сосны, успокоился. Солнечные лучи падали только на подоконник, и Молеров подумал, время, должно быть, около полудня. Это подтвердили часы на руке, показывающие половину двенадцатого. Заводя их, он осматривал комнату и прислушивался к звукам, доносящимся со двора.

– Григорий! – услышал он голос матери.

– Оу! – отозвался отец и закашлялся.

– Фу, дымишь как труба! И когда ты бросишь эту отраву! Спустись в погреб и принеси солений...

– Дай я сделаю это, мать, – услышал Молеров голос брата, как показалось ему, еще более огрубевший. – Разве не видишь, после вчерашнего трясется как пруттик? Еще начнет считать ступени...

– Когда бог его уже насытит, – проговорила мать.

Кто-то загремел ведром, и закудаhtал петух.

Продолжая лежать, Молеров улыбался, чувствуя, как в нем растет любовь к этим простым людям, как его грудь наполняется счастьем от сознания, что он произошел от них.

– Костя, сбегай в магазин за хлебом!

Этот звонкий, певучий голос он узнал бы из всех человеческих голосов! Он звучал так же чисто, как и двадцать лет назад! Молерова охватило сильное волнение, и он почувствовал себя не готовым к встрече с ней и со своим братом. Ему было стыдно, как будто он был перед ними виновен. Несмотря на боль в руках и пояснице, он встал и оделся. Побаливала и голова. Во рту пересохло. Молеров на минуту остановился в нерешительности у двери, затем вышел в прихожую и с удивлением увидел согнувшегося отца.

– Кыц, кыц! – крикнул отец, хлопая ладонями и топая ногой.

Из-под его ног выбежала во двор кошка.

– Где собралась рожать, негодница?! – сердито сказал он, обращаясь не то к кошке, не то к себе. Повернувшись и увидев сына, он приветливо, с заметной готовностью услужить улыбнулся и поздоровался:

– Доброе утро, или, вернее, добрый день. Как самочувствие?

Молеров поморщился и умылся у раковины.

– Понятно, – сказал отец и заговорщически добавил: – Клин клином выбивают...

Молеров поморщился уже с видимым отвращением.

Они вышли во двор, и у Молерова было такое ощущение, точно он вошел в баню, таким был жарким и душным день. Глазам было больно смотреть. Особенно слепили развешанные на веревке белые простыни. Отец что-то говорил об обеде в беседке, наконец они собрались вместе, но Молеров не слушал его, думая о Лиде. Он чувствовал, что она где-то рядом, и действительно сначала увидел за простыней поднявшиеся на носки стройные ноги, затем руки, пристегивающие прищепками простынь к веревке. Вышла с тазиком в руках и остановилась, растерянно и удивленно глядя на Молерова. Она немного выросла и пополнела, но по-прежнему была удивительно хороша. Молеров подошел к ней, отметив прежнюю притягивающую силу ее тела, чувствуя, что, как и тогда, на площади, окружающий мир вновь сужается, ускользает от него и остается только она, и с сожалением подумал, что эта женщина не его жена.

– Здравствуй, – сказал он дрогнувшим голосом.

– Здрасти, – ответила Лида, овладев собой, с нескрываемым, чуть насмешливым любопытством рассматривая его.

Молеров не находил, что сказать, чувствуя себя в положении мальчика, которому тайно нравится взрослая женщина, но которая догадывается об этом.

– Как живешь? – с усилием спросил он.

– Хорошо, – искренне ответила она.

Молеров вдруг понял, она ничуть не смущена, что вышла замуж за Ваню, она счастлива и не скрывает этого. «Да, по-видимому, она не для меня, – подумал он, успокаиваясь. – И это вовсе не плохо, а, скорее, хорошо», – заключил он.

– Работаете?

Да, на швейной фабрике, – весело ответила Лида, очевидно, почувствовав происшедшую в Молерове внутреннюю перемену и довольная этим. – А ты?

– А я на мезонной фабрике.

– На какой? На макаронной? – удивилась она.

– На мезонной, – ответил он и засмеялся. – Мезоны – чрезвычайно маленькие, невидимые частицы...

– А-а-а, – пропела она.

И они непринужденно, как дети, рассмеялись.

Отец, которому было мучительно стоять под палящим солнцем, сказал:

– Пойдемте в сад...

Из погреба вышел Ваня с тарелкой свежесоленных огурцов. Тяжело хромая, он подошел к ним, сурово поглядывая на жену и подозрительно, со спокойным любопытством на брата. Ваня был в майке-безрукавке. Он еще больше поздоровел, представляя собой большой сгусток мускулов под лоснящейся, жирной кожей.

– А-а, редкий гость, здорово, – поприветствовал он так, как будто в последний раз видел Петрю месяц назад, больно пожимая его тонкую, костлявую руку своей большой и жесткой. – Что это так вас развеселило?

Лида растерянно улыбнулась.

Ваня еще раз взглянул на брата, теперь уже внимательней.

– Явился...

– Да вот, приехал, – ответил Молеров, содрогаясь от боли.

Ничего не сказав больше, Ваня отпустил руку брата и захромал по тропинке к беседке, уверенный, что все последуют за ним. Чувствовалось, здесь он хозяин, слово его всегда решающее. Оставив тазик, последовала за ним Лида, затем, цикнув на собаку, извиняюще и виновато посмотрев на Молерова, пошел отец. Петря, обходя зеленый УАЗ, на котором приехал Ваня, почувствовал себя неловко, как будто он был лишний, но затем улыбнулся мыслям о том, что брат построил здесь жизнь как минимум тридцатилетней давности и убежден в своей правоте. «Вернее, не создал, а унаследовал от отца», – поправил себя Молеров, шагая по тропинке между фруктовыми деревьями с побеленными стволами.

В беседке за столом хлопотала мать. Она была одета во все чистое, выглаженное, как она одевалась на большие семейные праздники. Мать показалась Молерову помолодевшей. Так молодеют старые люди, когда они счастливы, когда уходят тяжелые мысли и недуги и на душе становится легко и спокойно. Улыбаясь, она смотрела на Петрю умным, понимающим взглядом. «Да, многим я обязан ей, – подумалось Молерову. – И чувствовать, и мыслить я в значительной мере унаследовал от нее. Дорогая, милая мама!»

Усаживались, пробуя шутить, гремя тяжелыми скамейками. Ваня сел рядом с Лидой, с трудом просунув больную ногу под стол и найдя ей удобное положение. Он тяжело дышал и вытирал платком обильный пот с лица и шеи. С другой стороны от Лиды сел отец, с удовлетворением посматривая на стол, улыбаясь и поглаживая усы.

– Возле молодой, может, помолодею и я.

– Э-э, чего захотел, – насмешливо сказала мать, раскладывая тарелки. – Как же я останусь?

– Не беспокойся. – Отец вдруг посерьезнел. – Я могу только хотеть.

– Я слышал, врачи омолаживают стариков, – вмешался в разговор Ваня. – Заменяют что-то внутри, делают какие-то дорогие уколы, посылают на курорты... Верно, Петря?

– Перспектива продления человеческой жизни, конечно, есть. Вообще же человеку лучше заниматься тем, на что он способен, и не думать об этом. Можно прожить больше ста лет бездумно, как растение, ничего не оставив, кроме своего праха, и можно прожить короткую жизнь и успеть многое сделать...

Говоря, Молеров посматривал на алюминиевый сифон с газированной водой. Казалось, у него пересохло не только во рту и горле, но и в желудке.

– Да, но все-таки жалко, когда умирают, не успев как следует пожить, – с горечью проговорила мать. Думаю, человеку, который победит рак, поставят золотой памятник...

– Все говорят, рак, рак, – раздраженно поморщился Ваня, хрумкая огурцом. – Никто не скажет – щука!

– Рак уже успешно лечат, и нет сомнения, он будет побежден, – уверенно заключил Молеров.

– Ой, да что это вы всё о болезнях и смертях! – вступила в разговор Лида, излучаясь такой красотой и силой жизни, что все подумали – действительно, зачем?

– Верно, пусть об этом думают доктора, – поддержал жену Ваня, разливая в стаканы вино. – Вот у меня последнее время, особенно в непогоду, так болит нога, что кажется, кто-то выворачивает ее. Одни говорят, это отложение солей, другие, – кость сломалась неправильно. Каждый назначает свое лечение, но лучшее лекарство – вот! – произнес победно Ваня, поднимая стакан. – Ну, выпьем за Петрю. – И иронически спросил: – И надолго ты пожаловал?

Вопрос для Молерова был неожиданным, он еще об этом не думал, – неопределенно пожав плечами, ответил:

– Не знаю, посмотрим... Если срочно не вызовут, побуду... Можно воды?

– Чудак ты, Петря! – рассмеялся отец. – Вино домашнее...

Молеров смутился, чувствуя, что краснеет.

– Пусть человек выпьет, что желает, – вмешалась мать, наполняя стакан шипящей водой из сифона. – Ему, может, вино не идет...

– Да и стакан с вином он к уху подносит, – проговорил насмешливо Ваня. Худощавость брата он объяснял отчасти пристрастием к спиртному. – Знаю, в Сибири так глушат спирт, аж дым идет!

Несмотря на то что Молеров научился терпимо относиться к человеческим характерам и слабостям, понимая, что каждый человек индивидуален, он вдруг почувствовал, как и в детстве, если не ненависть, то презрение к брату. Ему хотелось высказать брату, что он невежественен, жаден, склонен терроризировать и оскорблять людей, но, к счастью, выпитая холодная вода подействовала на него успокаивающе. Ваня ел быстро и шумно, хищно склонив большую с жесткими, коротко стриженными черными волосами голову над курицей, сосредоточив на ней все внимание. Он вновь обильно вспотел, и было понятно, каждое физическое усилие заставляет его тяжело дышать и потеть. Он налил себе вина, выпил и, не переставая жевать, сказал:

Вот так и живем, Петря. Немножко прибрахлились, дом подремонтировали. Где хватает, где не хватает. В общем, крутимся. И о тебе кое-что знаем. Читали в газетах, слышали по радио и телевизору, что тебя наградили. Ну, расскажи, как живешь, чем занимаешься?

– Работаю, – после некоторого молчания начал Молеров. Он всегда неохотно, смущаясь, рассказывал о себе и о своей работе. – Стараемся проникнуть глубже в микромир, открыть новые частицы, новые законы...

– Открываете всё, открываете, – проговорил Ваня, – а мне один инженер сказал, что все эти открытия приносят вред...

– Какой? – спокойно спросил Молеров.

– Вред здоровью людей, всему живому...

– Если бы не открытия, человечество не прокормило бы себя. Разве справились бы воны с работой, которую делают машины?

– Это так, – неохотно согласился Ваня. – Но всё потеряло вкус – хлеб, мясо, вино, даже вода! Все пахнет химией!

– Это неизбежно. Ведь надо обеспечить миллионы людей. В будущем человечество будет брать все больше пищи в мировом океане, и мы вряд ли с удовольствием стали бы употреблять эту еду. Все дело в привычке, в установившихся представлениях...

– Э-э, что нам думать о том, что будет, когда до завтра надо дожить, – проговорил отец, к которому вернулось хорошее самочувствие и аппетит. – Будем довольны, что живы-здоровы и тем, что у нас есть...

– О будущем человечества надо думать, – взволнованно констатировал Молеров. – Если бы люди жили только для себя, человечество погибло бы! Не было бы нас с вами! Да и ты, отец, разве жил только для себя?

Отец, растерянно и смущенно улыбаясь, смотрел в тарелку, отрывая от курицы ножку.

– Ты или совсем поглупел в своих кабинетах, или еще ребенок, – усмехнувшись, возмущился Ваня. – Сколько я видел людей, каждый живет для себя, вцепившись как волк в свою добычу, в то, что принадлежит ему. И чем больше имеет человек, тем больше хочет, он становится скрытнее и жаднее. Я как-то попросил у одного такого одолжить мне рубль, а он ответил, что у него нет, и стал жаловаться на нехватку денег, на дороговизну. У-у, человек такая бестия! Он всегда притворялся, что верил в Бога, знал, рай только на земле и после смерти ничего не будет...

Какое-то мгновение Молеров находился в нерешительности, думая, что брат в какой-то мере прав, но история человечества свидетельствует об обратном. Во время войн, эпидемий, стихийных бедствий всегда были люди, которые, не жалея себя, спасали своих братьев.

– Ты неправ! Чудовищно неправ! – вспыхнул Молеров. – Думаю, ты и сам чувствуешь, что ты неправ!

Лида с удивлением взглянула на Молерова, на его горящие глаза, на красивое, вдохновенное лицо и вдруг только теперь поняла, чем он ей понравился в тот далекий вечер...

– Петря верно говорит, – вступилась за сына мать. – Надо жить друг для друга.

У входа в беседку Молеров столкнулся с детьми. Катя вскрикнула, едва не уронив хлеб, а Костя остановился в ожидании. Молеров нервно и торопливо искал в карманах и, не найдя денег, обратился к отцу:

– Ах да, отец, я ведь тебе кое-что обещал. Одну минутку...

Он пошел в дом, достал из портфеля несколько пачек крупными ассигнациями и, вернувшись в беседку, положил на стол. Все замолчали. Так много денег они видели впервые.

– Это вам... Купите, что посчитаете нужным.

Ему было неловко и стыдно, как будто он сделал что-то нехорошее, как будто он хотел купить их чувства к нему.

– Ну-у, брат, спасибо, – сказал Ваня, и Молеров увидел, как его глаза жадно заблестели, дыхание участилось, рука потянулась к деньгам. – Вот это да!

Видимо, те же чувства испытывал и отец, сильно волнуясь, он встал и дрожащей рукой взял пачку. Однако почувствовал внезапную слабость, уронил деньги на стол и сел.

– Их никогда не хватает, – тихо проговорил он, – и всех денег никто никогда не собрал и не соберет...

Лида подумала, что, возможно, ей удастся поехать в Ялту или в Сочи, как ее городские подруги, которые нередко упрекали ее, что она, такая красивая, кроме дома и мужа ничего не видит и не знает.

Для Молерова деньги, даже в начале самостоятельного жизненного пути, когда они были особенно нужны, всегда были на втором плане. С годами, когда он полностью отдавал себя работе, деньги потеряли для него вообще какую-либо ценность. И, как бы отвечая на эти мысли Молерова, мать сказала задумчиво:

– Без них нельзя, но когда их очень много хотят, они становятся глазами дьявола и приносят несчастья. А вы чего уставились! – сердито крикнула она на детей. – А ну-ка, марш!

Некоторая скованность в отношениях вскоре прошла. Все повеселели, почувствовали еще больший аппетит. Беседка наполнилась шутками и смехом. Молерову стали уделять особое внимание, заботясь, чтобы он ел, чтобы все у него было под рукой. Особенно усердствовал Ваня, как будто всегда очень любил брата. Молеров, смущаясь, мрачнел, с трудом сдерживаясь, чтобы не встать и не уйти.

– Я вижу, Петря, ты даром времени не терял, – сказал Ваня, собрав деньги в платок. – Лучше скажи, куда спрятал машинку, на которой их напечатал!

Все рассмеялись, но Молеров сильно покраснел, как будто это была правда, и он почувствовал острое желание воспротивиться всему этому, прекратить глупую игру. Он хотел крикнуть, чтобы Ваня оставил деньги, потому что он привез их отцу, и только большим усилием воли сдержался. «В конце концов Ваня хороший хозяин», – подумал он несколько минут спустя, успокаиваясь.

– Я знаю в городе нескольких сыновей начальников, – начал отец самодовольно. – Ну и что, скажите мне, если их родители большие люди? Ходят их сыновья, ищут, где весело провести время, сыграть в карты, на бильярде. А ведь когда надо было учиться, они ни в чем не нуждались, да и сейчас не поздно взяться за ум. Да куда там! Им подавай такую работу, чтобы ничего не делать, а много получать. А вот мои сыновья...

Ваня, улыбаясь, показывая коричневые зубы, испорченные макухой в голодные годы детства, махнул на отца рукой, как бы говоря: «Готов уже». Он приблизил к брату свое лицо с многочисленными красными жилками на щеках и на носу и сказал:

– Пойдем ко мне. Поглядишь, как живу.

Они вошли в комнаты, до отказа заставленные вещами – и новым телевизором с большим экраном, и современным мебельным гарнитуром, и музыкальным центром... Ваня был горд. Положив узелок с деньгами в шкаф, закрыл его, достал из буфета бутылку с янтарным напитком и две рюмки.

– Ну, Петря, за нашу встречу. Бери, бери, это такое вино! Я достал по знакомству, на винпункте.

Вино действительно было ароматное, но и крепкое, так что после двух рюмок Молеров почувствовал приятное тепло, разливающееся по всему телу.

– А ты молодец, Петря, – похвалил Ваня. – По правде сказать, не думал, что из тебя выйдет толк. Думал, книжки сделают из тебя дурачка, посмешищем. А ты...

– А я стал ученым мужем, – шутливо закончил Молеров, проходя в другую комнату.

– Кем? – не понял Ваня.

– Ученым...

В другой комнате на стене, над диваном висела свадебная фотография, на которой были запечатлены счастливо улыбающаяся Лида и Ваня с застывшим, невыразительным лицом. Молеров тут же отвернул взгляд. Ему вдруг стало душно среди этого обилия вещей.

– Я бы хотел пройтись по селу.

– Можно, – согласился Ваня. – Может, еще по одной на дорогу?

– Нет, нет, хватит...

Когда они выходили со двора, отец неуверенно поднялся с присыбы и хотел идти с ними, но Ваня сердито остановил его. Старик, хитро улыбаясь, погрозил пальцем и сказал:

– А-а, знаю, знаю... Только не забывайте дорогу назад...

Молеров уже спокойнее, чем вчера осматривал все вокруг. Дома стали добротными с телевизионными антеннами над шиферными и черепичными крышами, дворы огорожены штакетными или каменными заборами. Чувствовалось, бурный век со своими техническими новинками смело ворвался в село, изменяя жизнь людей. Заметно было отсутствие молодых людей, которые учились в городских вузах или служили в армии. Мужчины были одеты в основном в простую одежду, кто-то с широким красным поясом, женщины – в широкие, длинные юбки и кофты, с покрытыми головами. На пыльных улочках над конским навозом колдовали воробьи, в тени деревьев, кустарников и заборов бодрствовали уморенные жарой птицы, собаки, кошки. Настигнутые солнцем, они тяжело поднимались, искали другую тень и лениво валились на землю. Центр села, где некогда была церковь, представлял собой небольшую площадь с несколькими трехэтажными зданиями.

На Молерова поглядывали с нескрываемым любопытством. Многие, хотя и с трудом, но узнавали его. Некоторые подходили, здоровались, приглашали в гости. Молеров, смущенно улыбаясь, отвечал и благодарил. Ваня важно шагал рядом, гордясь ученым братом, и старался передвигать ногу так, чтобы не видно было, что он хромот.

У низеньких деревянных ворот с забором, сколотенным из всевозможных досок, под тенью акации, сидел на скамейке старик с длинной белой бородой. Одет он был, несмотря на жару, в серый хлопчато-бумажный костюм. На голове у него была помятая, вылинявшая шляпа, на ногах – желтые туфли с загнущимися кверху носками. Упираясь спиной в забор, сложив пальцы и держа руки со вздувшимися черными венами на животе, старик задумчиво смотрел на небо. Молеров, хотя и считал, что продолжительность жизни не имеет решающего значения, все-таки втайне, особенно в последние годы, завидовал старикам. «О, сколько я еще поработаю, сколько принесу пользы, возможно, даже сделаю большое открытие, если проживу так же много, как этот старик», – подумал Молеров. Он вспомнил, в глинобитном домике этого, заметно запущенного двора когда-то жила цыганская семья, и что-то знакомое промелькнуло в старике, вызывая волнение.

– Кто этот старичок? Как будто знаком, а припомнить не могу, – спросил он Ваню и остановился.

– Неужели не узнаешь?! Это Афанаська, пьянчужка и бабник...

– Дядя Афанасий! – вздрогнул Молеров.

– Он самый. Брось, он выжил из ума. Говорит, что умер в двадцать лет.

Молеров в сильном волнении подошел к старику, заметив, что борода растет у него почти от самых глаз. Старик дышал часто и поверхностно, руки его подрагивали. Маленькие, выцветшие глаза тонули в глубоких глазницах, за густыми бровями, и так были погружены в себя, что казались отрешенными от действительности.

Они смотрели на Молерова, не только не узнавая, но и не видя его.

– Дядя Афанасий, дядя Афанасий! – позвал Молеров, наклоняясь, и тронул старика за плечо.

Старик задышал реже, задерживая дыхание, руки его беспокойно задержались, взгляд стал устойчивее и осмысленнее и, наконец, точно в тумане, увидел человека.

– Это я, Петря, – поспешно сказал Молеров.

– Я плохо вижу и плохо слышу, – медленно, с трудом ответил старик. – Кто?

– Петря Молеров, – крикнул он в самое ухо. – Настю помните?

– Настю? – Старик, поддавшись вперед, потеряв опору, беспомощно повалился на бок. Молеров подержал его. – Настю? – повторил он и закашлялся. – Как же, помню, хорошая была женщина, тихая...

– Так я Петря, сын ее сестры Ирины. Петря...

– Петря? А-а, Петря, помню, – сказал старик без удивления и серьезно спросил: – Еще не женился?

Ваня, держась за живот, громко расхохотался.

– Вот, старый черт! Одной ногой в могиле, а все о бабах думает!

Старик медленно повернул к Ване лицо и спросил Молерова:

– Кто это с тобой?

– Ваня, мой брат...

Старик ничего не сказал, только глубоко вздохнул.

– Я вас не забыл, дядя Афанасий, часто вспоминаю, – крикнул Молеров.

– Вспоминаешь? Э-э, что меня вспоминать?! Что моя жизнь? Бестолково она прошла. Разве что наде-
лал кучу детей, которые разбежались по свету. Они меня и не знают. Не ценил я жизнь. Весел и безза-
ботен был – это правда. Я не говорю, что жить надо угрюмо, избегая людей, но и толк от жизни должен
быть...

– Как живете? Как здоровье?

– Разве я живу? – И, подзывая Молерова скрюченным пальцем, сказал тихо, точно поверяя великую
тайну: – Я мертв. Я умер, когда мне было двадцать лет...

Молеров вздрогнул, чувствуя, как по спине прошел неприятный холодок.

– Оставь его с Богом, Петря, – сказал Ваня, морщась, но все же с сочувствием. – Он уже заговари-
вается...

Старик обессиленно уперся горбом в забор, и глаза его вновь устремились в небо. Видно было, не-
сколько осмысленных минут отняли у него последние силы.

– Кто-нибудь смотрит за ним? – спросил Молеров.

– Есть одна старушка. Вообще, все помогают. Человек же. Ну пошли, Петря.

Молеров пристально, чувствуя, что видит дядю Афанасия в последний раз, посмотрел на него. Затем с
тяжелым чувством последовал за Ваней. Он вдруг ощутил странное, неприятное волнение, беспокойство,
причину которого сознательно пока не хотел понять, но которое уже не покидало его.

Спустя несколько лет, когда дяди Афанасия уже не было в живых, на одном из правительственных
приемов Молеров встретился с одним из его сыновей, работающим журналистом. Вспомнили старика,
разговорились о бесконечном многообразии жизни, об удивительных превращениях, происходящих в
ней, и Молеров, глядя на представительного, эрудированного собеседника, с радостью и удовлетвориени-
ем подумал, что дядя Афанасий все-таки не даром прожил жизнь.

Братья подошли к окраине села, где за небольшой поляной начинался лес. К нему устало клонилось
жаркое солнце. На поляне росло несколько ореховых деревьев, с широких крон которых дети с веселы-
ми криками палками сбивали орехи. «Давно ли я был в их возрасте и тоже сбивал орехи?! – подумалось
Молерову. – И как долго не удавалось отмыть руки от йодистого налета». Он с шумом зашагал по сухой,
потрескивающей траве, в которой слышались трели кузнечиков. Ваня, обливаясь потом, тяжело дыша, с
трудом поспевал за ним и с неудовольствием думал: «Захотелось ему гулять. Сидел бы дома, отдыхал».

Лес начинался с акаций, и некоторые цвели второй раз в году. Дальше акации, смешиваясь с грабом
и буком, редели и мельчали, становясь похожими на кустарники. Лес уверенно набирал силу, и уже были
видны только одни стволы, а листва была высоко над головой и, соединяясь, закрывая небо, шумела
равно, успокаивающе. Играя многими красками, освещая все вокруг, встречались стройные клены, и
могучие деревья, восхищенные их красотой, вежливо уступали им место. Было безветренно и нежарко.
Воздух был настоен на лесе. Дышалось легко. Пение птиц звонко раздавалось по всему лесу. Чувство-
валось, много таинственного и мудрого таится в неподвижных стволах, сливающихся на расстоянии. И
хотя современный мир, подчиняющийся научно-техническому прогрессу человеческую жизнь, был всего в
нескольких десятках километрах, казалось, он далеко, на другой стороне планеты.

– В лесу по-прежнему красиво и хорошо! – сказал Молеров.

– Красиво и хорошо! – подтвердил с гордостью Ваня и добавил с большим сожалением: – Пока кра-
сиво и хорошо...

– Почему пока?

– Потому что на месте нашего села будет город. Видел? Город уже совсем близко.

– Ну, думаю, лес не тронут. Напротив, его будут оберегать. Он станет зоной отдыха.

Ваня скептически промолчал.

– Вы получите новые квартиры со всеми удобствами и станете городскими жителями, – сказал, улы-
баясь, Молеров.

– Буду жить на десятом этаже и даже обыкновенного воробья не увижу, – ворчливо проговорил Ваня.

– Скоро люди будут жить на Луне, а ты десятого этажа испугался!

– Я не испугался, – злобно произнес Ваня. – Понимаешь, луна меня не интересует. Я хочу жить на земле.

Братья подошли к деревянному мостику, переброшенному через ручей. Ручей начинался от находящегося неподалеку родника и, пересекая лес, впадал в небольшую речку. Вода в нем была чистая, течение неторопливое, и песчаное желтоватое дно было хорошо видно. От ручья веяло пахучей, приятной прохладой. Влажные берега поросли темно-зеленым мхом, казались бархатными, и на них утоляли жажду бабочки, стрекозы, пчелы... Внезапно из-за деревьев послышался торопливый, удаляющийся шорох.

– Это косуля, – уверенно ответил Ваня на вопросительный взгляд брата.

Между тем беспокойство Молерова становилось все сильнее и навязчивее. Он неловко ступил на поскрипывающий, покачивающийся мостик, держась руками за перила. И вдруг ему представился огромный, по-хожий на стадион зал, почти все пространство которого занято кольцевым электромагнитом и лестницами с перилами, и по лестницам ходят люди в белых халатах. «Они там, работают, каждая сотысячная доля секунды для них необычайно дорога, а я тут... – подумалось ему. – Может быть, именно теперь я теряю те несколько минут, что составляют человеческую жизнь, которые имел в виду Эйнштейн? Так вот откуда мое беспокойство...» Он сошел с мостика на другой берег. «Если в последних опытах действительно зафиксирована новая частица, это, конечно, большая удача, – думал Молеров. – Магнитное поле как будто было достаточно мощным. Посмотреть бы еще раз фотопленку».

Ваня сел на сложенные лесником дрова.

– Фу, устал. Сядь, Петря, отдохни.

– Устал? – рассеянно спросил Молеров и, взглянув на могучую фигуру брата, переспросил удивленно: – Устал?

– Устал, – просто повторил Ваня, вытягивая ногу вровень с больной ногой и упираясь руками в колени. – Нogu ломит. Видно, к дождю. Ехал ночь. Руки болят от баранки, глаза устали от темноты. Все хотели вернуться домой к выходным. Да-а, брат, начинаю стареть. Устаю...

– А мне кажется, как бы мне ни было тяжело, я бы никогда не устал жить, – задумчиво произнес Молеров.

– Конечно, кому охота расстаться с милым белым светом! Страшно. Хотя, знаешь, смертельно больные люди и дряхлые старики все-таки зовут смерть...

– Пока человек мыслит, он может и обязан владеть собой, не замыкаться в себе, не наполняться страхом перед физическим концом, а продолжать заниматься делом.

Ваня внимательно посмотрел на брата. «Какой-то он странный. Или просто храбрится, или не в своем уме».

– Нет такого человека, который не боится смерти, – продолжил разговор Ваня. – И ты испугаешься, если тебя затащить в темный угол...

– Ты говоришь о глупой, насильственной, нелепой смерти. Такой смерти я боюсь, такую смерть я не принимаю. Я не боюсь естественной смерти, которая придет после того, как я почувствую, что что-то оставляю человечеству.

– А если ты никогда этого не почувствуешь?

Молеров остановился и напряженно посмотрел на брата. Странно, но эта мысль никогда так серьезно и глубоко не поражала его. Убежденность, что он в конце концов все же оставит после себя такое, что человечество будет ценить, чем оно будет руководствоваться, никогда еще не покидала его. Если и возникали у него сомнения, они все-таки исчезали под напором жизненной силы его организма, от осознания того, что впереди еще много лет жизни. Он всегда знал и был готов к тому, что большие открытия, в какой бы ни было области человеческой деятельности, следствие терпеливого титанического, неустанного труда. Большие открытия резко изменяют привычные представления о мире, помогают цивилизации сделать огромный шаг в своем совершенствовании и, чего греха таить, Молеров не сомневался в своих способностях и силах помочь человечеству сделать еще один такой шаг. Но теперь он вдруг с необычайной ясностью почувствовал, какая это трудная задача, насколько надо быть сильным и решительным, обладать оригинальным мышлением. А время беспощадно уходит, его не остановить! И вместе с ним убывают силы, слабеет мозг. Если вспомнить сильных, одаренных людей, начиная с Демокрита и кончая Бором и Курчатовым, он, право же, не имеет особых оснований быть уверенным, что и его имя будет записано в историю человечества. Да и многим ли отличается его труд от труда рядового лаборанта? И разве не признаком слабости является его настоящий приезд, который продиктован не столько желанием

увидеть родных, сколько желанием избавиться от становящегося непосильным труда? Неужели судьба, лишившая его многих человеческих радостей, лишит его и последнего счастья – веры в себя? Молеров вдруг почувствовал сильную слабость во всем теле. Закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Какая-то непонятная сила тянула его сорваться с места и бежать, бежать до беспамятства...

– Ваня, мне надо побыть одному, – сказал Молеров изменившимся голосом и пошел, не разбирая ничего впереди себя, отталкиваясь руками от деревьев.

– Постой, Петря! – Ваня неуклюже поднялся на ноги. – Куда ты? Я же не хотел тебя обидеть! – И подумал: «Он на самом деле не в своем уме!»

Они ходили по лесу довольно долго – Молеров, не оборачиваясь на просьбы брата остановиться, Ваня не в состоянии его догнать, но и не отставая, не теряя его из вида. К вечеру они вышли на дорогу, идущую вдоль леса. С другой стороны дороги было кукурузное поле. Молеров остановился в растерянности, не зная, что делать, куда идти. Ваня подошел весь мокрый, шумно и часто дыша.

– Ну, слава богу. – Он схватил брата за руку, но тут же отпустил, грубо спросив: – Что это ты дурака валяешь, ученая интеллигенция?

Молеров напряженно морщил лицо, кривил рот и нервно скрючивал пальцы. Он чувствовал себя разбитым, опустошенным, сильно болела и гудела голова, во рту был солоноватый привкус. Вместе со страхом, что брат догадается о его состоянии, ему было неловко, по-мальчишески стыдно.

– Извини, Ваня, – сказал он тихо. – Минутная слабость...

– Хорошая минутная слабость! По всему лесу за тобой гоняйся! Пошли домой, дождь скоро будет.

Действительно, со стороны, где не было леса, на всю длину горизонта поднималась черная туча. Когда они подошли к селу, начало темнеть. Вдалеке сверкала молния, гремел гром. Надвигающийся край тучи заметно менял очертания, и чем ниже к горизонту, тем больше сгущалась чернота. Чувствовалось, как концентрирует стихия могучие силы, чтобы затем разразиться страшной грозой. А остальная часть неба была безоблачной и спокойной. Казалось, грозы не будет. Сельчане с снисходительными, понимающими улыбками смотрели на братьев, особенно на Петрю, считая, что они выпили по вполне законному поводу. «Да, Петря многовато выпил, а ему, наверное, нельзя», – подумал Ваня и сразу успокоился.

Молеров, стараясь собраться с мыслями, думал о том, что главное в его жизни была только работа. А вокруг он почти ничего не замечал. Только когда они подходили к дому, Молеров обратил внимание на тополь. «Какой он сильный и гордый! – подумал он, все внимательнее всматриваясь в него, заметив, что его вершина освещена светлой полосой заката. – Что ему человечество с его прошлым, настоящим и будущим? Не знает он тяжких сомнений. Все вокруг кажется ему мелочным, недостойным внимания. Единственно главное для него то, что он живет, что он есть и каждая клетка в нем живет только для того, чтобы жил он. Как просто, впрочем, как просто все, что не называется человечеством».

– Еще немного, и захватил бы вас дождь, обеспокоенно проговорила мать, встречая их у ворот.

– Разве моим сыновьям страшен какой-то дождик? – гордо спросил отец из-за ее спины.

– Ничего, я бы немного подрос и догнал бы Петрю, – сказал Ваня, входя во двор последним и закрывая калитку.

Во дворе, возбужденные приближающейся грозой, кричали и прыгали дети. Лида торопливо снимала белье. На мгновение она остановилась и пристально посмотрела на Молерова, но он, поглощенный своими мыслями, не заметил ее взгляда.

– Интересно, сколько лет этому тополи? – спросил он, подходя к могучему, морщинистому серому стволу, начинающему белеть там, где он разветвлялся на десять других стволов, тоже внушительных по толщине. Последние образовывали множество ветвей, составляющих вместе с густой листвой роскошную крону. От корней земля вокруг заметно приподнялась.

– Больше ста будет, – ответил Ваня. – Говорят, его посадил наш дед, когда начал строить дом. Так, отец?

– Так. – Старик задумался. – Помню, когда отец уходил на первую русско-германскую, он прощался с ним, как с человеком, обнимал, целовал...

– Сто лет, – прошептал Молеров, поглаживая шершавый ствол, по которому торопились муравьи. Молеров почувствовал под пальцами могучую жизненную силу великана. – Сто лет... И теперь у этого тополя стою я...

– Годы уходят, – сказала мать. – Сколько людей пришло и ушло, сколько еще придет и тоже уйдет!..

– И каждый приходит в свое время, – поддержал разговор отец. – Вчера было мое время, сегодня ваше, – он посмотрел на сыновей. – Завтра – их время, – и он взглядом указал на играющих детей.

- Мое время, – грустно начал Молеров. – Сколько его осталось...
- Этого никто не знает. И не нужно знать. Надо жить, пока жив.
- Да, отец, ты прав. Надо жить, пока жив, – согласился Молеров, медленно отходя от тополя.
- И хорошо кушать! – вмешался Ваня. – После такой прогулки я страшно проголодался!

Все рассмеялись. Молеров нехотя пошел вместе с ними, стараясь побороть в себе растущее желание остаться одному. У Ваниной комнаты, в которой должны были ужинать, Молеров, при виде стола с обильными кушаньями, остановился.

- Проходи, Петря, проходи, – пригласил Ваня.
- Извини, брат. Мне надо кое-что обдумать... Хочу побыть один...
- Опять один, – сказал насмешливо Ваня и, как показалось Молерову, со знакомым с детства ехидством. – Обижает, брат.
- Заходи, заходи, Петря, – настаивала мать. – По случаю твоего приезда будут гости. Придет и твоя крестная. Ты же ее любил, а она так давно тебя не видела...

Однако именно гости, которые, конечно же, будут восхищенно смотреть на него, лстить и приставать со всевозможными пустяками, укрепили в нем его желание. Как будто угадав мысли сына, отец сказал:

- Они тебя не съедят, да и ты не обращай на них особого внимания. Сиди себе...
- Приезжает раз в двадцать лет и не хочет с людьми посидеть, – недовольно произнесла Лида, расставляя стулья вокруг стола.

В конце концов Молеров согласился, но пока гости не собрались, ему надо побыть одному, привести свои мысли в порядок.

А все мысли его были о работе. Он занимался термоядерными исследованиями и считал себя предназначенным именно для такой работы.

5

До настоящего приезда Молеров в последний раз был дома после того, как проработал несколько лет в институте термоядерных исследований, куда был направлен по окончании университета. Ему помнится, тогда он, никому не известный молодой ученый, пробыл дома около трех недель, так что Ваня ворчливо заметил отцу, что эта ученая белоручка, ничего не умеющая делать, даром кушает хлеб.

Грустно улыбнувшись, Молеров, не включая свет, сел на стул у окна, как сидел когда-то в детстве. На улице уже были серые сумерки. Вспышки молний стали ярче, и ближе грохотал гром. Тополь ровно зашумел под первым напором ветра.

Молеров знал, что трудно быть откровенным, как перед самим собой, так и перед людьми. Как бы искренен и правдив ты ни был, всегда в тебе остается такое, что ты таишь даже от самого себя. Молеров не хотел себя обманывать – его приезд был вызван не желанием увидеть родных (о них он вспоминал редко), а увидеть места, где прошло его детство. После напряженной работы ему предлагали отдых в Крыму или на Кавказе, но он отказался, сказав, что не выносит влажной жары и большого скопления людей. Встреча с родной землей казалась ему лучшим отдыхом. Особой любви к родителям он в детстве не испытывал, как, впрочем, и родители к нему. Практическое отношение родителей к своим детям – видеть в них прежде всего работников – было свойственно всем семьям, в которых борьба за жизнь всегда была на первом месте. В этих однообразных серых буднях борьбы даже смерть детей долго не оплакивалась, и в семьях успокаивались тем, что бог дал, бог взял, бог еще даст. Молеров все это понял очень рано, но оправдать такое отношение родителей к нему все же не мог. Конечно, сейчас, будучи уже зрелым человеком, он испытывает к родителям теплые чувства, но он знает, что стоит ему уехать и углубиться в работу, он будет вспоминать их, как и прежде, редко, благодарный только за то, что они дали ему жизнь.

Да, совершенно напрасно он оставил работу на очень важном этапе, можно было приехать и в другой раз, после завершения исследований. Впрочем, завершатся ли они когда-нибудь? И вообще, добьется ли он серьезного успеха в своей непрерывной борьбе за повышение уровня энергии ускоренных частиц? Говорят, все великое оказывается простым, но как трудно открывается простое! О том, что есть необходимость в новой фундаментальной физической теории, что есть основания предполагать существование многих других частиц, Молеров уже не сомневался. Через математические формулы, обретающие для него плоть и кровь, становящимися физической реальностью, Молеров был убежден – нужна новая идея, которая будет такой же великой и бессмертной, как Вселенная! И тогда он перейдет в бессмертие. Но способен ли он на это?

Молеров никогда не забывал о своем происхождении, и поэтому тем мучительнее были его сомнения.

Последнее время ему все чаще казалось, что он взвалил на себя непосильный груз, что, являясь сыном темных крестьян, он не унаследовал гибкости ума. Более того, ему казалось, что он, насилуя свой примитивный мозг, только способствует своему психическому заболеванию.

Конечно, в детском и юношеском возрасте любые мечты и желания кажутся реальными. Вероятно, потому, что мы не замечаем в себе недостатков, как физических, так и духовных, не можем представить, насколько сложна жизнь. А может, в детстве и юности у нас меньше недостатков? Может, именно поэтому мы способны сделать то, что в пожилом возрасте нам не по плечу?

Молеров никогда не хотел казаться умным и способным и, претендуя на высокое место в науке и в жизни, неустанно, сурово анализировал себя, желая, чтобы его не покидало чувство уверенности, что он не обманывает себя и людей. Ему было неловко, когда в его присутствии говорили о его заслугах, льстили ему, и ему были неприятны люди, которые с хвастливой легкомысленностью, всячески стараясь обратить на себя внимание умными разговорами, доказывали, что человеческий мозг склонен неоправданно усложнять проблемы, что путь к открытиям гораздо проще. Этих людей Молеров во всеуслышанье называл болтунами, а они считали Молерова выскочкой, давно ли оставившей лапти на краю деревни. Но в последние годы, наполненные особо напряженным трудом с пока все-таки незначительными успехами, Молеров вдруг почувствовал усталость, появлялись сомнения, неуверенность, и мысль, что, возможно, его творческие силы на исходе, страшила его.

Молеров встал и зашагал по комнате. Он с трудом убеждал себя, что еще сравнительно молод, полон сил, что до смерти еще далеко и он многое успеет сделать. Однако в голову настойчиво лезли глупые мысли о своей ненужности, о каких-то мнимых болезнях. И теперь вдруг Молеров вспомнил нескольких своих друзей-ровесников, которых уже не был

о в живых, и возможность внезапной смерти показалась ему настолько реальной, что он физически ощутил это. Ему стало невыносимо душно. Он хотел выйти, чувствуя, что начинает кружиться голова, но на улице уже бушевала стихия. Не раздеваясь, сел на кровать, затем лег. Сердце билось учащенно, как будто болезненно разрастаясь по всей груди. Молеров вздрагивал от каждого его удара и, покрываясь холодным потом, слышал, как вздрагивает кровать. Вдруг ему показалось, что сердце остановилось и в груди стало пусто. Судорожно перехватило дыхание. «Неужели конец?» – вспыхнула пламенем мысль, и весь он застыл в тяжком, мучительном ожидании.

Ослепительно блеснула молния, осветив за окном голубоватым светом как бы огромную люстру из водяных бус. Показалось, в комнате стало светлее, так что можно было увидеть мелкие предметы. Молеров отчетливо увидел стул, на котором сидел, и почему-то подумал, это мгновение запомнится ему навсегда. Оглушительный удар грома потряс дом, зазвенели оконные стекла. В прихожей погасло электричество. Ураганный ветер вместе с огромной массой воды обрушился на землю, ворвался через открытое окно в комнату. Жалобно закулила собака. Дом задрожал, точно начиналось землетрясение. Молеров быстро встал, подошел к окну и закрыл его. В отблесках молний он увидел, как тополь, тяжело сгибаясь, противостоит жестокому урагану.

В комнату вошел Ваня.

– Ну, брат, прямо конец света! Что-то я такой грозы не припомню!

– Мощная гроза, – согласился Молеров, глядя, как вода заливает окно и просачивается на подоконник.

В прихожей метался тусклый, желтоватый свет, что-то опрокинулось, и послышался растерянный голос отца.

– Ваня, крышу с времянки сорвало!

– Ах, черт! – крикнул Ваня и с необыкновенной легкостью вышел.

– И птицы, птицы разлетаются! – жалобно добавил отец.

У двери остановилась мать, держа в дрожащих руках керосиновую лампу. Из-за сквозняка ее огонь то вспыхивал, наполняя собой все стекло и сильно коптя, то сжимался в точку на самом кончике фитиля. Неустойчивый свет освещал лицо матери снизу, изменяя на нем тени, и оно показалось Молерову очень старым, незнакомым и страшным. Молеров почувствовал, как суеверный страх овладевает им, и вдруг он увидел древнюю старуху, управляющую всей этой стихией. И как бы в доказательство этому молния блеснула так ярко, что показалось, она мелькнула в комнате, и оглушительный удар грома потряс Молерова.

– Петря, что будет, что будет?! – издали услышал он плачущий крик матери.

Ей вспомнилось, как она в молодости пережила нечто подобное, когда село оказалось под водой.

«Что за чушь, что за глупое наваждение!» – подумал Молеров, презирая себя. Усилием воли он преодолел оцепенение и подошел к матери.

– Мама, успокойся. Просто сильная гроза. Она скоро пройдет...

– Дай бог, дай бог, – умоляюще проговорила она и, повернувшись к иконе, перекрестилась.

Молеров обнял мать одной рукой и почувствовал ее маленькое, сухонькое, испуганно дрожащее тело, беззащитное и беспомощное. Ему стало невыразимо жаль матери, и слезы выступили у него на глазах. Большое, глубокое чувство неразрывной физической и духовной близости с ней наполнило его, и ему вспомнился эпизод из детства, такое же беспомощное, жалкое лицо матери за окном больницы, в которую он попал, заболев скарлатиной.

– Все будет хорошо, мама, – неловко твердил он. – Все будет хорошо...

Вместе с ворвавшимся грохотом и шумом в прихожую забежали собака и несколько куриц. Затем вошли отец и Ваня, мокрые, еще более растерянные.

– Вода заливает двор, – упавшим голосом сказал Ваня.

Молеров почувствовал, как потяжелела мать, и крепче прижал ее к себе. Он с удивлением и досадой отметил, что брат с отцом беспомощно топчутся на месте. У двери в свою комнату стояла в неподвижной испуге Лида. За нее держались дети, смотревшие на происходящее больше с любопытством, чем с испугом. Лида смотрела на Молерова так, точно ожидала, что он, как ученый человек, не даст произойти беде.

– Нас унесет вода, – запричитала мать. – Нас унесет вода...

Молеров взял у нее лампу, которую она не в силах была держать, и сказал:

– Кто-нибудь возьмите мать.

Он понимал, трудно сохранить спокойствие и самообладание перед внезапной, большой опасностью, ему начинало казаться, что состояние растерянности и беспомощности у отца с братом затянулось. Он оставил мать отцу, поставил лампу на стул и направился к выходу. «Если действительно происходит что-то серьезное, то уже, наверное, подняты по тревоге военные части, – подумал он. – А они руки опустили, мужчины...»

Но только Молеров вышел, как стихия оглушила его, и порывистый, сильный ветер вместе с водой забил ему дыхание. Он несколько раз судорожно глотнул и почувствовал, как холодный воздух проникает в легкие. Молеров ничего не видел, кроме беспросветной темноты. С нетерпеливым раздражением снял очки, мешающие ему, и при частых вспышках молний увидел картину, от которой невольно содрогнулся. Тяжелая масса черной воды, поблескивая при молниях, неслась через двор и, огибая дом, точно островок, устремлялась через сад вниз села. Грозная опасность представилась ему очевидной и близкой.

«Чем же я могу помочь им? Что сказать? – спрашивал он себя, закрывая руками лицо, поворачиваясь спиной к ветру и дождю. – Чтобы успокоить их, необходимо, прежде всего, самому быть спокойным, уверенным, что все будет хорошо».

Молеров чувствовал, что коченеет от холодного ветра и воды, но войти в дом и не сказать ничего обнадеживающего не решался. С горькой, насмешливой иронией он подумал, как скоропалительно решил, что брат с отцом трусливо растерялись, а сам теперь...

Но надо было что-то делать. Хотя бы потому, что он как ученый находит объяснение многим явлениям, от легкого дуновения ветерка до гигантских катастроф сталкивающихся галактик, он обязан владеть собой, собраться, сконцентрироваться в убежденности, что жизнь неистребима. Прочь назойливые картины, рисуемые воображением! – грязное озеро с крышами и деревьями, выступающими из воды, на которые взобралась осиротевшие люди. Молеров стоял на присьбе всего несколько минут, но ему казалось, что стоял долго. Он вошел в прихожую, и все с надеждой посмотрели на него.

– Дайте чем-нибудь вытереться, – спокойно попросил он.

Лида протянула ему полотенце.

– Положение серьезное, – сказал Молеров, протирая стекла очков. – Но не безнадежное. Думаю, вы в своей жизни пережили минуты и пострашней... Вспомните войну, – продолжил Молеров, проникаясь все большей убежденностью, что все будет хорошо. – И не одну войну. Разве мало вы пережили?

– Это так, – согласилась мать. – Но нам не за себя страшно. Мы уже свое отжили. Страшно за детей. – Она погладила дрожащей рукой их головки. – Они же маленькие еще, ничего не видели и не знают. Им жить и жить...

– Ну начала... – недовольно сказал отец, закуривая. – Петря прав. Испугались грозы. Мало гроз мы видели на своем веку...

– Весной я был в командировке в Рыбнице, – вспомнил Ваня приободрившимся голосом. – Да я вам

об этом говорил. Днестр так разлился, что затопил город. Что только ни плавало по улицам – лоханки, матрацы, разный домашний хлам... А недавно проезжал, как будто и не было наводнения...

– Все будет хорошо, – уже с совершенной убежденностью произнес Молеров, с удивлением отметив, что собака, которая злобно рычала, когда он проходил по двору, теперь доверчиво уселась у его ног. Он посмотрел на Лиду и добавил, улыбаясь: – И Лида еще будет меть детей...

– Ой, что ты! – отмахнулась она с наигранным испугом. – Выросли бы эти двое...

Гроза бушевала по-прежнему, но всем уже казалось, что гром не так грозен и не так сильны дождь и ветер. Ваня вышел во двор и, вернувшись, сказал, что как будто вода убывает. Хитро взглянув на отца, который сразу же понял его взгляд, Ваня подошел к брату и тихо сказал:

– Пойдем ко мне, по стаканчику...

Молеров отказался, со смущением ответив, что от вина ему плохо. Он пошел в свою комнату, чувствуя, что состояние его улучшилось. С неудовлетворением, даже с презрением, подумал, что не в силах был владеть собой и проявил слабость. Эти переживания представлялись теперь глупыми, до обидного смешными и мелочными, отвлекающими от главного. «Как это ничтожно в вечной, большой жизни, какая пустая трата бесценного времени перед неотвратимым, естественным финалом, который ожидает каждого!» – подумал Молеров, подходя к окну. Однако он вспомнил, что, несмотря на довольно критическое отношение к себе, подобное случалось с ним последнее время все чаще, все это он переживал глубже и продолжительней, и ему все труднее было уловить тот предательский, как бы ускользающий от сознания момент, когда он переходил от творческого, делового активного состояния, твердой убежденности, что он нужен человечеству, в безвольное, подавленное, когда со смертельной тоской чувствовал свою никчемность, когда жалкими казались его потуги проникнуть в мироздание и понять его тайны. Молеров провел пальцами по мокрому подоконнику и подумал, что если так будет продолжаться и дальше, он решительно ничего не добьется, то есть произойдет именно то, чему он противится всем своим существом – он уйдет из жизни раньше, чем перестанет биться сердце. А ведь он существует не в микромире, где физические процессы обратимы, симметричны во времени, где любую реакцию можно повторить с обратным ходом времени, в обратном направлении, он живет в макромире, где явления необратимы во времени, и он, прожив столько-то лет, не сможет вновь прожить свою жизнь в обратном направлении.

Если он и не гениально талантлив, то во всяком случае способности у него есть, в этом он убежден. Ему припоминается, что, когда он бывал особенно глубоко, творчески погружен в работу, его не покидало ощущение, что и сам он состоит из атомов и разных частиц. Иногда это ощущение так обострялось, что как бы сами собой рождались простые, но очень ценные мысли. Уже по одному этому признаку он должен быть всегда уверен в себе, что разгадка тайн внутреннего строения элементарных частиц – одна из самых актуальных задач современной физики – и есть его призвание.

Природные ресурсы земли, несмотря на их огромные запасы, не безграничны. Важное и благородное дело уже сейчас искать им замену. С каждой новой открытой частицей, добиваясь повышения плотности плазмы, ее чистоты и устойчивости, добиваясь удлинения времени ее существования, Молеров и другие ученые приближаются к решению проблемы термоядерного синтеза, уже представляют себе колоссальную картину аннигиляционного процесса. Владея в будущем огромной концентрацией энергии в ничтожно малом объеме, человеческая цивилизация проложит новые реки, создаст новые моря, изменит направление океанских течений, проникнет в глубь земли, построит множество космических станций, заселит планеты...

И, работая для такой великой цели, он позволяет себе расслабляться, углубляться в свои мелкие переживания, сомневаться в себе, вместо того чтобы искать действительные причины неудач?!

Завтра же он возвращается. Да и вообще, как он мог бросить работу в самый ответственный момент! Странно, что до сих пор он не понял, лучший отдых для него – любимая работа!

Молеров, удовлетворенный своими мыслями и душевным состоянием, отошел от окна, заметив, что гром уже едва слышится и, по-видимому, гроза проходит. Он подошел к кровати и, решив, что надо наконец спокойно, глубоко уснуть, что сон даст заряд бодрости на завтра, разделся и лег. Ему было легко и приятно лежать и смотреть в окно, освещаемое молниями. Было что-то удивительно напоминающее детство в этом мгновении, когда он со спокойной уверенностью чувствовал, что вот-вот забудется в приятном сне, и он по-детски подтянул ноги к животу и обнял их руками. С наслаждением проваливаясь в глубокий сон, он заметил у освещенной из прихожей двери мать и отца.

– Петря, – позвал отец и тихо закашлялся.

– Петря, – позвала мать ласково.

Молеров услышал, но не отозвался, бессильный, да и не желающий прервать быстрое погружение в сон. Старики постояли и молча удалились.

Молеров спал крепко. В одном из мгновений сна он вдруг почувствовал, что Земля, на которой стоит, находится где-то внизу, а он, Молеров, так врос во Вселенную, что видит вокруг себя черный космос с крупными яркими звездами, которые можно достать руками.

6

Обычно о природных явлениях говорят, что такого в таких местах не было, хотя на самом деле было, и не раз, о чем могут рассказать соответствующие записи и старые люди. Гроза, которая пронеслась ночью, бывает в крае, где Молеров родился, раз в пятьдесят-семьдесят лет, и, конечно, многие восприняли ее как явление необычное. В прошлом такие грозы сопровождалась большими разрушениями, гибелью людей и животных, да и сейчас в селе были сорваны крыши, разрушены дома, повалены деревья, улочки и дворы местами были глубоко размыты. Однако, учитывая, что главной опасности – наводнения – не произошло, благодаря тому, что от низины села сквозь холм к речке были проложены трубы ливневой канализации, все представлялось поправимым.

Следующий день был воскресенье. Молеров проснулся бодрым, с ясной головой. Одевшись и умывшись, он вышел во двор, чувствуя, что его охватывает знакомое, приятное творческое волнение, и нетерпеливая мысль как можно скорее вернуться в институт, неотступно преследует его. Во двор вода нанесла много земли и песка, накренила штахетный забор и ворота. В саду на земле валялись яблоки и груши, сорванные с устало поникших деревьев. Дул сильный, порывистый ветер, по небу стремительно неслись разорванные черные тучи, брызгающие мелким дождем и водяной пылью. В разрывах между тучами было видно удивительно голубое, чистое, свежее небо, и утреннее солнце, попадая в эти разрывы, вдруг ослепительными, теплыми вспышками освещало местность.

Взгляд Молерова остановился на тополе. Ровно шумя, с достоинством, изящно сгибаясь под ветром, он был еще более зелен и красив, и, казалось, ни одной веточки, ни одного листика не потерял он в жестокой борьбе со стихией. Не глядя на его могучий ствол, можно было подумать, что тополь еще молод. «И вовсе не для одного себя живет этот великан, а, как и все в природе, для всех, очищая воздух и давая людям уверенность. Надо жить, думая о жизни, а не о смерти, потому что только жизнь вечна, и она есть все! – подумал Молеров». И Молеров легко, по-мальчишески спрыгнул с присьбы.

У разрушенной времянки, шиферная крыша которой валялась рядом перевернутая и разбитая, молча и деловито работали отец и Ваня. Молеров, на носках перешагивая грязь и лужи, подошел к ним.

– Доброе утро! – поприветствовал он радостно, но тут же почувствовал себя неловко, стыдясь, что они заняты работой, а он только появился и ничем помочь не может.

– Утро давно наступило, но не очень доброе, – ответил Ваня, искоса, недовольно глядя на брата, вытягивая из кирпичей и штукатурки доску.

Молеров подумал, вчера Ваня готов был пожертвовать большим, только бы родные остались в живых, а сегодня ворчит из-за пустяка.

– Бог дал день, а черт – ненужную работу, – философски произнес отец, аккуратно складывая кирпичи.

– А мать и Лида где? – после неловкого молчания спросил Молеров.

– Ищут птиц, и свинья пропала, – ответил отец.

Молеров постоял в нерешительности, затем, собравшись с духом, сказал:

– Мне необходимо уехать. Сейчас же.

– Что у тебя загорелось? – спросил Ваня без удивления, но с заметной усмешкой. – Куда ехать?

– В аэропорт. Мне срочно надо вернуться на работу.

Ваня выпрямился, пристально посмотрел на худощавую, сухую фигуру брата, на его тонкие руки, на очки и серьезно, доброжелательно сказал:

– Бросил бы ты свою науку, Петря. Женился бы, пошли бы детишки. Мало ли другой работы! Денег, правда, ты много получаешь, но какой толк от них? Ни кола, ни двора у тебя. Ты говорил, надо после себя что-то оставить, тогда помнить будут. Э-э, дорогой мой, сколько людей было, каждый что-то оставил, и все они забыты... Брось, по-дружески говорю...

Молеров, с болью чувствуя, что брат где-то прав, ответил:

– Отец, ты вчера сказал, что каждый человек прежде всего человек своего времени...

Отец, не глядя на сына, тяжело вздохнул.

– Да, я не так грамотно сказал, но я это имел в виду.

– Так вот, это верно только в том случае, если каждый человек на своем месте. Вы – нужны здесь. Я – нужен там.

Ваня, обдумывая слова брата, все медленнее и медленнее разбирал кирпичи упавшей стены и, оставившись, спросил:

– Действительно сейчас хочешь ехать?

– Да, – ответил Молеров и, поспешно извиняясь, добавил: – Если твоя машина неисправна или ты не можешь, не беспокойся... Я поеду сам...

– Мой уазик всегда в исправности, – сердито проговорил Ваня и с любовью посмотрел на зеленый фургончик. – Из села сейчас можно выбраться только на нем и еще на волах...

– Подождал бы несколько дней, Петря, пока дорогу приведут в порядок, – грустно сказал отец.

– Некогда, некогда, – ответил Молеров, начиная тяготиться разговором. – Каждая секунда дорога...

Ему казалось, он, как никто другой, чувствует сейчас стремительный бег времени, как бесценно оно.

Ваня медленно, с неохотой, несколькими звучными хлопками отряхнул грязь с ладоней, ударяя их одну о другую и, критически посмотрев на брата, захромал к машине.

– Ну что ж, собирайся.

– Подождал бы мать, – сказал с упреком отец. – Попрощался бы как следует...

Молеров хотел что-то сказать, но потом только беспомощно махнул рукой и пошел к дому.

– Что ему мать, – услышал он голос брата, точно сильный удар в спину. – Да и вообще, что ему мы все? Не наш он какой-то...

Когда Молеров вышел, рядом с отцом стояла растерянная мать, держащая петуха. Увидев Петрю таким, каким он приехал – в костюме, в шляпе, с портфелем, – она бросила закудахтавшего петуха и мелкими, быстрыми шагами подошла к сыну.

– Как же так, Петря? Только приехал и уезжаешь! Побудь, побудь, – осторожно тронула она дрожащей рукой его руку. – Когда ты еще приедешь, и увидимся ли еще...

Ее глаза, окруженные морщинами, были в слезах и так умоляюще, просительно смотрели на сына, что Молерову стало невыносимо тяжело. Еще немного, и он не выдержит и останется.

– Надо, надо, мама. Я еще приеду и, возможно, скоро. Он избегал смотреть ей в глаза. Но тут же встретился с суровым, осуждающим взглядом отца, который нервно дергал ус.

Ваня стоял у машины, уйдя головой и туловищем в кабину, так что были видны только его ноги. Костя и Катя находились рядом и просили отца покатасть их.

– Отстаньте! – крикнул Ваня и с силой отбросил от себя дверь.

Дети испуганно притихли, но, увидев подходившего Молерова, остались стоять на месте.

Молеров вдруг ощутил какую-то пустоту вокруг. Это продолжалось буквально несколько секунд. И он понял – рядом не было Лиды. От этого стало тоскливо и грустно, так ощутимо Молеров почувствовал свое одиночество.

– Ну, готов? – спросил Ваня, прищурившись, внимательно взглянув на брата, вытирая тряпкой руки от масла.

– Да, – вздохнул Молеров.

– Так садись...

Ваня, ругаясь, с трудом открыл поврежденные бурей ворота. Молеров обошел машину спереди, неумело открыл дверь и, бросив портфель и плащ в кабину, взобрался на сидение. Кабина напоминала уголок Ваниной комнаты – на окнах висели занавесочки, а над ними фотографии улыбающихся киноактрис. Ваня сел за руль, машина закачалась и слегка осела. Думая о Лиде, ища ее взглядом, Молеров увидел детей, ожидающих, чтобы их покатали.

– Возьми их, – попросил Молеров.

– Нечего, – грубо ответил Ваня, откинув голову назад. Он включил зажигание, нажал на стартер, и двигатель, после нескольких сердитых оборотов, заработал ровно, почти бесшумно. – Дома работы хватает. Нечего болтаться без дела...

– Возьми, – жестко приказал Молеров, так что Ваня с удивлением посмотрел на него, и, не дожидаясь его согласия, крикнул: – Дети, садитесь!

Костя и Катя с веселыми криками через заднюю дверь прыгнули в машину и счастливые уселись на боковое сидение.

Машина двинулась, и Молеров, продолжая искать взглядом Лиду, увидел сиротливо стоящих рядом

отца и мать. Он вдруг почувствовал такую жалость и любовь к ним. Молеров открыл дверь и крикнул:

До свиданья, мама и папа! Я обязательно, обязательно приеду еще! Я скоро приеду! И надолго!

Машина выехала со двора. И тут Молеров увидел Лиду. Она шла, прижимаясь к забору, избегая грязи размытой улочки. Встречный ветер плотно обвивал платьем ее тело. На мгновение она показалась Молерову такой, какой была очень давно, в пору их юности – красивой, стройной, стремительной девочкой в белой кофточке в синий горошек... Увидев машину, Лида торопливо, уже не разбирая дороги, бежала навстречу. Когда она поровнялась с машиной, Ваня остановился. Молеров с радостью заметил, что Лида смотрит на него как-то необычно, пытаясь что-то сказать.

– Уезжаешь?

– Да, надо, – ответил Молеров с чувством безвозвратной потери и горестно закивал головой.

Впрочем, может быть, все это Молерову показалось, потому что Ваня, уверенный, что Лида смотрит только на него и спрашивает именно его, недовольно буркнул:

– Я скоро буду.

Машина, сильно кренясь по размытым улочкам, выезжала из села. Дети были в восторге, кричали и смеялись. Ваня морщился от их криков, а Молеров ничего не видел и не слышал, занятый своими мыслями.

Когда выехали на городскую дорогу и машина поехала ровно, без тряски, уверенно набирая скорость, Ваня удовлетворенно улыбнулся, оглянулся на радующихся детей и посмотрел на брата.

– Черти, – ласково произнес он. – Плохо им живется...

– Что? – спросил Молеров.

– Я говорю, плохо ли сейчас детям. Разве они живут так, как мы жили?

– Да, да, – рассеянно сказал Молеров, силясь вернуться к действительности и вглядываясь в приближающиеся высокие здания города.

«Бесполезно думать, как бы по-другому сложилась моя жизнь, потому что по-другому она, по всей вероятности, сложиться не могла, – подумал Молеров. – Важно знать, как она сложилась на самом деле, каков я сегодня и, исходя из этого, каким буду завтра, какова должна быть моя дальнейшая жизнь».

Солнце, попав в большое синее озеро между тучами, осветило землю так же, как и тогда, когда волосатое животное, став на две лапы и с великим напряжением всматриваясь в окружающий мир, начало мыслить и осознавать себя человеком, как будет светить еще через миллионы лет, когда человеческая цивилизация, создав неисчерпаемые источники энергий, распространится во Вселенной.

Евгения МИЛЬЧЕНКО

Родилась в 1991 году в г. Самара (быв. Куйбышев). В 2009 году окончила Самарскую Вальдорфскую школу. В настоящее время учится в СГАСУ на 5-м курсе архитектурного факультета.

26 роз

Снег шёл.
Мне снился сад в цветах.
Какую ночь подряд
Бродя по райским кущам,
Я проникала в жизнь, стучащую в висках.
Я ощущала смерть в безвременье идущих.
И каждый раз сквозь сон,
И каждый раз сквозь плач
Я провожаю их, я обнимаю тени –
И ощущаю жизнь, стучащую в висках,
И проникаю в смерть в минуты пробуждений.

* * *

Это было давно – и прошло, точно не было вовсе.
Утро ткёт полотно из лучей и теней,
Ветер звуки и запахи носит
Вдоль по улице, тронув фарватер реки,
В тихих заводах дворики, в омутках окон.
Я боюсь вспоминать, потому что легки и звонки
Нити – струны, соцветья, штришки,
Из которых так тщательно соткан
Этот вновь народившийся день.

* * *

Ах, воздушные гибкие змеи
Лёгких сумерек грозowych,
Невесомые космеи –
Воплощённый замедленный вихрь.
Сонной нежностью исполнен
Перепополненный жизни вдох,
В отдалённом сверкании молний
Крылья реющих лепестков.
Сонм парящий святых предчувствий
На связующих, на живых
Стебельках, из меня идущих,
Прорастающих в этот вихрь.

* * *

В моём обезлюдевшем мире –
Без прикрас! –
Ветер носит по улицам брызги
И, взвиваясь, поёт
И гасит окна
С оранжевым трепетом
Тех, кто спрятался в домах
До сумеречного рассвета:
За торшерами,
За книгами,
За синеватыми конфорками газовыми.
И треплются ленточки красные,
Предупреждавшие некогда об опасности.
А ветер ярится и въётся,
То задумается, то заплачет,
Бросаясь на пустые глазницы окон,
В которых свет уже и так погашен.

* * *

Испуганная, синеглазая – прянула,
В серый день без следа – канула.
Растерявшаяся, унеслась, исчезла,
Чиркнув синим по глазам лезвием.
Ты моя безголосая песенка,
Без тебя всё пусто и весело,
Даже улица дохнула неизвестностью
В бездыханном декабре месяце.

* * *

В синем блаженстве,
В контражуре теней сплетения и дыхания,
Логичная нежность проникновения,
Бесконечно прекрасное человеческое счастье.
Музыка изучающих прикосновений,
Ритмы, рождающие познание.
Я провалилась в твою уравновешенную бездну,
Ты заглянул в мою беспристрастную страсть.

Андрей РОСТОВЦЕВ

Литературное имя – Измаил. Родился в Ленинграде, учился в Кишиневе, сейчас живет в Москве. Работал помощником Э.В. Лотяну на фильме «Поэт Михай Эминеску». Восходил в горы, плавал по морям, гонял табуны по степи и любил красивых женщин, но ничто так не давало возможности прикоснуться к реальности, как высокое искусство – музыка, кино, поэзия.

Он на лестнице тихо курит

Посвящается Э.

Он на лестнице тихо курит,
Она делает вид, что спит.
На протоках московских улиц
Заблудилась душа-пиит.

По слогам и не в рифму бормочет,
У прохожих прося огонька,
Что-то ищет,
Чего-то хочет,
Что-то нужно сказать,
Но как...

Разлетается пылью пепел
Проведенных в разлуке минут.
Поцелуй его поздний так светел,
Но от дыма горчит во рту.

Поцелуи

Любимой поцелуи –
Серебряные пули.
Она их отливала
Из шепота и слез,
Из лунных бликов света,
Что в комнату скользнули,
Из наготы рассвета
И серебра волос.
Душе ее раздолье,
В ней черт и ангел спорят,
Когда в саду сирени
Под утро догорают.
Она движеньем кротким
Смирит безумство крови
И шелковой метелью
Укроет дом и сад.

Старый Новый год

Шары и звезды в блестках,
Мальвину и Пьеро
Мы в полночь снимем с елки
И ватой обернем.
Ты босиком спросонья,
За окнами метель
Заливисто и тонко
Трезвонит в нашу дверь.
Неслыханная щедрость –
Все в инее стекло,
Твоих касаний нежность
И сонных губ тепло.
Когда пушистым пледом
Укроет нас зима,
Ты не уйдешь, и следом
Я не сойду с ума...
В углу оставим елку,
Пусть дразнит запах хвои
Напоминаям колким
О наготы и боли.

Кишиневская любовь

От Ботаники на Чоканы,
Где полнеба заплел виноград,
По холмам я к цыганке Айе
Ночью спелой брел наугад.
Могут здесь и цыганское скерцо
Отыграть ножом на пути,
Виноградной косточкой сердце
Затвердело в тесной груди.
Лень бояться,
Цыганская фея
Сбережет как серьгу меня,
Чтоб волос ее гибкие змеи
На коней и на золото менял,
Чтоб монисто на девичьей шее
Я губами перебирал.

Поверх оков

Метет, метет по всей Руси
Таджик в халате.
Он кровный внук Фирдоуси
И брат лопате.
И впереди и позади
Москва шальная,
Гудет, гудет по всей Руси
Метель стальная.
Куранты ломают, бьет «максим»
Искристой пулей,
А он подзаряжает сим-
Карту для землячки Гули.
Покорный как ручная лань,
Как перси дивы,
Он воин света Тамерлан
В интерактиве.
Его скребок как русский рок
Неумолимый
Сугроб перемещает в бок,
Но чаще мимо –
Машин, быстро и бутиков,
И мимо смысла
Москвы, прародины снегов.

Наша Русь

С первым тумана дыханием
Мир омывает роса.
Тихим лампадным пламенем
В небе дрожит заря.
Трубы, заборы, поленницы.
Теплое чрево печей.
Жизнь здесь туманами стелется,
Словно дым от свечей.
Край, где всегда по соседству
Счастьем сопутствует грусть...
Только ли по наследству
Нам выпадает Русь,
Только ли по расчету
Мы отдаем долги,
Строя без вести и счета
В небе святых полки?
Облако – речка с протокой,
Ангел на лодке плывет.
Там, над высокой осокой
Боженька в небе живет.

Дождь в марте

(перевод Н. Станеску)

... дождь хлестал,
Но тишина в мансарде.
Над нами облака овал,
Как лед, беззвучно тает.
И мел крошится на стене,

Опущены все шторы,
И танец наших душ вдвойне
Скрыт от чуждых взоров.
Я над тобой прольюсь дождем,
Где в каждой капле – время.
Чего мы в этом мире ждем,
Ответь мне, Лорелея.
Еще ответь: был я высок
И красоты достоин?
Что жизни продлевает срок:
Дожди ли?.. люди?.. кони?..
Вода стеною, дождь – тюрьма,
Но нам тепло в мансарде.
Мы ждем как продолженье сна
Дождя в дождливом марте.

Rain in Mars
Infernal rain,
and we loved the loft.
The sky window, oval,
clouds flowed in Mars.
Odaii walls were anxious,
in chalk drawings.
Our souls danced
invisible being in a concrete world.
I'll rain on the wings, saying,
raining balls in the world and through time.
Nothing, I said, Lorelei,
Tell me it's raining flight feathers.
And I-tall.
And I did not know
where my world had left the room.
You called me last:
answer me, answer me,
who's more beautiful: people? ... rain? ...
infernal rain, rain all crazy,
and we loved the loft.
I would not have wanted to end
Never-the-moon of Mars.

Виктория ПИЛЕЦКАЯ

Родилась в 1939 году в д. Навдехи Минской области Белорусской ССР. Окончила горное отделение Минского индустриального техникума, Киевский автомобильно-дорожный институт. Работала геологом и геодезистом в различных регионах СССР. Первая авторская книга стихов «Краса земная» издана в Кишинёве в 1976 году. Начиная с 2001 года вышли авторские сборники стихов: «Рябиновый чай», «Запретное лето», «Гостевая виза», «Репейник», «Княженика», «Узоры», «Бирюза», «Тет-а-тет», книга очерков «Жизнь начинается с дороги», а также сага «Мир широкий» (в соавторстве с А. Чобан-Пилецкой). На протяжении ряда лет в различных сборниках публикуются ее переводы с молдавского, болгарского на русский и белорусский языки. Автор многих сказок, рассказов и стихов для детей. Член Союза писателей Приднестровья и Международного союза писательских союзов. Живет в г. Тирасполе.

Шаги

Малы обычные шаги,
Хоть ты иди или беги
Куда-то до изнеможенья,
Но чтоб недолго длился путь
И чтоб на многое взглянуть
Не мало средств передвиженья,
Когда в кругах воздушных сфер
И самолетам тесновато,
Когда увидеть в миг один
Плеяды взгорий и равнин
Позволит вдруг иллюминатор.
Все ж конкурентен шар земной
Новейшей трассе скоростной
По направлению на Млечный.
...В неисчислимой уйме лет
Не раскрывается секрет,
Что шаг земной? Что бесконечность?

* * *

Узнал он, где прячется ветер,
Услышал, как совы поют.
Добился успехов и денег,
Но к той, что нечаянно встретил,
Сумело бегущее время
Надежно запутать маршрут.
...По свету в делах колесил он,
Изведаль немало забав,
Был в умных влюблен и в красивых,
И даже подвергся «пиф-паф».
Забыл он, где прячется ветер,
Не слышал, как совы поют,
Но к той, что нечаянно встретил,
Не мог отыскать он маршрут.

* * *

В местах тех вряд ли буду впредь,
Где я вне праздности бывала
И где смолистую камедь,
Чтобы в рублях не оскудеть
Пусть и недолго собирала.
В местах, где вряд ли буду впредь...
Распадки...
Сопки...
Обалдеть!
В ручьях форель,
Леса на скалах.
А в них пошла малина зреть,
И в сборе смог поднатореть
Уже сластенушка медведь,
Иным внушая страх немалый.
... Цепочка дней – осенним балом,
На том балу листвянке рдеть!
И я забыла про камедь,
А на ветру листвянка шало
Себя на зиму раздевала,
Мне ж как намек была камедь,
Что здесь я вряд ли буду впредь.

Сопки

Гряды сопки.
И я там весною
Наблюдаю за ростом цветов.
С необычной для глаз быстротой
Те цветы появились весною.
...Что ж, и время. И место иное,
Но в мечтах необыденных вновь
Оказалась я в сопках весною,
А они – в полоненье цветов.

* * *

Он спросил:
 – Чем увлечь,
 Чем развлечь
 Мне, красотка, тебя?
 И услышал в ответ:
 – Развлеки,
 Увлеки,
 Позабыв про себя!

* * *

Ручей нагорный мчит в долину,
 А там виднеется река.
 Он не достиг ее пока.
 Замедлен бег ручья в долине.
 Трава густа и высока.
 Случилось быть мне в той долине
 И взглядом медленным окинуть
 Ручей нагорный,
 облака.

* * *

Знаешь, время хранит
 На просторе земном
 Русской речи магнит.
 Он мечты прилунит,
 Если бредишь о том.
 Меж веками мостом
 Он незримый стоит.
 Чуткий слух изумит
 У прибрежных раки
 Шум воды подо льдом.
 ...Где-то в давнем былом
 Там гусиным пером
 Стих свой Тютчев строчит,
 А в словах тех магнит.
 Что и нынче манит
 В майский вслушаться гром.
 В мире многих роднит
 Русской речи магнит.

* * *

...Соловей.
 А еще
 Синь-простор, что ничей.
 В преломление лучей
 Соловей,
 А еще
 Нежит камни ручей.
 Не его ли влечет
 Соловей, а еще
 Синь-простор, что ничей.

Ягорлык

Весь мир, что действительно очень велик,
 Уже достоверно изведен.
 В регистрах его и река Ягорлык,
 Приблизились к ней и кизил, и тростник,
 И терн на пригорках соседних.
 А простор вокруг них и красив, и велик,
 Там ветер – извечный камней резьбовщик –
 Тот с дождями проводит беседы
 На скальных террасах реки Ягорлык.
 Среди крутосклонов, массивов лесных
 Лежит уголок заповедный
 В пленяющем мире, который велик...
 Не лишние здесь рыболов и лесник,
 Зоолог, что фауне предан.
 И манит туристов к себе Ягорлык
 Туманным налетом преданий былых
 И нови, что ввел заповедник,
 Весь мир заприметил – безмерно велик –
 Озерную чашу реки Ягорлык.

* * *

Что ж, вода пожелала резвиться,
 С косогора вдоль мчалась она.
 Прилетели откуда-то птицы
 Над веселой водою резвиться.
 Пили воду олень и куница
 Там, где мелко, где галька одна,
 А вода продолжала резвиться,
 Удаляясь, шумела она!..

Букет

*По картине М. Ларионова «Окно в Тирасполе»,
 начало XX века.*

Вид на окно на фоне пышного букета
 Пространства близкого и отдаленного:
 Картина в приглушенно-теплом разноцвете,
 Где бурый цвет напевно-светел,
 И торжество в спокойнейшем зеленом.
 Что в большинстве на фоне пышности букета.
 «Окно в Тирасполе» – давно картина ретро,
 Но молодым художник Ларионов
 Ее создал чуть приглушенным разноцветом:
 Там хрюшам нет на выпасе запретов,
 И кто-то с ношею, едва заметной,
 В своем пути еще неутомленный...
 А долу в крохах, тихо оброненных
 Цвет васильков неутаенный...
 Там, на холмах, чуть приглушенным
 разноцветом
 Пространство родины.
 Оно воспето!
 Картину сердца создал Ларионов,
 Что восхищает давним разноцветом:
 Вид из окна на фоне пышного букета!

Ия КИВА

Родилась 4 мая 1984 года в г. Донецке, Украина. Окончила филологический факультет Донецкого национального университета по специальности «Язык и литература (русская)». Лауреат фестиваля «Ан Т-Р-Акт» Восходящего Солнца» 2013 (Украина, Херсон), диплом «За самобытную метафору». Лауреат III Международного молодежного поэтического конкурса им. К.Р. (Санкт-Петербург, Россия); 1-е место в номинации «Романс XXI века». Дипломант Первого Международного литературного Тютчевского конкурса, диплом «За острое чувство современности» в номинации «Лучшее философское стихотворение». Лауреат Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции-2013», 2-е место в номинации «Поэзия, общая тематика». Лауреат литературной премии им. Юрия Каплана (2013 год). Публикации: журнал «Студия» (Берлин), журнал «Слово\Word» (Нью-Йорк), «Журнал ПОэтов» (Москва), Интернет-журнал «Пролог» (Россия).

Питер. Дождь

Дождь. Крылатые машины.
Небо ванну принимает
И расплескивает брызги
По скелетам площадей.

Солнце смотрит фильм про звезды.
Фонари бульвар качают.
Вены рек бьют по каналам.
Шепот капель. Тополей

Мокрые глядятся лица
В мутность луж и рябь пространства.
На углу у поднебесной
Чайкам крылья раздают.

Ангелы вьют хороводы
В шпильях дождевой столицы
И играют с ветром в прятки,
Херувимскую поют.

Красота не исчезает,
В купольном рыжьем соборов
И в созвездьях томных арок
Сонный город сторожит.

Облака, скрывая жалость,
Отражают в окнах вечность
И целуют крыши в морды,
Пока время сладко спит.

* * *

Белому телу нужен кровавый бок,
Боль о глазок в животе неумело ранит,
Сердце стекает в мутный свекольный сок,
Прячется от солнца в грубом граненом стакане,

Как разошлись бы игольных дел мастера,
Ребра перебирая, как скорбь волынки,
Чтоб триста раз на чётках – алое «умерла»,
И ни одной, ни одной заминки...

* * *

Пройдет пятнадцать лет, а может, двадцать пять,
Простишь их всех, никто не будет нужен,
Сюжет состарится, и что-либо менять
В отснятых лицах станет ни к чему.

Простужен, помнишь, был, и каждый раз один
Глушил свой чай с лимоном, медом, мятой,
Поджав колени в кухонном углу,
И столько лиц на пленке той распятой
Тебе хотелось вырезать, отснять
С креста себя и кадры перепутать,
Смонтировать судьбу иначе как-нибудь,

Но в вязкой каше незамысловатой
Счастливой жизни в лучшем из миров
Все меньше сухофруктов, просто каши
Все больше. Да уж, заварили хорошо,
Который год едим, давясь и матюкаясь,
Когда и вслух, все больше про себя,
Тарелок с горки вяло поутру
Съезжая в липкую рассвета чайность,
Где кажется, что годы – ветхость снов,

Но ты опять один все с тем же чаем
Торчишь на подоконнике, как тля,
Твой личный остров недообитаем,
Здесь только ты, какой ни выбери маршрут,
И сотни каменных огромных истуканов,
Всегда один. Тебя здесь некому прощать.

Начинаю тебя терять

Зеркала крестят тело в который раз,
 Что-то здесь не так, чует темя глаза,
 Все черты – за меня. Кто из них предаст?
 Руки смотрят вперед, голова – назад,
 Раз, два, три...раз, два, три...
 Мы теряем такт,
 Мы теряем почерк среди бумаг,
 Мы меняем пульсы на штамп и брак,
 Доктор, доктор, а что же сердце?
 «Перебьется и будет так
 же, как все,
 Каждый сам себе сердцеправ».
 На губах базальт,
 Диких слов азарт
 Разбазаривать рот несказанно рад,
 Все – неправда, и мне уже скоро ...дцать,
 Отвернись, дай одеться,
 Не буду тебя терзать,
 Три, четыре, пять,
 И худой висок
 Тихо шепчет в мой седой волосок:
 «Ну и дура же...Так, тяни носок!
 А туда же, любовь плясать!
 Раз, два, три...раз, два, пять...»
 Мысли то вприпрыжку, то наискосок,
 Начинаю тебя терять.

* * *

Когда я умру, припили меня к небу, слышишь?
 Не хочу лежать в картонной коробке, хочу дышать
 Облаком на тебя, снегопадом, градом,
 Слизовать лед твоих ран карманным дождем,

Биться, биться внутри тебя нерожденной дочерью,
 Полыней морщин строчить в тебе строчки,
 Болтаться на веревочке вырванным календарем
 Из листка твоей жизни,

Просто припили меня к небу, слышишь?

От Щелкинской АЭС пешком

Дорога. Ритм шагов. И больше ничего.
 Я – Моисей, храни меня, мой посох,
 Я – Лев Толстой с забытым вещмешком,
 Бреду от Щелкинской АЭС пешком
 И сею мысли в раскаленный воздух.

В них мало своего, но соль времен
 Сочится в ранках губ, сыгравших с ветром
 В рулетку русскую, мой дом ушел под слом,
 Он был мне дорог, но с народом не везло,
 Мне Бог скрижалит в каждом километре,

Я к Декалогу глух, я глуп, иди,
 Борясь с собой и страхом в каждом жесте, –
 Мираж мой смысла, степь кривляется и лжет,
 Я – сталкер, с исправительных работ
 В чистилище спешащий в зной к фиесте,

А там застолье, шумный рокот лиц,
 И феньками сплетенных жменька судеб
 Детей подполья, выползших на свет
 Коньячных бликов, крепких взрослых сигарет,
 Случайных правд и пышных словоблудий.

Но я бреду и мерю шаг босой
 Заветом Новым, под ногами чуя бисер,
 Разбросанный две тыщи лет назад,
 И тенью абрис мой израильский распят,
 Пятнадцатым став свитком савлских писем.

* * *

Мы заперты в бараке перемен,
 Как пара шустрых блох в седой собаке,
 И дядя Сэм привычно машет нам на флаге
 Эскейпом в землю Оз, с подвозом в Диснейленд,

Старик Ошо расскажет нам «за жизнь»,
 Саньясой намекнув на мысль о бегстве,
 И мы с коровами в чудеснейшем соседстве
 Жить-поживать начнем в ашрамовой глуши,

А родина, даваясь слюной, смолчит,
 В который раз от нас себя избавив,
 Жизнь коротка, и людям нынче не до правил,
 Мы дышим в пятки generation beat,

Поскольку грек-Харон работает без виз,
 Подслеповато вглядываясь в лица,
 Нам снится вечный бой Аустерлица,
 И между датами лоснящийся дефис

Под соло IBM упрямо проступает,
 Шесть первых цифр и день и ночь зубря,
 Покуда спор о копирайте на тебя
 Умерший бог с покойным автором, хромая

В познание риторических фигур,
 Плетут, изъясняя значок чего-товеда
 Из обращения, ибо мир – театр бреда,
 В котором ноты не читают партитур.

Николай ШАПОВАЛ

Родился 23 мая 1995 года в Кишиневе. Учится в 12-м классе теоретического лицея «ORIZONT». Увлекается математикой, наивысшим достижением считает бронзовую медаль Международной математической олимпиады (2012 год, Аргентина). Из гуманитарных предметов отдаёт предпочтение литературе и истории. Стихи пишет давно. Пробовал писать и прозу, как на русском, так и на английском языках. Вдохновение обычно находит в ежедневных наблюдениях за природой и людьми, а также в произведениях классиков русской и английской поэзии.

Письмо самому себе

Сотри мне память выстрелом в висок.
Начни сначала, собери осколки.
Из чаши мысли утекут в песок
Иль упадут, как в сена стог иголки.
Занозы, болью приглушающие свет,
Воспоминания – немые и глухие,
Пустая гонка в чистом поле лет,
Нет, мы не будем вечно молодыми.
Я напишу тебе всего лишь пару строк,
Спаси меня, я дал тебе на это силы,
Сотри мне память выстрелом в висок,
Вернись к началу, изменив мотивы.

Я не люблю жару залитых солнцем переулков,
Мне не понять, в чём прелесть духоты ночной.
И, убегая с вечеринок летних, гулких,
Так хочется вернуться к осени домой.
Наполнить лёгкие дождя печальным ароматом,
Пусть грома звук волнует сердце мне,
Упасть на землю счастьем богатым
И раствориться в красно-желтом свете дней.

Обрывки мыслей – кляксами в тетрадь
И недописанным пейзажем на мольберте –
Храни для тех, кто их захочет дописать,
Не побоявшись истин или смерти.
Не стоит сомневаться в чудаках,
Но стоит опасаться постоянства,
И то, что прячется на чьих-то чердаках,
Могло бы приносить другим богатство.

Я молод – значит, жив и, значит, весел.
Я улыбаюсь, если вдруг гремит гроза.
Я верю, что из тысяч новых песен
Найдутся для меня и про меня!

Я молод – значит, я открыт для знаний,
Чужие взгляды я готов понять,
И, познавая мир не только в стенах зданий,
С запретных книг сорву мудрёную печать!

Я молод – значит, я всегда влюблен.
Любовь для молодости, как вода для рыбы.
И если вдруг построит дамбу он,
То я снесу её безудержным порывом!

Я молод – значит, есть куда расти.
Сквозь тернии к звездам, от вершин к вершинам.
Я вознесу свою мечту под небеса,
Только не меряйте её своим аршином!

Я молод – значит, свет горит в окне,
Ночные мысли тише и душевней.
И что поделывать, коли так удобней мне
Творить или читать в тиши вечерней.

Я молод – значит, громок и силен.
Я вам читаю строки своих песен!
Моя судьба в моих руках. Не побеждён!
Я молод – значит, жив и, значит, весел!

Ксения СЛОВИНЯНУ

Родилась в 1997 году в городе Кишинёве. Учится в Кишинёвском Театральном лицее в 10-м классе. Увлекается поэзией и танцами. Писать стихи и рассказы начала в возрасте 11 лет. На стихи Ксении композитор Мариан Стырча написал музыку. Это её первый успех.

Талант

Погибает талант, господа!

Талант погибает!

Он в бездну летит свысока,
но он не летает.

А мы закидаем таланты камнями,
чтоб ночью они не блестели
чудными огнями.

Пусть тонут и гибнут,
спасенья им нет.

И рифы морские прилипнут –
лишь эхо в ответ.

Ослышалась я, господа.

Талант не кричит и не молит он бога,
лишь тихо прилег, где сплошная дорога
рванёт ли наверх, он в свете луны,
лишь горесть так часто видна
и карманы полны.

Блуждает по улице чья-то чужая душа,
и негде пригреться, блуждает одна,
а в окна заглянет и с чудом проснется она,
мгновенье, и у таланта жизнь превращена,
в сплошное марево.

Зовётся лишь судьбой та суета.

И вот талант, который погибал,
рванул наверх,
поближе к облакам, о чём мечтал,
заданий сверхсекретных он не знал.

Всего одна звезда зажглась,
а три всего упало.
Как три души, одна из них сожглась,
в неведомом и смутном космосе пропало.
Таланты гибнут, звёзды гаснут,
а люди, не заметив силу всех огней,
а люди чахнут.
Открыты все ворота,
и нет у них пристрастия милей,

Мгновенья ждут и поворота,
не замечая дивных тополей.

Мольбы мои так тихи.

По улицам проходит образ, но безликий.

И клятвы все никчемны.

Идёт он не спеша, моменты тёмны.

Звезда зажглась – одна,
а три погасли.

Весна уже прошла,
и чувства все угасли.

Гибнет талант, господа!

Талант погибает!

Он в бездну летит свысока, но он не летает...

Жалею о ночи июльской,
Жалею о том, что с тобой,
О том, что по улице узкой
Ходили мы вместе порой.

Жалею о том, что склоняла
Я голову ниже колен,
Ну, или о том, что мечтала
О том, чтоб забрал меня в плен.

Мы вместе смотрели на звёзды
И вместе горели в огне.
Конечно, нам было просто,
Но как же хочу я к тебе!

И пусть ты меня затопчешь,
Пусть душу на части порвёшь
И даже с кровати не вскочишь,
На улице мимо пройдёшь.

И спрашиваешь – я не жалею?
Ты ещё смеешь спросить?
Да, я тобою болею,
Но тебя не смогла бы простить!

25.09.2013 г. в 11.00 на площадке администрации г. Дрокия прошла выездная презентация Государственной программы переселения соотечественников в Пензенскую область при участии сотрудников консульского отдела Посольства России в Молдавии (Рощина Тамара Георгиевна, Диков Илья Сергеевич), представителя уполномоченного органа по Пензенской области (Сливенко Игорь Вячеславович), общественных организаций соотечественников Молдавии.

26.09.2013 г. в 10.00 на площадке Российского центра науки и культуры прошла презентация Государственной программы переселения соотечественников в Пензенскую область при участии сотрудников консульского отдела Посольства России в Молдавии, представителя уполномоченного органа по Пензенской области, общественных организаций соотечественников Молдавии.

В ходе мероприятия представитель уполномоченного органа исполнительной власти Пензенской области подробно рассказал о ходе реализации Государственной целевой программы переселения соотечественников в Пензенскую область.

Долгосрочная целевая программа «Содействие добровольному переселению в Пензенскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013 – 2015 годы»

Паспорт региональной программы переселения

Наименование Программы	Долгосрочная целевая программа «Содействие добровольному переселению в Пензенскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013 – 2015 годы» (далее – Программа)
Наименование и номер правового акта о принятии решения по разработке Программы	Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (с последующими изменениями). Распоряжение Правительства Пензенской области от 12.11.2012 № 570-рП «О внесении изменений в распоряжение Правительства Пензенской области от 25.06.2012 № 346-рП».
Дата согласования проекта Программы Правительством Российской Федерации	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 № 1235-р
Государственный заказчик Программы	Правительство Пензенской области
Уполномоченный орган, ответственный за реализацию Программы	Министерство труда, социальной защиты и демографии Пензенской области (далее – Минтруд Пензенской области)
Соисполнители Программы	<u>Министерство инвестиционного развития и предпринимательства Пензенской области. Министерство здравоохранения Пензенской области. Министерство сельского хозяйства Пензенской области. Управление культуры и архива Пензенской области. Комитет Пензенской области по физической культуре и спорту. органы местного самоуправления муниципальных районов</u>

	Пензенской области (по согласованию) (далее – органы местного самоуправления), государственные казённые учреждения центры занятости населения Пензенской области (далее – ГКУ ЦЗН), государственное казённое учреждение Пензенской области «Центр трудовой миграции» (далее – ГКУ «Центр трудовой миграции»).
Цели и задачи Программы	Цель: Привлечение дополнительных трудовых ресурсов в сельскую местность Пензенской области. Задачи: 1. Информирование соотечественников по вопросам участия в Программе и переселения на территорию вселения «Пензенская область»; 2. Оказание содействия участникам Программы и членам их семей в обустройстве на территории вселения «Пензенская область»; 3. Закрепление переселившихся участников Программы в Пензенской области и обеспечение их социально-культурной адаптации и интеграции в российское общество; 4. Развитие человеческого потенциала; 5. Сокращение дефицита трудовых ресурсов; 6. Развитие малого и среднего бизнеса.
Сроки и этапы реализации Программы (подпрограмм)	2013-2015 годы.
Перечень подпрограмм	-
Объем и источники финансирования (по годам)	Общий объем финансирования Программы составит 2222,8 тыс. рублей, в том числе: 2013 год – 1501,9 тыс. рублей; 2014 год – 332,5 тыс. рублей; 2015 год – 388,4 тыс. рублей; - за счёт средств бюджета Пензенской области – 1098,9 тыс. рублей, в том числе: 2013 год – 378,0 тыс. рублей; 2014 год – 332,5 тыс. рублей; 2015 год – 388,4 тыс. рублей; - за счёт федерального бюджета – 1123,9 тыс. рублей: 2013 год – 1123,9 тыс. рублей; 2014 год – 0,0 тыс. рублей;

	2015 год – 0,0 тыс. рублей.
Целевые показатели	- количество соотечественников, принявших участие в Программе; - доля участников Программы, получивших содействие в жилищном обустройстве, к общей численности принявших участие в Программе; - доля участников Программы и членов их семей в трудоспособном возрасте, получивших содействие в трудоустройстве, к общей численности принявших участие в Программе; - количество участников Программы и членов их семей, принявших участие в организации самозанятости (индивидуальное предпринимательство, личное подсобное хозяйство) - доля расходов бюджета Пензенской области на реализацию предусмотренных региональной программой переселения мероприятий, связанных с предоставлением дополнительных гарантий и мер социальной поддержки переселившимся соотечественникам, предоставлением им временного жилья и оказанием помощи в жилищном обустройстве, в общем размере расходов бюджета Пензенской области на реализацию предусмотренных региональной Программой переселения мероприятий.
Основные показатели эффективности Программы	Реализация мероприятий Программы позволит в 2013-2015 годах привлечь в сельскую местность Пензенской области 2003 участника Программы и членов их семей (из расчета коэффициента семейственности равного 2,5).
Ожидаемые конечные результаты реализации Программы	Реализация Программы позволит обеспечить: 1. Вселение на территорию Пензенской области 2003 соотечественника из них: 668 участников Программы и 1335 членов их семей, в том числе по годам: - 2013 год – 199 участников Программы и 399 членов их семей; - 2014 год – 224 участника Программы и 448 членов их семей; - 2015 год – 245 участников Программы и 488 членов их семей. 2. Повышение имиджа Пензенской области и Российской Федерации среди соотечественников,

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Прогулки по Шанхаю

Беседы с Дэвидом

Стыдно признаться, но за шесть лет жизни в Корее мы уже трижды побывали в Китае, но в Шанхай летели впервые, хотя он находится всего в часе лета от нашего города. После приземления в аэропорту Пудонг к нам подбежал молодой китаец и сказал, что вскоре автобус отвезет нас в университет Фундан, где будет проходить международная конференция по нанотехнологиям в физике и химии, на которой должен был выступить с докладом мой муж.

– Добро пожаловать в Шанхай! – приветствовал нас высокий, красивый юноша, широко улыбаясь. – Вы можете звать меня Дэвидом, это мое английское имя.

Ожидая автобус, мы немного поболтали с Дэвидом и были очарованы как его внешним видом, так и великолепным английским, на котором он изъяснялся как на родном языке. Тонкие черты лица, нос с горбинкой, стройная фигура и стильная одежда выделяли Дэвида в толпе снующих по аэропорту приезжающих-отъезжающих. Если бы не его азиатские глаза, он вполне мог сойти за европейца.

– Дэвид, откуда у тебя такой приятный британский акцент? – поинтересовалась я. – Как долго ты жил в Англии?

– Я никогда не покидал пределов Китая, – засмутился Дэвид. – Просто смотрел много английских фильмов и практиковался... Если хочешь чего-то добиться в жизни, нужно обязательно выучить английский.

– А где ты родился? В Шанхае? – продолжала я пытаться Дэвида.

– Нет, я приехал в Шанхай из центральной провинции Tsinghai и поступил в университет. Сейчас я студент первого года магистратуры, специализируюсь в химии полимеров. Пока будет проходить конференция, я и еще несколько студентов будем решать все организационные вопросы и присматривать за всеми участниками.

Во время пребывания в Шанхае мы поражались, как замечательно удавалось небольшой группе студентов организовывать и направлять толпу, состоящую более чем из ста пятидесяти человек – участников конференции, прилетевших из многих стран мира. За все то время, пока мы ездили на экскурсии, бродили по колоритным улочкам старого города и восхищались небоскребами Пудонга, финансового центра, катались на кораблике по реке Сучжоухэ и любовались видами ночного, сверкающего разноцветными огнями Шанхая, смотрели знаменитое шоу акробатов в китайском цирке и вкушали разнообразную китайскую еду в лучших ресторанах, наши студенты ни разу не прокололись. Они окружили нас ненавязчивой заботой и вниманием. Никогда не забуду, как после представления в цирке мы с мужем решили вернуться в наш отель, находящийся в центре, на метро, а не возвращаться со всеми участниками в гостиницу, где проходила конференция. Дэвид показал нам ближайшую станцию метро и объяснил, где выходить, хотя мы и сами знали. Шанхай – город очень спокойный, здесь тебя никто не обидит, и можно смело ходить по улицам даже глубокой ночью. Мы шли к метро, а череда автобусов с участниками неспешно проплывала мимо нас. Вдруг один из автобусов остановился, из него выкатились две перепуганные девчушки и бросились к нам: «Вы отстали от автобуса? Почему вы здесь одни, на улице, ночью?» «Не волнуйтесь, мы доберемся на метро в нашу гостиницу, а вы поезжайте!» – успокоили мы разволновавшихся юных студенток. Было немного смешно и очень приятно.

Если хочешь побольше узнать о людях, населяющих город, об их повседневной жизни и традициях, экскурсии не помогут. Поэтому мы использовали каждую свободную минуту, чтобы поговорить с Дэвидом и задать ему свои вопросы, на которые получали подробнейшие ответы. А рассказчиком он оказался замечательным!

– Дэвид, что означают иероглифы, из которых состоит слово Шанхай? – поинтересовалась я.

– Первый иероглиф, 上 – шанг – означает «на»; второй иероглиф, 海 – хай – «море». То есть Шанхай – это город на море.

– Почему ты выбрал для учебы Шанхай?

– Может, вы удивитесь, но 90% шанхайской молодежи – это приезжие из других провинций. В Китае разрешено иметь только одного ребенка, и нация быстро стареет, а доля работоспособного населения

стремительно уменьшается. Сейчас 30% жителей Шанхая – пожилые люди, а для быстро развивающегося мегаполиса нужна молодежь. Моя девушка – тоже не уроженка Шанхая, мы с ней родились и выросли в одной провинции. И все другие студенты, работающие на конференции, – совсем не коренные шанхайцы, а приезжие из разных провинций Китая.

- Ты уже чувствуешь себя шанхайцем? Ведь ты живешь здесь уже пять лет.
- Да, я уже почти шанхаец. Но еще не такой мягкий, как все шанхайские мужчины.
- ???

– В Шанхае есть пословица: «Имеешь дочь, будешь как сыр в масле кататься, а если у тебя сын – по миру пойдешь». Шанхайская семья, в которой растет единственный ребенок, очень радуется рождению дочери, и сейчас я объясню, почему. Шанхай и его пригороды славятся тем, что мужчины здесь очень мягкотелые и полностью подчиняются жене. То есть тут, у нас – классический матриархат, в отличие от северных провинций Китая, где до сих пор царит конфуцианство и люди живут по его законам. Да и в центральных провинциях все не так. Когда двое молодых людей собираются пожениться, это не только их союз, а еще и союз двух семейных кланов. Здесь, в Шанхае, перед свадьбой будущая теща дает жениху на подпись бумагу, где перечислено по пунктам все то, чем ее дочь не должна и не будет заниматься. Например: стирать, гладить, убирать квартиру, следить за ребенком и многое другое. Кроме того, перед свадьбой жених обязан купить дом или квартиру, а затем – машину, хотя это очень непросто сделать. Всеми делами в семье заправляет жена. Все финансы – в ее руках, она же принимает решения и о необходимых покупках и тратах.

- А муж что делает?

– Он много работает, но в то же время убирает, стирает, ходит за покупками, если есть необходимость и жена даст денег, и нянчит ребенка. Здесь говорят: «Шанхайский мужчина – это почти мужчина». Я, наверное, тоже таким стану, но до этого еще далеко – мы, как правило, женимся годам к тридцати, а мне только двадцать два. Нужно закончить учебу, затем защитить диссертацию и заработать денег на квартиру. Снимать ее в Шанхае очень дорого, уж лучше взять кредит и купить.

Тут я вспомнила наших китайский друзей, молодую пару, с которыми мы прожили в Корее бок о бок два года. Синди родилась и выросла в Шанхае и была настоящей шанхайской женой. Лиу, ее муж, был выходцем из какой-то центральной провинции Китая. Он получил в Шанхае отличное образование и встретил свою судьбу – Синди, очаровательную, задорную и веселую девушку. Они поженились, а затем Лиу нашел работу в Корее, где мы познакомились и подружился. Несмотря на то что Лиу был ассистентом профессора, очень много работал и содержал семью, он успевал стирать, убирать квартиру и нянчить маленькую дочку. Когда их ребенку исполнилось шесть месяцев, Синди отправила ее в садик. На мой вопрос, почему она это сделала, Синди ответила: «Это что, я буду целыми днями сидеть с ребенком, пока Лиу на работе, и медленно сходить с ума? Пусть идет в садик, там за ней присмотрят!» Как-то весенним воскресным днем я встретила Синди. Она сидела на скамейке, пригравшись на солнышке, в то время как ее прелестная годовалая дочка ковыляла неподалеку, почему-то без обуви, в одних носках. Юная шанхайская мама возмущалась: «Представляешь, Лиу пишет какой-то отчет и сидит на работе, а я должна гулять с ребенком! В свой выходной!» Как будто у нее не каждый день – выходной. Сейчас, после рассказа Дэвида, я многое поняла и больше не осуждала Синди и не жалела Лиу. Они просто жили как обычная шанхайская семья, следуя своим традициям.

– Дэвид, ты говорил, что пока не можешь жениться, так как еще не закончил учебу и не заработал на квартиру, – продолжала я пытаться юношу. – А машина? Ее-то ты можешь купить? Все корейские студенты ездят на своих машинах, это норма.

– В Китае все иначе. Перед тем как купить машину, здесь нужно приобрести лицензию на право владения автомобилем. А стоит эта лицензия на сегодняшний день примерно 13 000 долларов США, и каждый год ее стоимость возрастает. Еще пять лет назад лицензия стоила примерно 7 000 долларов. То есть хочешь машину – купи лицензию, а это – огромные для нас деньги. Поэтому, как правило, несколько семей объединяются и покупают одну лицензию плюс машину на всех, так дешевле. Вот и получается, что мы переплачиваем за владение автомобилем в несколько раз. Вы же видите, что в Шанхае, в этом огромном мегаполисе с самым большим населением на планете, многие до сих пор предпочитают передвигаться на велосипедах или скутерах.

– Шанхай – огромный, красивый город, – продолжала я. – Но что странно, жизнь здесь замирает после 10 часов вечера. Автобусы к этому времени уже не ходят, а метро закрывается в 22:30. Как же вы добираетесь домой после похода в ночной клуб, например? Такси ведь не всегда можно поймать?

– Мы не ходим в ночные клубы. Они – только для иностранцев, китайцам туда вход запрещен. Мы очень много и усердно учимся и работаем. Поэтому ночная жизнь – не для нас, а только для иностранцев и туристов.

– За неделю нашего пребывания в Шанхае мы не видели ни одного пьяного. Зато вечером, так и ча- стенько утром наблюдали за танцующими на улицах немолодыми людьми. Нам очень понравилось! Мне даже хотелось к ним пристроиться, так зажигали эти бабушки и дедушки. Некоторые танцевали вальс и танго парами, а некоторые – собирались в группы и очень слаженно танцевали под бодренькую музыку. Создается впечатление, что вы – достаточно здоровая нация. Пьете ли вы алкоголь?

– Китайцы, – продолжал Дэвид, – вообще мало пьют, это не принято, а для студентов еще и доро- говато. Бутылка вина в магазине стоит примерно 200 юаней, а пиво – 6-7 юаней. Зато китайцы много работают (смеется). Помните, вчера на банкете по случаю закрытия конференции на каждом столе, рассчитанном на 15 человек, стояла одна бутылка красного вина, одна бутылка пива и кока-кола. Вы заметили, что вино и пиво пили только иностранцы, а китайцы – кока-колу?

– Да, мы это заметили, причем вино было китайское и не очень хорошего качества. Нам удалось его только понюхать, так как за нашим столом сидела большая группа поляков. И пива нам тоже не доста- лось.

– Хотелось бы поговорить о китайской еде, – продолжала я. – Пока мы были в Шанхае, нас кормили в лучших ресторанах города, очень вкусно, кстати. Вот только что удивительно: на столах, ломившихся от разнообразной еды, было очень мало овощей и совсем не было морепродуктов, к которым мы так привыкли в Корее. Где устрицы, мидии, крабы, кальмары? Только на прощальном банкете нам подали жареного карпа и омлет с мелкими моллюсками, причем самих моллюсков мы не откопали, только ра- кушки. Почему?

– Да, вы правильно отметили, овощей у нас стало продаваться мало. И с морепродуктами ситуация неважная, хотя море – вот оно, рядом! Крестьяне больше не хотят выращивать овощи, это трудоемкая и неблагоприятная работа. А рыбаки не хотят больше заниматься своим промыслом. Многие из них продают свои лодки, берут в аренду участки земли и сажают на них либо цитрусовые, за которыми легко уха- живать, либо тутовые (шелковичные) деревья. Выращивать шелкопряда гораздо выгодней, чем овощи. Один его кокон стоит всего 1 цент, но это все равно приносит хороший доход. Производство шелка здесь налажено много веков назад, а натуральный шелк в Китае, если вы заметили, очень дорогой и пользуют- ся спросом как у китайцев, так и у туристов, хотя можно встретить много подделок.

– А как отличить подделку от настоящего шелка?

– Ну, это просто, – продолжал Дэвид. – Если, например, на шарфе есть этикетка, на которой написа- но, что это 100% шелк, то это так и есть. Правда, не факт, что он после стирки не полиняет. За продажу подделки в Китае каждому, кто это делает, грозит тюремное заключение до 10 лет, поэтому продавцы боятся обманывать. Если хотите купить качественный шелк – лучше покупайте в дорогом бутике или в магазине при шелковой фабрике и всегда смотрите не этикетку.

– Как вы обходитесь без социальных сетей, которые в Китае заблокированы? Вы не можете пользо- ваться Facebook или Twitter, не смотрите видео, выложенные в You Tube. Вас это не раздражает?

– Нет. Как может раздражать то, с чем не знаком? Зато мы не теряем время, а компьютер используем для достижения своих целей. Если хочешь чего-то добиться в жизни, нужно очень усердно учиться и много работать. А к этому китайцам не привыкать.

Наша последняя беседа с Дэвидом проходила в Oriental Pearl Tower, то есть в Жемчужной башне Востока, которая действительно напоминает жемчужное ожерелье. Нас привезли сюда, чтобы мы, под- нявшись на смотровую площадку, могли оценить всю красоту Шанхая с птичьего полета и заодно озна- комиться с его историей, посетив музей истории Шанхая, находящийся там же, в башне. Мы сидели, немного оглушенные после прогулок по стеклянному полу смотровой площадки почти на 300-метровой высоте, по которому очень страшно ходить и хочется сесть и не смотреть вниз. Мы были полны впечат- лений после посещения музея, где нам удалось полностью погрузиться в колониальную эпоху первой половины двадцатого века, когда Шанхай был поделен на иностранные сегменты, в которых проживали люди, принадлежащие различным концессиям: японской, французской (там же селились и русские), не- мецкой и английской (куда же без англичан?). Проходя коридорами музея, декорированными под улицы, колониального Шанхая, мы практически ощущали то время, когда разряженные дамы и кавалеры, жи- тели иностранных концессий, гуляли по городу, давали балы, посещали клубы, в то время как местное население жило в нищете. Теперь нам стало понятно, почему некоторые районы Шанхая так напоминают

Европу. Иногда нам казалось, что мы находимся не в Китае, когда из окна нашего отеля открывался вид на почти московские здания сталинской эпохи или когда мы обедали в роскошном отеле во французском районе, гуляли по набережной, так напоминающей архитектурой зданий то ли Москву, то ли Мельбурн, а затем бродили по немецким кварталам, где за столиками небольших ресторанчиков сидели большие и толстые немцы, поедали сосиски с капустой и запивали темным пивом.

– А что вы думаете о нас, китайцах? – поинтересовался Дэвид в конце беседы.

– Вы – дисциплинированная нация и всего достигаете упорным трудом, – отвечала я. – Побывав на шоу акробатов и посмотрев их невероятные трюки, я вдруг сразу поняла, почему Китайские спортсмены выигрывают Олимпийские Игры. Упорный, тяжелый, каждодневный труд – вот ваша жизнь. И вот причина вашего необычайного экономического роста. Хотя нас очень удивляет то, что пожилые люди здесь совсем не защищены, ведь они не получают пенсий. И это – тоже одна из причин такого быстрого роста. Нет пенсионных отчислений, значит, нет и дополнительных расходов бюджета. А вообще, китайцы – народ предприимчивый, живой и неунывающий, поэтому все у вас будет хорошо. Благодаря тебе и твоей замечательной команде студентов, опекавших нас все это время, мы покидаем Шанхай счастливыми, полными впечатлений и обязательно приедем сюда вновь. Удачи тебе, Дэвид!

